

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

1/2012

ISSN 2079-1968

Регистрационный номер

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ ФСС 77-39740

Индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 37137

www.cegr.ru

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 1 2012 г.

Редакционная коллегия:

*Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ (главный редактор);
Говердовская Е.В. – доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора); Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор;
Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н. - доктор философских наук, профессор; Горелов А.А. - доктор педагогических наук, профессор; Губарь О.В. – доктор экономических наук, профессор;
Каргиева З.К. - доктор педагогических наук, профессор; Кокоева Л.Т. - доктор юридических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Мокрецова Л.А. - доктор педагогических наук, профессор;
Муругова Е.В. – доктор филологических наук, профессор; Пугачева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М.Д. - доктор философских наук, профессор; Суций С.Я. - доктор социологических наук, доцент; Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В. - доктор философских наук, профессор; Цечоев В.К. – доктор юридических наук, профессор; Шенгаров Г.Х. - доктор философских наук, профессор.*

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ЗАЙЛАЛОВ И.И. Состав волжских болгар золотоордынского времени.	3
НАДИРОВ С.Н. Укрепление сельских советов Дагестана и повышение их роли в переустройстве села (1929–1932 гг.).	10
СОКОЛОВА Е.В. Взаимоотношения помещиков и их крепостных крестьян в Псковской губернии во второй половине XVIII в.	16

ПЕДАГОГИКА

КАДЫРОВА Ф.М. Профессионально-языковое становление специалистов в контексте общеевропейской образовательной интеграции. ...	24
КОВАЛЬЧУК О.В. Повышение эффективности образовательных систем на основе разработки муниципальной системы управления качеством образования.	28
КУРЗАЕВА Л.В., ОВЧИННИКОВА И.Г., Социальный аудит как необходимое условие повышения конкурентоспособности высшего образования.	36
МАКАРОВА Е.Л. Специфика моделирования компетентно - ориентированного учебного процесса на базе технологии тьюторства.	42
ПИСАРЬ О.В., РЕБРИК Э.Ю. Психологическое сопровождение студентов - фактор их личной безопасности.	48
ПУГАЧЕВА Н.Б., ПИСАРЬ О.В., РЕБРИК Э.Ю. Формирование мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности.	56
ПУГАЧЕВА Н.Б., СУДДЕНКОВА Н.В., ТАТАРИНОВА И.П. Сущностная характеристика инновационной образовательной среды. ...	63

ПОЛИТОЛОГИЯ

ЗАКОЛОДНИЙ Р.А. Методологические принципы формирования политической концептологии.	71
---	----

ПРАВО

ПЛЕХОВА О.А. Формирование «новой» бюрократии и состояние коррупции России в период реформ 90-х. гг 20 века.	79
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

ПЕРЕВЕРЗЕВА О.В. Институциональные функции семьи. 85

ФИЛОЛОГИЯ

АРЧАКОВ Р.А. Субстантивная номинация и эвфемизация: аспекты теоретического осмысления. 91
АРЧАКОВ Р.А., ШИНКАРЕНКО М.С. Местоименная соотносительность и текстовый уровень употребления субстантивной номинации. 98
ГАЙЛОМАЗОВА Е.С. Прагматическое содержание основных типов грамматической квантификации (именная дистрибутивность). 106

ФИЛОСОФИЯ

КАМАЛОВА О.Н. Развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в. 113
НАЗАРОВА М.П. Основные подходы в исследовании архитектурного пространства. 118
РОДИОНОВА В.И. Социальные практики в условиях технологизации: основные подходы и интерпретации. 124
ШАМИЛЕВА Р.К. Фактор справедливости в политике регулирования социально-экономических отношений российского общества. 134
ЯКУБА Э.В. Страх как инструмент господства (обращаясь к Мишелю Фуко). 140

ЭКОНОМИКА

КОНЮХОВ В.Ю., КРАСИКОВА Т.Ю. Применение метода DEA для оценки эффективности инвестиций в Инновационный научно-образовательный кластер. 146
МАГОМАЕВА Л.Р. Роль прямых инвестиций для финансирования инновационной деятельности средних и малых предпринимательских структур в России. 150
РАСТВОРЦЕВА С.Н. Развитие процессов концентрации экономической активности в регионах России. 154
САРЧЕНКО В.И. Особенности механизма финансирования строительства жилой недвижимости. 159
ХИЖНЯКОВ Д.М., ЗАХАРОВ П.Н. Инвестиционно - инновационная деятельность строительного предприятия как фактор его экономической устойчивости. 165

ИСТОРИЯ

УДК 93

СОСТАВ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

Зайлалов И.И.

COMPOSITION OF THE VOLGA REGION BULGAR ETHNOS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

Zailalov I.I.

В статье приведен анализ историко-этнографических исследований народов Волго-Уральского региона. Автором определена общность этнокультурного и социально-политического становления исследуемых народов, обозначено тюркское этносоциальное влияние на формирующиеся финно-угорские народы региона, показано увеличение межэтнических взаимодействий в период Казанского ханства. В работе сделан вывод о том, что данный период явился для многих народов региона процессом этнического становления.

The article presents an analysis of historical and ethnographic studies of the peoples of the Volga-Ural region. The affinity of ethno-cultural and socio-political formation of the studied people is defined. Turkic ethnical and social influence on forming Finno-Ugric peoples in the region is marked. The increase of inter-ethnic interactions between the Khanate of Kazan is shown. The conclusion that this period for many people in the region was a time of the process of ethnic formation is drawn.

Ключевые слова: этнические контакты, этносоциальный, интеграция, миграция, мифология, дифференциация, болгаро-татарская эпоха, период Золотой Орды, ассимиляция.

Keywords: ethnic contacts, ethno-social, integration, migration, mythology, differentiation, bulgaro-tatarian epoch, Golden Horde period, assimilation.

В аспекте этнических процессов наибольшие последствия в период Золотой Орды имело фактическое исчезновение границ между Волго-Уральским регионом и Дешт-и-Кипчаком, которые и раньше были во многом условны и расплывчаты. Это приводит к усилению этнических контактов между населением Среднего Поволжья и евразийских степей. В XIII—XV вв. Волго-Уральский регион становится ареной преимущественно кипчакских миграций, начало которых отмечено еще в домонгольское время. Начало массовой миграции кипчаков в Волго-Камье относится к концу первой трети XIII в. и напрямую связано с монгольским нашествием [10].

В период Золотой Орды на фоне процесса дифференциации болгарской народности под воздействием внешних факторов идет процесс ее интеграции с другими этносами Восточной Европы. Причем, кроме проникновения кипчаков на территорию расселения волжских булгар, отмечается проникновение

сюда в XIII — первой половине XIV вв. также выходцев из Средней Азии, Кавказа, Ирана и т.д. Об этом говорят остатки обширной армянской колонии на северо-западной окраине Булгарского городища, остатки жилищ в золотоордынском слое Суvara, эпитафии, поставленные в разных местах ордынской Булгарии, а также антропологический материал [14]. Эти эмигранты (в основном) принадлежали к феодальной знати, приходили в Булгарию с челядью, что, естественно, обогащало и усложняло этносоциальный состав населения Булгарии ордынского времени.

В конце XIII — первой половине XIV вв. в Золотой Орде имел место процесс межэтнической интеграции, что привело к началу образования единого золотоордынского этноса, в силу многих обстоятельств не сумевшего окончательно оформиться и распавшегося во второй половине XIV в. Как и раньше, в состав волжских болгар золотоордынского времени продолжают включаться и представители местных финно-угорских племен. Этому в немалой степени способствуют активная миграция части болгарского этноса на территорию расселения финно-угорских племен, а также мусульманизация части финно-угорского населения региона [1]. Во второй половине XIV в., в условиях начавшегося в Улусе Джучи этнополитического кризиса, ведшего к распаду государства [5], походов русских и ордынских феодалов на территорию Среднего Поволжья, в частности, на земли болгарских султанатов, вооруженной борьбы Тохтамыша и Тимура, затронувшей южные пределы Булгарии, а также вследствие природных катаклизмов в южных районах расселения волжских болгар [15] начинается процесс их массового переселения в относительно спокойные районы. Уже в XIII веке оформляются границы Казанского государства [22]. В XVI в. для русского летописца казанские татары были синонимом болгар. Это мы значительно позже встречаем и у удмуртов, называющих татар бесерменами. Правда, в ряде мест слово «бесерменин» означает еще и «пришелец», «чужеземец» [16].

Считается, что болгары принимали имя кочевников и завоевателей татар вместе с другими народами. Однако сами болгары, по-видимому, стремились сохранить свое имя довольно долго и в политическом отношении не сливались с Золотой Ордой, хотя в культурном отношении провести различие между булгарами и Золотой Ордой часто трудно. О стремлении болгар к самостоятельности и желании татар окончательно подчинить болгар свидетельствует событие 1370 г., когда русские с татарами ходили на болгар. Для соседей сходство культуры болгар и Золотой Орды могло с XIV в. привести к путанице племенных названий.

В период правления в Золотой Орде хана Узбека (1312—1342), отмеченного расцветом татарского государства, население Булгарии стало возвращаться в закамские земли, но сохранило и вновь освоенные.

В это время южные границы расселения волжских булгар проходят (как и прежде) по реке Усе и Самарской луке (Жигули), низовьям реки Самары и ее правобережному притоку Кинели. Далее к югу в непосредственной близости от болгарских сел располагались кочевья кипчаков, о чем свидетельствуют выявленные на левобережье Самары их курганные могильники [17]. На востоке и северо-востоке территория Булгарии в ордынское время, как и в предшествующий период, не была сплошь заселена. Практически слабо заселенной оставалась территория бассейна Сока и Кондурчи, куда по степным участкам часто проникали и кочевники. Недаром именно здесь, между Соком и Кондурчей, в 1391 г. произошла решающая битва между Тимуром и Тохтамышем [2]. К северу земли волжских булгар, как и прежде, выходили к верховьям Большого Черемшана, Шешмы, а в низовьях Зая подходили к Нижней Каме. На северо-востоке болгарские села были в бассейне Челнинки и значительно чаще в бассейне среднего и верхнего течений Ика, как, например, Бикбуловские селища с довольно крупными площадями заселения [17].

Севернее устья Белой по Каме и Вятке располагались земли, находившиеся под протекторатом Булгарии. Здесь выделяются две области, достаточно плотно заселенные выходцами из Булгарии еще в домонгольское время, а также бежавшими от монгольского нашествия в 1236—1240 гг. Одна из них располагалась на Чепце — это так называемая Каринская земля, где выделена чепецкая культура с достаточно ярко выраженными болгарскими элементами, а другая — в Пермском Прикамье. Сама же зона расселения булгар на северо-востоке не выходила восточнее устья Вятки. От устья Вятки, где в бассейне Кирменки выделяется большой круг болгарских памятников ордынского времени [18], территория Булгарии тянулась к верховьям Меши, Казанки и Ашита-Илети. Опускаясь по обоим берегам Казанки к Волге, территория Булгарии, огибая районы среднего и нижнего течений Илети, заселенные предками марийцев, выходила на правый берег Волги, в бассейн Свяги. Свяга и ее левобережье почти до верхнего течения выступали западным пограничьем собственно Булгарии. Территория же обугаризированной Буртасии в золотоордынское время почти не определяется.

Во второй трети XIII в. и в период развития Золотой Орды на территорию расселения волжских булгар проникают представители различных этнических групп, входивших в состав монголо-татарского войска. Хотя многие письменные источники, а вслед за ними и многие исследователи сообщают о многочисленности монгольского войска — до 600 тыс. воинов и даже более — до миллиона [19]; критический анализ письменных источников и привлечение источников иного порядка свидетельствуют о том, что это войско, во главе

которого стояли талантливые полководцы, не было многочисленным— от 25 до 130 тыс. человек, но было мобильным и прекрасно организованным [11]. Причем, монголов в нем было не более 50%, остальную часть монгольского войска составляли представители покоренных ими тюркских и иных восточных племен и народов [23]. Если учесть, что большая часть воинов монгольской армии после завоевания Восточной Европы ушла в родные степи, а население Волжской Булгарии, включавшее в свой состав волжских булгар и иные местные народы, к началу XIII в. было не менее 200 тыс. человек [8], то ясно, что роль монголо-татар в местной этнической среде была не значительной. Они быстро растворились в массе коренного булгаро-кипчако-огузского населения [11]. По меткому выражению Л.Н.Гумилева, монгольская «капля» растворилась почти без следа в булгаро-кипчацком «море», оставив лишь царствующую династию [7].

В 1242—1246 гг. Булгария была избрана ханом Бату для своей ставки, а в период правления Берке и Менгу-Тимура Булгар и его окрестности нередко были местом пребывания ордынских ханов и окружавшей их многочисленной свиты. Свидетельством этого, кроме письменных источников [20], являются и археологические материалы. В окрестностях Булгарского городища были раскопаны небольшие курганы, в которых хоронились либо монголы, либо представители каких-то восточносибирских-восточноазиатских племен, втянутых монголами при движении на запад. Языческие погребения с сибирскими особенностями известны и в некоторых других местах [21]. Перенесение центра Булгарского государства в Казань и «Новый Булгар» и переход власти к Улу-Магомету, давшему государству новую политическую и военную организацию, укрепили это положение. С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар. Это было только сменой названия, а сами татары(да и их соседи) продолжали называть себя булгарами. Такая связь с булгарами сохранилась до настоящего времени. Татары, особенно старики, считают себя потомками булгар. Памятники булгарской истории (архитектурные сооружения, могильные плиты) считают священными и тщательно охраняют [6].

XIV век является временем расширения булгарского влияния на соседей. Это прекрасно видно по могильным памятникам, распространенным далеко за пределами основной булгарской территории. Мусульманская пропаганда под защитой ханов Золотой Орды приняла большой размах. Бесспорно и то, что разгромы основных центров Булгарии в конце XIV-начале XV в. (последний разгром - поход князя Ф. Пестрого в 1431 г.) привели к уходу населения в закамские леса, к ассимиляции местного финского населения и распространению булгарской культуры. Здесь можно поэтому говорить о вторичном скрещении и

чудскими племенами. Эти народы оказали свое влияние на культуру и физический облик татар-булгар.

При рассмотрении памятников материальной культуры отмечено, что культура булгар золотоордынского времени сложилась на базе местной культуры предшествующей эпохи. Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что болгарская культура явилась основой культуры казанских татар. Последняя за свой длительный исторический путь, как и культура всякого народа, впитала в себя большое число всякого рода влияний и ныне представляет собой сложный конгломерат.

Рассмотрение культуры народностей Поволжья лучше всего провести по ее отдельным элементам. Татарская архитектура, в частности, жилище, прототипом своим имеет памятники булгар. Жилище древних булгар достаточно полно выявлено раскопками развалин Суvara и Булгара; среди ряда домов, сохранившихся частично, были открыты здания, позволявшие точно установить, что тип жилища, существовавший в булгарскую эпоху, сохранился и в последующее время, хотя наряду с ним в XIII в. после монгольского завоевания появился и другой. Данные раскопок Суvara получили подтверждение у восточных писателей. Древний булгарский дом - сруб или глинобитное сооружение - по плану близкое квадрату, с глинобитной печью, поставленной на некотором расстоянии от стены. Перед печью имеется лаз в подполье с двумя ямами-зернохранилищами. Удалось установить, что глинобитные дома имели плоскую кровлю. Дома были окружены хозяйственными постройками.

Если рассмотреть современную татарскую усадьбу, то мы увидим черты сходства с древними булгарскими жилищами. У татар дом обычно ставился посреди усадьбы на столбах и окружался хозяйственными постройками. Вся усадьба обнесена забором, выходящим на улицу, так, что улица представляет длинную глухую стену. Современный дом близок по плану к квадрату с печью посередине или ближе к глухой стене. В доме имеется деревянный пол. Наряду со срубом в южных районах встречаются дома и бани, наполовину врытые в землю и представляющие собой землянку с накатом и плоской крышей [4], дома глинобитные, саманные. Рассматривая их, мы видим, что современные постройки получили развитие от древних булгарских. Древние глинобитные здания могут быть сопоставлены с современными саманными постройками.

Форма сосудов (их лощение и орнамент) напоминают памятники болгаро-татарской эпохи. Если мы рассмотрим прикладное искусство татар, хорошо известное по народной архитектуре, по различным частям костюма, то мы встретим большое число элементов, характерных и для болгаро-татарского

искусства (трилистник, звезда, круг, стилизованный растительный орнамент в виде спиралей и кругов) [3]. Следует помнить, что один из самых крупных пережитков древних форм у татар - остатки кочевого быта - связывают их с древними булгарами, у которых в быту элементы кочевой жизни уже в X в. существовали в качестве пережитка. Наряду с пережитками кочевого быта, идущего от булгар, у татар сохранялось немало элементов домусульманских верований, причем, они близки к родовым религиозным верованиям других народов Поволжья.

Интересный материал, указывающий на глубокие местные корни, дает мифология казанских татар. Мусульманство стало господствующей в крае религией еще со второй четверти X в., в представлении татар сохранялось и до последнего времени много пережитков родовой религии, весьма сходных с представлениями других народов Поволжья и Прикамья [9], например, мифология, сохранявшаяся с глубоких времен в Вятско-Камском крае (вера в домового (ой-эйсе)); в представлении татар - это старик с длинными волосами. Имеется у татар и хозяин хлебов (абзар-эйсе), показывающийся людям в виде человека или животного. Он имеет отношение к скоту. Ой-эйсе и абзар-эйсе весьма сходны с соответствующими образами мифологии удмуртов. Бичура, по мифологии татар, - маленькая женщина ростом в 125 см, в старинном головном уборе, живущая в подполье или в бане. Из-за Бичуры иногда бросали дом, или же, наоборот, считали, что Бичура помогает хозяину разбогатеть. Близко стоит к ней Юртаве - богиня очага, дома из мордовского пантеона.

У всех народов Поволжья сохранились пережитки веры в лешего. В татарской мифологии он известен под именем Шуряле; живет в дремучих лесах, похож на человека, имеет длинные крепкие пальцы до 12 см и необычайно длинные сосцы, которые он закидывает через плечо. Он любит уводить прохожих в глубину леса, кататься верхом. Сохранилось предание, в котором описана Шуряле-женщина: она сидела на лошади нагая задом наперед, голову имела маленькую с короткими волосами, груди висели через плечо. Аналогичны Шурале-Алида, Чатчес-нюня и Нюлес-нюня - в удмуртской мифологии или Вирь-аве в мордовской, Арсури - в чувашской.

Ряд духов, по представлениям татар, живет в воде: сыубабасы (водяной дед - главный хозяин), сыу-эясе - его сын; сыу-янасы аналогична русской русалке. Сыу-бабасы татар весьма близок Ву-мурту удмуртов. Особенно ярко связь с другими народами Поволжья сказалась в вере татар в керемети. Кереметью называлось и жертвенное место, где совершалось жертвоприношение, а и сам дух, обитающий в данном месте. Татары приносили керемети жертвы, для чего резали скот. Мусульманское духовенство вело упорную борьбу с этим верованием. Оно характерно для всех народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Чуваши кереметью или ирзамаа называли четырехугольную площадь, отгороженную забором; там совершалось жертвоприношение. Кереметью назывался и сам дух. В жертву ему приносилось животное, прошедшее особое испытание [13]. Подобные представления существовали и у удмуртов, которые под именем Кереметь или Шайтан признавали злого бога (в противоположность, доброму Инмару). Кереметью же у удмуртов называли и жертвенное место, где обычно приносились жертвы этому злему духу. Существовало верование в Кереметь и у мордвы, хотя и не было распространено так, как у чувашей и удмуртов. У мордвы существовало Кереметь-сзек - моление Керемети. Это моление в старые годы происходило около Петрова дня и устраивалось в лесу около большой березы. На праздник собирались жители окрестных деревень и приносили с собой, хлеб, мясо, брагу и вино. Сначала молились, а потом пировали и веселились. Итак, вера в Кереметь в наиболее архаичной форме наблюдалась у чувашей и удмуртов, в меньшей мере - у мордвы. Несомненно, борьба мусульманского духовенства с верой в Кереметь привела к тому, что у татар остались только незначительные следы этих верований, к поволжским татарам это моление перешло от их предков, и полагать заимствование от соседей нет никаких оснований.

Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что процесс формирования народов Поволжья в болгарскую эпоху был весьма сложным и неоднозначным, исторические процессы явились основой для формирования этнических народов, населяющих современный Приволжский регион. Данный процесс продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология и этнография марийского края.- Йошкар-Ола.-1976.- Вып.1.- С.25; Очерки истории Удмуртской АССР.- Ижевск.- 1958.- Т.1.- С.26.
2. Бартольд В.В. Арабские известия о Руссах.- См. Советское востоковедение.- Т. I.- 1940.
3. Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар.- Казань.- 1930.- С. 387.
4. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов.- Ч. II.- СПб.- С.11.
5. Греков Б.Д., Якубовский А. Ю., Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды.- Саранск.- 1960.
6. Григорьев В.В. Россия и Азия.- Санкт-Петербург.- 1876.- С.79.
7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь.- М.- 1993.- С.508.
8. Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию Волго-Уральских татар.-Казань.-1993.-С.4.
9. Коблов Я.Д.. Мифология казанских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXVI.

10. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала // Этногенетический взгляд на историю.- М.- 1992.- С.70—80.
11. Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства // Социоестественная история: Академия городской среды, Институт востоковедения РАН.- М.-1998.- Вып. XI.- С.30.
12. Религиозные верования народов СССР.-Т. II.- М.-1931.- С. 225.
13. Сбоев В. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношении.- 1865.- С. 88.
14. Смирнов А.П. Волжские болгары.- М.-1951.-С.185-195. Мухаметшин Д. Г. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара.- С.61, 108, 117, 119.
15. См., например: ПСРЛ.- Т.4.- С.63; Т.8.- С.11; Т.15.- С.70; Татищев В.Н. История Российская.- М.-1965.-Т3.- С.187.
16. Трофимова Т.А. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК.- IX.- М.- 1941.
17. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария.- Казань.- 1994.- С.157.
18. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария.- Казань.- 1994.- С.76.
19. Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Болгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие.-С. 5.
20. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария.- Казань.- 1994.- С.154.
21. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария.- Казань.- 1994.- С.156.
22. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства.- М.-1991.- С.23.
23. Чхао Чху-Ченг. К вопросу о составе народностей армии монгольской империи XIII - XIV вв. // Идель- Казань.- 1995.- № 5/6.- С.50- 53.
- Статья поступила в редакцию 19 ноября 2011 года.

УДК 94

**УКРЕПЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ ДАГЕСТАНА
И ПОВЫШЕНИЕ ИХ РОЛИ В ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ СЕЛА
(1929–1932 ГГ.)**

Надилов С.Н.

**STRENGTHENING RURAL COUNCILS OF DAGESTAN AND
ENHANCE THEIR ROLE IN THE RECONSTRUCTION
OF THE VILLAGE (1929-1932 YY.)**

Nadirov S.N.

Статья посвящена исследованию деятельности сельских Советов накануне и в годы массовой коллективизации. Автор считает, что роль сельских Советов на селе в этот период значительно возросла, совершенствовались их структура и формы деятельности, улучшилась работа с беднейшими слоями – главной опорой Советской власти в дагестанском ауле.

The article is devoted to the studying of the activities of the village Councils on the eve and during the years of mass collectivization of the agricultural sector, where the role

of village Councils in rural areas has increased significantly and improved the structure and forms of activity of bodies of state management and the work with the poorest social layers - the main base of the Soviet power in the dagestani village.

Ключевые слова: сельские Советы, переустройство, рабочий класс, крестьянство, органы власти, ревкомы, райкомы партии, райисполкомы, кадры, выборы, кооперация, колхоз.

Keywords: rural Councils, reconstruction, working class, peasantry, authorities, ревкомы, district party party, the regional executive committees, frames, elections, cooperation, collective farm.

В центре общественно-политической жизни дагестанского села находились сельские Советы, являвшиеся главным проводником политики Коммунистической партии, формой политического союза рабочего класса и крестьянства. В условиях Дагестана при малочисленности аульской партийной организации и коммунистов сельский актив явился тем слоем в ауле, который связывал партию с широкими крестьянскими массами. В 1925 г. одна партийная ячейка приходилась на 5-6 сельских Советов [4]. Практическое выполнение Советами задач социалистической реконструкции народного хозяйства и решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни в конце 20-х – начале 30-х годов потребовали совершенствования структуры и форм деятельности органов государственного управления, укрепления низовых органов государственной власти и повышения их роли в строительстве социализма. XVI конференция ВКП(б) подчеркнула, что успешное выполнение первого пятилетнего плана будет во многом зависеть от качества работы Советов.

С особой остротой встал вопрос о перестройке работы Советов в конце 1929 г. – начале 1930 г. Решительный поворот деревни к социализму, коренная перестройка сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации выдвинули перед Советами задачи огромной политической важности. В январе 1930 г. состоялось Всесоюзное совещание советских работников при ЦИК Союза ССР. Совещание ставило первоочередной задачей Советов быстрее и решительное изменение в методах и формах их работы. Оно разработало проект постановления «О новых задачах Советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией деревни», который был утвержден ЦИК и СНК Союза ССР 25 января 1930 г. «Перестроить работу сельских Советов по-новому, повернуть их лицом к коллективизации – вот важнейшая задача настоящего момента», [2 С.17] говорилось в этом постановлении.

В Дагестане многие низовые органы Советской власти республики заметно отставали от задач социалистической реконструкции народного хозяйства. «Сельсоветы Дагестана, – говорилось в отчете Правительства IV съезду Советов Дагестанской АССР – до сего времени не стали подлинными руководителями социалистической перестройки аула и не возглавили еще работу по

коллективизации сельского хозяйства и по выполнению грандиозных планов по мясу, хлебу и другим боевым задачам хозяйственной работы в ауле» [3, Ст.85]. На наш взгляд, причины отставания Дагестана заключались в следующем:

1. Советы Дагестана были очень молодыми. Переход от системы Ревкомов к избираемым Советам был осуществлен в 1921–1922 гг. Советы республики не смогли еще накопить необходимого опыта, подготовить достаточное количество кадров и широко применять все те формы советской работы, которые практиковались в передовых районах страны.

2. Слабость кадров Советов. В 1929 г. 78,4% председателей и 77,1% депутатов сельских Советов республики были неграмотными. Велика была текучесть кадров и засоренность советского аппарата. Только в течение одного года председатели сельсоветов менялись во многих районах от 2 до 4-х раз. Из проверенных в 1929 г. 85 работников сельских Советов 32 оказались классово чуждыми элементами, 44 имели уголовное прошлое и только 9 работников были бедняками и середняками [5].

3. Организационная слабость, отсутствие опыта в работе органов государственной власти. Такие массовые органы Советов, как секции и депутатские группы в 20-е годы в Дагестане еще не получили своего развития.

4. Слабое руководство сельскими Советами со стороны райкомов партии, райисполкомов и центральных республиканских органов. «До настоящего времени, - говорилось в отчете правительства Дагестанской АССР за 1930 г., - продолжает отсутствовать всякая систематическая и постоянная работа по руководству, инструктированию и практической помощи низовому советскому аппарату со стороны соответствующих центральных органов и райисполкомов» [6].

Многие райкомы партии и райисполкомы вместо того, чтобы опираться на сельские Советы в проведении политических и хозяйственных кампаний, прибегали к системе уполномоченных. В их работе нередко преобладали методы администрирования. На работе Советов сказывался низкий культурный уровень населения, малочисленность национального рабочего класса, слабая партийная прослойка в составе низовых органов Советской власти, плохое состояние дорог и связи, отдаленность от центра, сильное влияние реакционного мусульманского духовенства, консервативных и реакционных обычаев и традиций, используемых классово-чуждыми элементами в своих интересах. Все это привело к тому, что многие Советы не смогли своевременно перестроить свою работу применительно к задачам реконструктивного периода.

В годы первой пятилетки правительством Дагестана были принят ряд мер по улучшению работы местных Советов и повышению их роли в строительстве

социализма. В первую очередь укреплялись сельские партийные ячейки путем вовлечения в партию коренного населения, абсолютное большинство которого составляли крестьяне. Уже к концу 1932 г. крестьяне в составе парторганизации республики составляли 47,2%, против 33,3% в начале 1930 г. За это время численность коммунистов партийной организации республики увеличилась в 3,7 раза, а крестьян-коммунистов - в 4,2 раза [7]. Укрепление сельских партакчеек способствовало усилению партийного влияния в сельских Советах, оживлению их деятельности и повышению роли в колхозном движении.

Перестройка работы Советов Дагестана началась с совершенствования административно-территориального деления Республики. Ликвидация округов и перевод их кадров в районы обеспечили значительное приближение органов государственной власти к местному населению. Перенесение центра партийно-советской работы в районное звено, укрепление материально-финансовой базы местных органов власти, расширение их прав в области хозяйственного и культурного строительства повысили авторитет Советов, приблизили их к колхозам, совхозам, создали большие возможности для повышения их роли в коллективизации и ликвидации кулачества как класса, укреплении колхозов.

Коммунистическая партия и Правительство Дагестана большое внимание уделяли решению сложной проблемы подготовки национальных советских работников, для чего из рабочих и крестьян коренной национальности ЦИК Дагестанской АССР были организованы постоянно действующие краткосрочные курсы советского строительства. В решении проблемы кадров (как и прежде) продолжало играть важную роль выдвижение передовых рабочих и работниц совхозов, крестьян и крестьянок на руководящую работу в госаппарат. Только за три года (1931–1933) на руководящую работу в республиканский аппарат было выдвинуто 906 человек [8].

Коренная перестройка всей работы Советов в соответствии с задачами реконструктивного периода была достигнута в ходе избирательной кампании Советов в 1930–1931 гг. В.И. Ленин видел сущность социалистической демократии и в волеизъявлении масс при голосовании на выборах, а еще больше в повседневном их участии в управлении всеми делами общества и государства. «Масса, – говорил В.И. Ленин, – должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности» [1, С.157].

Советы, опираясь на колхозников, проводили всю работу по выборам в местные Советы под лозунгом вовлечения единоличников в колхозы, организуя широкую агитационно-разъяснительную работу среди избирателей, разоблачая антисоветские элементы. Советам в этом огромную помощь оказали аульские

общества взаимопомощи (АОВ) – самая крупная общественная организация Дагестана, насчитывавшая в своих рядах летом 1930 г. 78 тыс. крестьян [9].

В результате избирательной кампании 1930–1931 гг. расширился бедняцко-средняцкий актив вокруг Советов. Среди депутатов сельских Советов рабочих было 13,3%, колхозников – 29,3%, что являлось крупным достижением, если учесть, что уровень коллективизации по республике на 1 января 1931 г. составлял всего лишь 15,7%. Повысился удельный вес женщин и коммунистов в сельских Советах. В их составе было женщин 21,7% , коммунистов- 14,7%; против соответственно 14,7% и 3,8% в 1929 г. [10]. Число участвовавших в выборах среди сельского населения Дагестана выросло на 22% по сравнению с 1929 г., тогда как этот прирост составил по Союзу ССР – 8,6% [11].

Большое значение в укреплении Советов имело дальнейшее расширение их прав и обязанностей. На основе общесоюзного Положения ЦИК Дагестанской АССР 9 февраля 1931 г. утвердил «Положение о сельских Советах Дагестанской АССР», а 18 октября 1931 г. - «Положение о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах». На сельсоветы Положением возлагалось руководство социалистическим переустройством сельского хозяйства. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Дагестанской АССР приняли меры по укомплектованию кадрами сельских Советов и укреплению их финансовой базы, что привело к заметному улучшению работы низового аппарата органов Советской власти. Партийные организации вели решительную борьбу против бюрократизма, волокиты, бездушного отношения к запросам трудящихся, проникновения в госаппарат чуждых и неработоспособных элементов, за вовлечение женщин коренных национальностей во все звенья социалистического строительства.

Ввиду крайней слабости и малочисленности дагестанского рабочего класса, важнейшим условием победы колхозного строя в Дагестане явилась помощь русского рабочего класса дагестанскому крестьянству. Осложняла процесс коллективизации сплошная неграмотность населения (70% в 1931г.), трудной и сложной оставалась проблема вовлечения в колхозы женщин-горянок. Наличие этих особенностей создавало дополнительные трудности на пути колхозного строительства в республике и замедлило темпы коллективизации в сравнении с общесоюзными. Так, например, к концу первого пятилетия процент коллективизации крестьянских хозяйств по отношению к их общему числу составлял по Советскому Союзу - 61,6, по национальным республикам и областям Северного Кавказа - 70,6, а по Дагестанской АССР - только 22,6 [12]. Для победы социалистических производственных отношений в аулах Дагестан было решено проводить работу дифференцированно, превратив

плоскость в районы сплошной коллективизации, подготовив в предгорьях и в горах условия для решения задач производственной кооперации. При этом большое внимание уделялось активизации деятельности сельских Советов в деле организации бедноты и созданию середняцкого актива.

В результате правильной реализации директивных установок партийной организации ЦИК ДАССР и СНК Совнаркома республики были достигнуты положительные результаты в развитии сельского хозяйства. К концу 1932 года в республике имелось 840 колхозов, 7 коммун и 41 простейших объединений. Все они охватывали 46175 крестьянских хозяйств. Было создано 28 совхозов. Большие успехи были достигнуты в области животноводства. За 1932 год численность овцепоголовья возросла на 17,8%, а крупного рогатого скота – на 15,5%. Успехи развития сельского хозяйства резко повысили удельный вес общественного сектора в заготовках продуктов сельского хозяйства. В 1932 году, например, половина заготавливаемого хлеба поступила от колхозов и совхозов, тогда как в 1929–1930 году - всего 11,2% [13]. Большим достижением Советов республики явилось вовлечение женщин во все области социалистического строительства на селе. В 1932 году на руководящую работу было выдвинуто более 450 горянок. Проводилась значительная работа по вовлечению женщин в колхозы и совхозы, а также по ознакомлению их с передовой агрономической наукой. Различными кружками по агротехнике было охвачено 3180 горянок [14].

Таким образом, практическая деятельность Советов в условиях Дагестана подтвердила, что Советы в исследуемые годы были активными проводниками линии Советского государства по социально-экономическому преобразованию дагестанского аула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 157.
2. Отчет правительства IV съезду Советов Дагестана. Махачкала, 1990, с. 17.
3. Сборник законов СССР, отд. 1 № 7, ст. 85.
4. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 11, д. 384, л. 39.
5. ЦГА РД ф. 37-р, оп. 19, д. 148, л. 52.
6. ЦГА РД ф. 37-р, оп. 21, д. 117, л. 42.
7. ЦГА РД ф. 37-р, оп. 19, д. 148, л. 76.
8. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 12, д. 73, л. 18.
9. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 14, д. 119, л. 51.
10. ЦГА РД ф. 37-р, оп. 20, д. 134, л. 23.
11. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 11, д. 14, л. 17.
12. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 15, д. 4, л. 362.
13. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 15, д. 615, л. 11.
14. ЦГА РД ф. 1-п, оп. 15, д. 616, л. 34.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2011 года.

УДК 94

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОМЕЩИКОВ И ИХ
КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Соколова Е.В.

**RELATIONSHIP OF LANDOWNERS AND THEIR SERFS
IN PSKOV PROVINCE IN THE SECOND HALF
OF THE XVIII-TH CENTURY**

Sokolova E.V.

Взаимоотношения помещиков и их крепостных крестьян - сложное социально-экономическое явление в системе крепостного права. Стремление получить как можно больший доход с владения определяло действия помещиков Псковской губернии во второй половине 18 века в отношении крепостных. Крестьяне, в свою очередь, желали трудиться в условиях, которые не разоряли бы их хозяйство. Крепостные не были настроены на противостояние с помещиком и властью, как считает автор, они желали диалога, но из-за невозможности решения своих проблем мирным путем переходили к противоправным действиям.

Relationships between the landowners and their serfs are the complex socio-economic phenomenon in the system of serfdom. The aim to get as much revenue from the ownership determined the landlord's activity the Pskov province in the second half of the 18th century for the serfs. The peasants, in their turn, wanted to work in conditions that do not ruin the economy. Serfs were not willing to confront with the landowner and the government. According to the author, they were willing to commit the dialogue, but due to inability to resolve their problems peacefully passed for illegal acts.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, помещик, повинность, взаимоотношения, имение, выступления, неповиновение, владение (собственность), жалоба, наказание, патронат.

Keywords: serfs, landowner, duty, relationship, manor, protest actions, insubordination, possession (property), complaint, punishment, patronage.

150 лет прошло с момента издания Манифеста об освобождении крестьян, однако, проблема крепостного права в России до сих пор остается одним из противоречивых вопросов истории. Все правительственные Указы и сама крепостная система предполагали необходимость подчинения крестьян помещику, но крестьяне (даже в условиях полной зависимости от владельца) пытались быть активными участниками этого сложного процесса сосуществования. Крепостные крестьяне не были настроены на противостояние с помещиком и властью, они (скорее) желали диалога, о чем свидетельствуют их обращения к властям и попытки найти справедливость. Помещики и представители администрации дворянского происхождения на местах не желали идти «на переговоры» и пытались урегулировать возникающие вопросы с помощью мер принуждения. В долгой истории существования крепостного права одним из ключевых этапов

этого феномена стал XVIII в. Именно его называют «золотым» веком в истории дворянства за те права и привилегии, которые получило сословие. Безусловно, взаимоотношения помещиков и крепостных носили сложный характер, и не всегда в своей основе несли элемент противостояния. Однако именно в кризисных ситуациях, когда стороны отстаивали собственную позицию, проявлялся весь антагонизм крепостного права как социально-экономической и правовой системы, в которой сосуществовали помещики и принадлежавшие им крестьяне.

Отношение помещиков к своим крепостным проявляется в инструкциях и наказах дворян управляющим в имениях. При рекрутских наборах оговаривалось отдавать крестьян по очереди, т.е. «того, кому следует идти». Но была возможность и другого исхода. Если крестьянин имел необходимую сумму, то он мог отправить другого вместо себя. Отношение помещика к крестьянам было проявлением заботы о своем хозяйстве. Безусловно, зажиточные крестьяне были хорошим источником дохода, который терять помещик не хотел [1, Л.23]. Но поместье должно было не просто удовлетворять потребности владельца и живших в нем людей, но и быть источником прибыли. Поэтому владелец пытался получить дополнительный доход без учета возможностей крестьян, что и приводило к волнениям крепостных. Наибольшим упорством сопротивление крестьян отличалось там, где имелся повод считать незаконным принадлежность их помещику. Выступления крестьян отличались высокой организованностью, использовались привычные формы мирского самоуправления. Упорство поддерживалось уверенностью в правомерности своих действий [2, Л.3].

Основным проявлением крестьянского недовольства было неповиновение, которое выражалось протестом - ослушанием барина, его управляющего, отказом от работ, уплаты денежных взносов, непризнанием себя собственностью помещика, (зачастую) сопровождалось жалобой. 18 июля 1797 г. крестьяне д. Тарасово отказались признать себя во владении помещицы фон Дицевой, объявили, что останутся дворцовыми и отказались впустить приехавшего управляющего, пригрозив ему расправой. Если помещик или его управляющий не могли справиться собственными силами, следовало обращение за помощью к властям, к которым отправлялись крестьяне с жалобами на помещиков или просьбой уточнить принадлежность к владельцу. С декабря 1744 г. по август 1754 г. происходило волнение крестьян Велейской вотчины графа С.П. Ягужинского, которые объявили себя дворцовыми и отказывались подчиняться управляющему графа. Противостояние в имении графа завершилось «наказанием кнутом 133-х и плетью более 400 крепостных». Однако даже суровые меры не обеспечивали послушание крестьян. Почти через год в вотчине снова произошли «неурядицы», в результате которых староста устранил управляющего и

«самовольно вступил в управление вотчиной» [14, С.193]. Жалоба крепостных на своего хозяина имела распространение, несмотря на официальный запрет Указом от 22 августа 1766 г. и угрозу наказанием плетью за подобный проступок. Указ «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков и о неподавании челобитья в собственные ее величества руки» предполагал наказание за первый случай подачи жалобы: «отдачу в каторжную работу» на месяц, за второй - публичное наказание и «отдачу на каторгу» на год, в третьем случае следовало публичное наказание плетью и последующая ссылка «навечно» в Нерчинск с зачетом в рекруты.

Крестьянские челобитные редко писались самими челобитчиками. Крестьянами задавалось содержание челобитной, а писать мог дьячок под их диктовку. В челобитной подчеркивалось единство мнения, выражалась тревога за судьбу ходоков, избранных на общем сходе. Ведь именно эти люди брали на себя весь груз ответственности. Число ходоков могло быть различным, в зависимости от дальности расстояния и того, к кому они направлялись. Крестьяне д. Тарасово в июле 1797 г. направили в г. Псков трех человек [2, л.4], а крестьяне д. Клин выбрали восьмерых для подачи жалобы Ее Императорскому Величеству [6, Л.5].

Крестьяне для обоснованности своих действий и подтверждения правомерности поступка нередко ссылались на положения законодательства, которые доходили до крепостных как в письменном виде, так и в форме устной традиции. Механизм подачи жалобы был следующий: при наличии определенной проблемы ее обсуждение выносили на общий сход. На нем решались конкретные вопросы: выбор ходоков, сбор денег, принималось решение, куда будет направлена жалоба - местным властям или непосредственно государю, шло ее составление. В случае подачи жалобы (а по дороге крестьян могли задержать для предотвращения их просьбы) следовало разбирательство. Крестьяне помещицы фон Дицевой в июле 1797 г. собрали вкладчину со всех 300 человек по 3 копейки и послали трех крестьян в г. Псков для выяснения собственного статуса. В Пскове им подтвердили, что крестьяне действительно были пожалованы помещице в мае 1797 г. «по указу Псковского губернского правления» (Ее Императорским Величеством в вечное потомственное пользование) [2, Л.4-5].

Законодательство запрещало жалобу на имя Государя, однако, возможность обращения к местным властям была, и по подобным обращениям проводились проверки. Но не следует забывать, что сами хозяева-помещики таких крестьян, если не являлись представителями местной власти, то были связаны с такими прочными узами экономического, родственного и т.п. характера. Учитывая то, что все документы носили гриф секретности, можно сделать вывод, что дворянство и вся система опасались широкой огласки подобных прецедентов.

Несмотря на запрет, поток ходоков к государю не иссякал. Так в декабре 1797 г. по жалобе крестьянина Никиты Кузьмина на торопецкого помещика Шетнева прошло разбирательство. В жалобе указывалось, что помещик изнуряет крестьян тяжелою работою по 5 дней в неделю. Результатом стало «препоручение по высочайшему Его Императорского Величества повелению» от господина действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера князя А.Б. Куракина разведать о справедливости просьбы крестьянина Никиты Кузьмина. Что и было сделано торопецким предводителем дворянства И.А. Полибиным с двумя «добросовестными» дворянами, которые были избраны специально для этого дела. Однако результат расследования показал, что в итоге происходило в подобных ситуациях на местах. Проведенное «добросовестными» дворянами расследование определило, что все крестьяне помещика Шетнева (семейные пары) в течение недели ходят на господскую работу только три дня, а холостые крестьяне и вдовы к господским работам вообще не были привлечены. Пять дней никто и никогда не отработывал. Заключение комиссии- «жалоба крестьянина была совершенно ложная». К тому же выяснился и тот факт, что сам Никита Кузьмин «будучи холостым на господские работы за свое лицо не хаживал» [4, Л.3-6]. Вероятно, выводы комиссии были теми, которые вполне устраивал правящую элиту, т.к. после констатации фактов предстояли порочащие помещика и весь режим разбирательства. Подобный прецедент породил бы собой целую лавину обличительных жалоб крестьян на своих помещиков, т.к. несмотря на секретность документации, устная традиция хорошо распространяла необходимую информацию. Дворяне не могли и не хотели обличать самих себя.

Помещики и местная администрация всячески старались вообще не допускать подобных жалоб, как это произошло в мае 1798 г. с жалобой восьми крестьян на свою помещицу Бахареву, изнуряющую их тяжелыми поборами. Дальновидный порховский земский исправник Никита Ронов подал рапорт псковскому гражданскому губернатору Л.С. Алексееву с целью предупреждения подачи жалобы царю. Кроме того, он сумел догнать направившихся к царю крестьян. Прочитав царский указ, успокоил их тем, что дело будет рассмотрено на местном уровне. При рассмотрении дела выяснилось, что сын помещицы Андрей Бахарев первоначально собрал по пять руб. с души, через двадцать дней еще по пять руб. за подводы, затем еще по восемьдесят коп. с души. К тому же затребовал «десять мальчиков и пять девочек в дом госпожи для разного обучения». Именно этот произвол сына и попустительство помещицы явились основанием для жалобы и обвинения в тяжелых поборах. Разбирательство заключалось в том, что старосту с тремя вотчинными крестьянами («старейшими добрыми людьми») обязали явиться в нижний земский суд [6, Л.1-5]. Иногда помещик, чтобы увеличить собственные доходы, предпринимал противоправные

меры. Так, Дероп брал оброк с умерших и взятых в рекруты. Естественно, такие поборы ложились дополнительным бременем на крестьян, что приводило к возмущениям.

Причинами недовольства крестьян было и отсутствие стабильного обложения, установление коротких сроков исполнения без ориентации на возможности хозяйства «прислать деньги тогда, когда будет нужно без всяких отговорок» [5, Л.8]; перевод натуральных форм повинностей в денежные, с постоянным увеличением последних, присутствие управляющего, не пользующегося у крестьян расположением, а так же требование присылки крестьянских детей в учение, что особо остро воспринималось потому, что из семьи забирали рабочие руки. Все недовольства выливались в острое нежелание «быть помещичьими» и служили основанием для выдвижения требований: установления четкого фиксированного налога с учетом хозяйственных особенностей - назначить «годовой оброк, который не отягощал бы» и «порядочного» управляющего [2, Л.2], так как нередко оказывалось, что управляющий разорял крестьян при полном неведении барина. Неповиновение при затягивании конфликта могло перерасти в вооруженные столкновения и даже убийства господ. Например, 25 июня 1797 г. островские крестьяне помещика Сумароцкого отказались выполнять полевые работы, а при попытке помещика привести их к порядку, угрожали барину косой. В этом случае для нормализации ситуации достаточно было прочтения земским исправником царского указа. Зачастую крестьяне отказывались повиноваться не только помещику, но и властям, которые приходили на помощь к дворянам и пытались усмирить крепостных любыми средствами. О том, что явления неповиновения были делом губернского уровня, свидетельствуют постоянные рапорты о состоянии дел на местах с подробным отчетом произошедшего и соблюдением секретности для предотвращения огласки событий.

Крестьяне в ходе своих выступлений использовали подручные средства (косы и колья) и могли нанести серьезный материальный и физический ущерб. При подавлении крестьянского бунта помещики могли обойтись и собственными силами при помощи верных им крепостных. Исправник островской округи Елагин летом 1797 г. собрал 40 человек из тех крестьян, кто оставался верным барину, и благополучно усмирил недовольных. Но зачастую приходилось обращаться к губернатору с просьбой, о присылке военного отряда, который и справлялся с ситуацией. В 1797 г. крестьяне помещицы фон Дицевой заняли такую твердую позицию, что их активное неповиновение вылилось в сопротивление властям. Для их усмирения Л.С. Алексеев (псковский гражданский губернатор) выделил конный отряд (9 человек), для которого определил выдать по 12 патронов каждому [3, Л.4-15]. Но даже вооруженные конные

отряды не всегда легко справлялись с сопротивлением крестьян. Особое место в этом ряду принадлежит крестьянскому выступлению, произошедшему летом 1783 г. в Тригорской вотчине помещика Вындомского, которое было вызвано созданием в вотчине полотняной мануфактуры. На нее в качестве ткачей были переведены 50 крестьян. Остальные крестьяне (16 - 55 лет) отработывали на мануфактуре 2 дня в неделю. Дополнительно был введен натуральный оброк, состоявший из льна, пряжи, зерна, крупы и мяса. На сходе 24 марта 1783 г. крестьяне решили послать ходоков с жалобой в Опочку и Петербург. Они прекратили все работы на помещика и отказались ему повиноваться. О масштабности события свидетельствует приезд губернатора, пытавшегося умиротворить крепостных, но он лишь убедился в твердости их позиции. В апреле число взбунтовавшихся крестьян возросло до 700, что заставило отступить первую воинскую команду. Второй, более многочисленный отряд, заставил отступить крестьян. В ходе расправы были сожжены 2 деревни, зачинщики арестованы, пятеро из них во время следствия умерли [7, Л.1-9]. Подобные случаи активного неповиновения, произошедшие из-за устройства мануфактуры помещиком, были известны и ранее. Еще в 60-х г. волнение вспыхнуло в Велейской волости Опочецкого уезда на вотчинной мануфактуре помещика Ягужинского. Полотняную фабрику крестьяне пытались даже сжечь. Эти факты говорят о том остром сопротивлении крестьян помещичьим нововведениям в виде устройства вотчинных предприятий.

Однако помещики не только жестоко подавляли подобные сопротивления, но и старались переориентировать крестьян на более качественную работу на этих мануфактурах. Помещик-предприниматель генерал-майор П.И. Турчанинов, имевший в с. София Холмского уезда прядильную фабрику, организовал обучение прядильному делу. Активно откликнулись на нововведение помещики, прислав своих крепостных. Всего за полгода было обучено 96 помещичьих крестьян [11, С.25]. Таким образом, система патронирования со стороны помещиков была направлена не столько на заботу о крестьянах, сколько на рациональное и доходное ведение собственного хозяйства.

Об острых противоречиях между помещиками и крестьянами свидетельствуют и убийства дворян своими крепостными. Осенью 1798 г. была совершена попытка убийства торопецкой подпорутчицы Дарьи Потемкиной двумя дворовыми крепостными. Настасья Федорова и Авдотья Егорова признались в сговоре с целью удушения барыни «праздным» бельем во время сна, которое они накинули на лицо помещицы, но та, проснувшись, закричала. Спасла ее прибежавшая на помощь дочь священника Наталья, которая ночевала у Потемкиной. Она воспрепятствовала «умертвить» барыню.

Стоит только предполагать, что толкнуло крепостных на совершение подобного шага, особенно если учесть, что одна из преступниц была несовершеннолетней. Факт несовершеннолетия в данном случае послужил основой для смягчения наказания – ее высекли плетью на месте преступления. Вторую соучастницу Настасью Федорову наказали плетью и отослали (согласно указу 24 марта 1765 г.) в Иркутск на суконную фабрику [8, Л.1-6].

Поскольку помещик являлся «властью и судом» в своем имении, он был вершителем судеб и в случаях наказания своих крестьян за какие-либо проступки и преступления. Государство само вложило в руки барина право по своему усмотрению судить, наказывать крестьян, ссылать в Сибирь без суда и следствия, чем он активно пользовался. За мелкие нарушения помещик наказывал крестьян сразу же и без особого расследования. Крупные проступки, например, неповиновение (к этой категории документы относят подстрекательства и организацию массовых протестов, когда большие группы крестьян отказывались повиноваться барину или его управляющему) рассматривалось особым образом. Как правило, зачинщиков наказывали плетью при собрании всех крестьян. Наказание преследовало сразу две цели: с одной стороны, виновные получали возмездие, с другой, – это был наглядный пример для остальных. Однако, как показывает практика, подобная профилактика не имела сильного воздействия на крестьян, так как случаи проступков и наказаний были часты. Наказания имели вариации: крестьянина могли содержать под стражей, а затем подвергнуть наказанию плетью либо вне вотчины, либо в самом имении на месте преступления. Наказанием могло служить и само содержание под стражей, а по истечении определенного срока провинившиеся могли быть отданы на поруки старосте с условием, что будет письменное заверение (расписка), и крестьянин должен быть представлен властям по требованию [5, Л.20]. Крестьянин по воле владельца мог быть отправлен в Сибирь за любую провинность. Ссылка могла быть пожизненной (в таких случаях следовала формулировка «навечно»). Однако крепостного могли по воле владельца вернуть из ссылки. В некоторых случаях при ссылке крепостного следовала пометка, что произведен зачет провинившегося в рекруты [12, С.62]. При этом помещик решал две задачи: во-первых, наказывал провинившегося, во-вторых, – такой записью снимал с себя одну единицу из рекрутского набора. Зачастую происходило соединение нескольких видов наказаний. Крестьянина содержали под стражей, наказывали плетью, а уже затем отсылали в острог. Не существовало четкой закономерности между проступком и ответственностью, поскольку крестьянина могли подвергнуть одинаковой мере наказания за различные деяния. Главным критерием, определявшим степень наказания, была воля владельца. Существовал еще один вид наказания – возложение материальных затрат карательных экспедиций на самих виновных

крестьян. Суммы были значительные. При подавлении восстания крестьян помещика Вындомского в сентябре 1783 г. с виновных полагалось взыскать 528 руб. 23 коп. [9, Л.3]. О значительности суммы свидетельствует тот факт, что цена одной четверти ржи в 1780 г. в Псковской губернии составляла 2,5 руб. [13, С.447]. Подобные меры были инициативой государства, которое снимало с себя значительную часть расходов, однако, такой вид наказания был достаточно тяжелым для крестьян.

Перечисленные виды наказаний были типичными для второй половины XVIII в., все зависело от воли (а зачастую) и фантазии помещика. Однако воля владельца все же не была абсолютна и безгранична. Верховенство решения принадлежало Сенату. Но даже этот факт не спасал крестьян от произвола помещика. Вмешательство Сената в решение по делу о крестьянах помещика Вындомского состояло лишь в том, что в январе 1874 г. было предписано «крестьянам, которые палатою уголовного суда и правителем наместничества присуждены к наказанию кнутом, вместо сего учинить наказание плетьюми» [10, Л.47-13].

Взаимоотношения помещика и крепостных были обусловлены необходимостью рачительного отношения к своей собственности, получения как можно большего дохода (со стороны помещика) и желанием трудиться в условиях, «которые не отягощали бы» и не разоряли хозяйство (со стороны крестьян). Но поскольку помещик был властью для крестьян, а они его «крещеной собственностью», то, в конечном итоге, именно от владельца имения зависело, насколько эти две тенденции смогут ужиться друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО) Ф. 20. Оп.1. Д.11.
2. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д. 22.
3. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д. 23.
4. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д.25.
5. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д.50.
6. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д.51.
7. ГАПО Ф. 20. Оп.1. Д.112.
8. ГАПО Ф.66. Оп.1. Д.25.
9. ГАПО Ф.74. Оп.1. Д.112.
10. ГАПО Ф.74. Оп.1. Д.114.
11. Дейч Г.М. Крестьянство псковской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в. Псков: Псковская правда, 1957. 87 с.
12. Дворянская империя XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1960. 224 с.
13. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во II половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. 496 с.
14. Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд. Псков: Псковская областная типография, 2004. 280 с.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2011 года.

ПЕДАГОГИКА

УДК 377

ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ЯЗЫКОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кадырова Ф.М.

PROFESSIONAL - LANGUAGE FORMATION OF SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF ALL-EUROPEAN EDUCATIONAL INTEGRATION

Kadyrova F.M.

В статье выявлено, что современные интеграционные процессы инициировали повышение качества профессионального образования и языковой подготовки, которая должна соответствовать общеевропейским стандартам. Автором определены тенденции, характеризующие процесс интенсификации высшего профессионального образования, рассматриваются цели и задачи языковой подготовки студентов в контексте основных положений Болонской декларации.

The article reveals the importance of professional-language formation of specialists in conditions of modern integration processes occurring in Europe. It is pointed out that these processes initiated improvement of quality of vocational training and language preparation which should correspond to the all-European standards. The tendencies characterizing process of an intensification of the higher vocational training are defined. The purposes and problems of language preparation of students in context of the main provisions of the Bologna declaration are considered.

Ключевые слова: специалист, образовательная интеграция, иностранный язык, Болонская декларация, рынок труда и образовательных услуг.

Keywords: specialists, educational integration, foreign language, the Bologna declaration, labor market and educational services.

Глобальные изменения как в России, так во всем мире изменили роль иностранного языка в системе образования, и из простого учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, средство достижения профессиональной реализации личности. Внутренние потребности рынка труда и потребности отдельной личности в сочетании с интеграционными процессами в экономике и образовании требуют дальнейшего сближения нашей образовательной системы с зарубежными аналогами. Развивающаяся глобализация и интернационализация вызвали к жизни необходимость постоянного повышения качества образования, которое подразумевает студенческую и преподавательскую мобильность, реформу программ и учебных планов, сотрудничество в образовательной и профессиональной сферах, международное разделение труда [3, С.39]. В последние годы определился ряд тенденций, характеризующих процесс интенсификации высшего профессионального образования. Среди них

интеграция науки, образования и производства, интеграция профессиональной и общекультурной подготовки специалистов в единстве с развитием их личностных качеств, стремление к самореализации, творческому выражению, переход к обучению по индивидуальным планам и балльно-рейтинговой системе оценки знаний, возможность самостоятельного выбора образовательной траектории, широкий спектр возможностей для получения дополнительного образования.

В образовательном процессе современного вуза наблюдаются определенные позитивные тенденции, которые направлены на изменение содержания и технологий подготовки конкурентоспособных специалистов, но проблема профессионально-языкового становления специалистов остается на сегодняшний день не решенной в связи с неразработанностью ее теоретико-методологических основ. В связи с этим возникла необходимость изучения и анализа ее различных аспектов с целью совершенствования подготовки конкурентоспособных специалистов в условиях интернационализации рынка труда и образовательных услуг. Процессы глобализации и интернационализации требуют, чтобы студенты получали более прочную языковую подготовку - основу профессионально-языкового становления. Знание иностранных языков стало необходимым качеством современного конкурентоспособного специалиста. В этих условиях актуализировался поиск эффективных методик, нацеленных на решение конкретных задач, среди которых особо выделяется задача формирования коммуникативной компетенции.

В свете присоединения России к Болонской конвенции одним из основополагающих принципов модернизации образования является обеспечение сопоставимого качества образования в европейских странах, соответствие требованиям, предъявляемым к специалистам не только в России, но и на международном рынке труда [4, С.82]. Ключевыми положениями Декларации является расширение мобильности и обеспечение трудоустройства выпускников, сохранение культурного и языкового разнообразия, специфики национальных систем образования. На основе анализа зарубежного опыта авторы [1, С.54] определяют условия формирования академической мобильности студентов технических вузов, среди которых особо выделяются развитие многоязычности, включающее изучение иностранных языков до периода академической мобильности; прохождение специальной языковой практики студентами и долговременной переподготовки преподавателей иностранного языка; изучение иностранных языков на базовом уровне (Basic English, Francais Fondamentale, Grunddeutsch).

Одним из путей адаптации к современным рыночным условиям становится формирование языковых компетенций, что позволит использовать иностранные языки как средство получения новой профессионально значимой

информации, систематического пополнения профессиональных знаний и осуществления профессионального общения. Иноязычная коммуникативная компетенция будущего специалиста, являясь неотъемлемым компонентом его профессиональной компетентности, ее предметной составляющей, представляет собой совокупность языковых знаний, умений, навыков в области иностранного языка, способов оперирования ими, а также способность к овладению способами решения проблемно-познавательных задач и осуществлению деятельности по достижению целей, значимых в сфере предстоящей профессиональной деятельности. В процессе профессионально-языкового становления будущих специалистов обучение иностранному языку выступает как компонент образовательного процесса и решает задачу формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции обучающихся. Это подразумевает усвоение знаний, навыков и умений, которые развиваются и совершенствуются в процессе использования иностранного языка в профессиональных целях и позволяют вести общение, преодолевая языковые и культурные барьеры, осуществлять коммуникацию в различных моделируемых ситуациях профессионального общения.

Цель обучения должна быть подчинена общей задаче подготовки специалиста в профессиональной сфере, т.е. иностранный язык становится дополнительным средством осуществления профессиональной деятельности будущих специалистов и фактором их профессионально-языкового становления. Практическая цель обучения иностранному языку в современной методика реализуется с ориентацией на личность обучающегося как равноправного субъекта образовательного процесса в контексте личностно ориентированного, коммуникативно-деятельностного и профессионально-ориентированного подходов. Коммуникативная функция языковой подготовки как элемента профессионально-языкового становления личности будущего специалиста интегрирует в себе образовательный, воспитательный и развивающий аспекты обучения при ведущей роли практического компонента.

Перед системой подготовки специалистов для различных отраслей стоят две проблемы: сохранение накопленного положительного опыта в деле подготовки специалистов и совершенствование образовательного процесса с учетом новых социально-экономических и технологических условий, ключевым из которых является формирование единого европейского рынка труда. Таким образом, речь идет о совершенствовании форм образовательного процесса, перестройке стандартов, учебных планов и программ и их гармонизации с европейскими аналогами [2, С.226]. Существенной модернизации требуют дисциплины языкового цикла, которые должны давать реальную языковую подготовку, необходимую специалистам в профессиональной деятельности.

Основными психолого-педагогическими условиями, способствующими успешному профессионально-языковому становлению будущих специалистов в вузе на основе формирования языковых компетенции являются осуществление проектирования и реализации инновационных технологий обучения иностранному языку, основанных на личностно-ориентированном и профессионально направленном подходах; формирование мотивации к изучению иностранного языка для дальнейшего его применения в профессиональной деятельности на основе индивидуализации обучения с учетом личностных качеств обучающихся; организация целенаправленного управления познавательной активностью студентов на учебных занятиях и в процессе самостоятельной работы. Реализация предложенных психолого-педагогических условий в учреждениях профессионального образования способствует повышению эффективности обучения иностранному языку как компоненту профессионально-языкового становления будущих специалистов средством общения в условиях моделируемой на учебных занятиях речевой деятельности.

Общеввропейская образовательная интеграция инициирует такую организацию учебного процесса по предметам языкового цикла, которая представляет собой специально организованный процесс овладения языковыми компетенциями, которые позволят студентам не только обеспечить успешность коммуникаций, но и эффективно взаимодействовать с представителями зарубежных профессиональных сообществ. В соответствии с этим реализуется система овладения иностранным языком, включающая соотнесение общедеятельностных мотивов с мотивами и потребностями профессионально направленного общения; определение предметного содержания и способов выполнения элементов предстоящей профессиональной деятельности; выявление типичных условий ее протекания и характера взаимодействия ее участников; определение характера, содержания, форм взаимоотношений и общения субъектов, взаимодействующих в рамках данной деятельности. При этом овладение всеми аспектами иностранного языка (лексикой, грамматикой, фонетикой) является не самоцелью, а инструментом для достижения главной цели – профессионально-языкового становления будущего специалиста на основе формирования языковых компетенций будущего специалиста. Трансформация содержания учебного предмета «Иностранный язык» связана с его интеграцией с предметами профессионального цикла и осуществляется в следующих направлениях:

1. Определение оптимального соотношения предметов языкового цикла и дисциплин, отражающих основные виды предстоящей профессиональной деятельности студентов и системы их взаимоотношений и взаимосвязей.
2. Генерализация культурно-речевых умений и навыков на основе

фундаментальных социокультурных и профессионально ориентированных идей, понятий и теорий.

3. Усиление полилингвистической направленности, связи с жизнью, с социокультурной средой и деловым общением в производственной среде и общественно полезной производительной деятельностью.

Процесс профессионально-языкового становления будущих специалистов в условиях интеграции России в общеевропейское образовательное пространство является целостной и планомерной системой совершенствования профессионального мастерства и формирования языковых компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трегубова Т.М., Сахиева Р.Г., Масалимова А.Р. и др. Академическая мобильность студентов высших учебных заведений: отечественный и зарубежный опыт ее формирования: Коллективная монография / – Казань: изд-во «Отечество», 2008. – 131 с.

2. Кадырова Ф.М. Модернизация содержания и технологий языковой подготовки студентов // Вестник Казанского технологического университета. - 2008. - № 5. - С. 224-230.

3. Кадырова Ф.М. Современные вызовы гуманитарной подготовки в условиях глобализации образования // Казанский педагогический журнал. - 2005. - № 4. - С. 38-41

4. Трегубова Т.М., Масалимова А.Р., Сахиева Р.Г., Тазутдинова Э.Х. Исследования зарубежного опыта реформирования профессионального образования в условиях международной образовательной интеграции. // Казанский педагогический журнал. - 2008. - № 8. - С. 77-84.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2011 года.

УДК 37.013

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ РАЗРАБОТКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

Ковальчук О.В.

THE IMPROVEMENT OF EFFICIENCY IN EDUCATIONAL SYSTEMS BASED ON THE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPAL SYSTEM OF EDUCATIONAL QUALITY MANAGEMENT

Kovalchuk O.V.

В статье предложены требования для проектных и внедренческих работ, способствующие повышению эффективности образовательной деятельности на муниципальном уровне. Автором определены направления, которые должны быть положены в основу разработки инновационной системы управления образованием на муниципальном уровне. В работе разработаны содержание и последовательность мероприятий по совершенствованию муниципальной системы управления качеством образования.

In the article there are offered the requirements for design and introduction works, promoting increase of efficiency of educational activity at a municipal level. The author defines directions which should be taken as a principle for working out an innovative control system for formation of the education at the municipal level. There are developed the maintenance and sequence of actions for perfection of a municipal control system for quality of the education.

Ключевые слова: эффективность, образовательная система, муниципальная система управления качеством образования, система менеджмента качества, совершенствование.

Keywords: efficiency, educational system, municipal system of educational quality management, quality management system, improvement.

Одной из доминант современной образовательной политики Российской Федерации является установка на эффективность образовательной деятельности, эффективность функционирования образовательных систем. Это обусловлено происходящими объективными изменениями, вызванными логикой социально-экономических преобразований в стране [1]. Осуществить решение данной проблемы можно по нескольким направлениям, в том числе с использованием системного управления качеством на уровне образовательных учреждений и на муниципальном уровне с опорой на процессный подход. Для достижения поставленной цели необходима разработка муниципальной системы управления качеством образования, которая интегрирует усилия многочисленных участников управленческого процесса, создает своеобразное поле формирования качества образования, в том числе в аспекте эффективности образовательной деятельности.

Система менеджмента качества является тем главным результирующим критерием, который показывает реальную отдачу от внедрения системы управления качеством в муниципальной образовательной системе, позволяет повысить эффективность образовательной деятельности в силу следующих обстоятельств [2]. Следует иметь в виду, что в рамках системы менеджмента качества достигается большая согласованность действий всех субъектов образовательной деятельности, их нацеленность на решение задач и приоритетов, продекларированных в политике в области качества, руководстве по качеству, программах качества и других аналогичных документах. Являясь неременным атрибутом любой системы менеджмента качества, управление ресурсами позволяет использовать их более экономно, адресно, обуславливает их большую отдачу в плане получения конечных результатов. Принципиальной особенностью системы менеджмента качества в сфере образования является то, что она не позволяет замыкать управление на получение локальных эффектов, абсолютизировать роль

отдельных частных показателей результатов образовательной деятельности, система менеджмента качества ориентируется на мультипликативный эффект. Очевидное преимущество системы менеджмента качества заключается в том, что в ней осуществляется постоянное и последовательное регулирование образовательной деятельности по этапам жизненного цикла составляющих ее видов (учебный, воспитательный процесс, методическая, опытно-экспериментальная работа, обеспечивающие виды деятельности). Акцент смещается на регулирование разнообразных процессов и видов деятельности посредством механизма отражения и обеспечивает качество результатов должного уровня. Будучи построенной на основе принципа дуальности, система менеджмента качества одновременно обеспечивает эффективность образовательной деятельности в текущем и перспективном измерениях. Следовательно, обеспечивается баланс и взаимосогласованное функционирование контура текущего функционирования и контура развития образовательной системы без ущерба для эффективности образовательной деятельности. В рамках системы менеджмента качества используется широкий спектр оценочных критериев, показателей, методик и процедур (в т.ч. мониторинговых), обеспечивающих оперативное и достаточно полное отражение состояния и тенденций, имеющих место в муниципальной образовательной системе, в т.ч. в плане оценки эффективности образовательной деятельности. Благодаря этому обеспечивается полнота информации обратной связи, составляющей основу для принятия управленческих решений по повышению эффективности образовательной деятельности.

Рассмотрение основных тенденций, которые существуют в настоящее время в муниципалитетах в вопросах обеспечения качества образования, позволяет провести моделирование муниципальной системы управления качеством образования, ориентированной на обеспечение эффективности образовательной деятельности. В связи с этим в основу проектных и внедренческих работ должны быть положены следующие требования: общественно-государственный характер деятельности субъектов управления качеством; наличие системообразующего фактора в виде муниципального стандарта качества предоставления публичной услуги «Общее образование»; многоуровневое построение систем управления качеством в сфере образования; многовариантность организационных и технологических решений на разных уровнях системы менеджмента качества; доминирование рефлексивных методов управления качеством, оптимальное соотношение и баланс внешнего и внутреннего управления качеством образования.

Принцип многоуровневости является важнейшим принципом, положенным в основу муниципальной системы управления качеством образования. Его

суть заключается в том, что системное управление качеством образования не ограничивается рамками образовательного учреждения, а осуществляется также и на муниципальном уровне (оно имеет продолжение и на региональном уровне). Данное положение определяется сложной природой качества образования, представленного двумя большими и относительно самостоятельными блоками: внутреннее системно-социальное качество образования (качество выпускников, образовательных программ, образовательного процесса и т.д.) и внешнее системно-социальное качество образования (влияние образования на социальные и экономические процессы развития территории, региона, общества) [4].

В построении систем менеджмента качества особое место отводится уровневости, которая предполагает, что для каждой из образовательных систем (региональная образовательная систем, муниципальная образовательная система и т.д.) должны разрабатываться свои системы менеджмента качества с определенным набором общих и специфических компонентов, задач и функций. Муниципальную систему менеджмента качества с системами качества образовательных учреждений объединяют общие цели, ряд инвариантных (общих) элементов в виде единых программ качества, норм и каналов материально-технического снабжения, нормативных и методических документов, процедур контроля и проверки качества, подготовки и переподготовки кадров и т.п. [3]. Несмотря на наличие общих, инвариантных элементов в составе систем качества разного уровня, их композиционное построение может существенно отличаться. Это обусловлено различием основных, управленческих и поддерживающих процессов, осуществляемых в их рамках. Сообразно этому формируется определенный состав рабочих элементов, направленных на обеспечение качества данных процессов и соответствующих результатов.

В основу разработки муниципальной системы управления качеством образования должны быть положены следующие направления: реализация на практике квалиметрического подхода к оценке и анализу эффективности образовательной деятельности, заключающегося в расширении номенклатуры диагностируемых сторон и аспектов качества образования (качество текущего функционирования и развития, качество процессов и качество результатов и т.д.); использование существующих функционально-линейных структур, обеспечивающих управление образовательной деятельностью в муниципальной образовательной системе, для развертывания на их базе программно-целевых структур управления качеством образования; достижение высокого уровня скоординированности в действиях, управленческих решениях субъектов управления и образовательной деятельности; оптимального распределения функций,

прав и полномочий; высокого уровня компетентности и квалиметрической культуры педагогических работников, специалистов разных служб и функциональных звеньев; учет многообразных видов обменов, связей и отношений муниципальной системы управления качеством образования с системами более низкого (система управления качеством общеобразовательного учреждения) и более высокого (региональная система управления качеством образования) уровней, внешней средой.

Для развития и совершенствования муниципальной системы управления качеством образования необходимо разрешить противоречия между современными требованиями к качеству и эффективности образовательной деятельности и ограниченными возможностями решения этих задач с применением традиционных подходов к управлению муниципальной образовательной системой; инновационными процессами в образовании и отсутствием механизма обеспечения их согласованного и положительного воздействия на эффективность образовательной деятельности; уровнем развития теории и практики внедрения систем управления качеством в образовательных учреждениях, разных социальных системах и степенью освоенности данного направления применительно к муниципальному уровню управления образованием; многообразием качественных признаков, структур и процессов, присущих современному школьному образованию, и стихийно сложившимися системами управления ими [5]. Разработка концепции и модели муниципальной системы управления качеством образования должна ориентироваться на свое постоянное развитие и совершенствование, развитие и совершенствование технологий управления качеством образования по мере расширения информационных баз данных, достижения определенных результатов. С учетом ориентации на данное видение модели муниципальной системы управления качеством образования были спроектированы действия по ее развертыванию с ориентацией на требования международных стандартов качества ISO серии 9001:2008. При этом учитывалось, что на момент начала данных работ в муниципальной образовательной системе имелись определенные элементы такой системы в виде организационных структур, процедур обеспечения, контроля и оценки качества образования, процессов и ресурсов.

Содержание и последовательность работ по совершенствованию муниципальной системы управления качеством образования предполагает следующие основные шаги:

I. Совершенствование организационной структуры и механизма управления качеством в муниципальной образовательной системе:

1. введение в структуре Комитета по образованию и в подведомственных общеобразовательных учреждений должностных лиц, ответственных за управление качеством образования (руководитель направления, методист по качеству, уполномоченный по качеству);

2. перераспределение функциональных обязанностей в рамках существующей организационно-штатной структуры в связи с реализацией концепции управления качеством образования (переработка должностных инструкций, положений о структурных подразделениях);

3. трансформация отдельных элементов организационной структуры управления на муниципальном уровне с целью создания подразделений и служб с функционалом управления и оценки качества образования (группа мониторинга, экспертно-аналитическая группа).

II. Создание пакета нормативных документов и организация документооборота:

1. разработка на муниципальном уровне Политики в области качества, муниципального стандарта качества представления публичной услуги «Общее образование»;

2. разработка и утверждение нормативных документов, регулирующих управление и оценку качества образования (Положение о муниципальной системе оценки качества образования, Положение о муниципальном мониторинге качества образования; Требования к анализу и оценке внутришкольных систем менеджмента качества в ходе аттестационной экспертизы общеобразовательных школ; Положение об аудите качества образования; Положение о сертификации контрольно-измерительных материалов, применяемых в образовательной деятельности школ);

3. создание при Комитете по образованию специализированного банка данных по вопросам качества образования; создание каталогов, уточнение форм отчетности; разработка документированной процедуры сбора, хранения, передачи информации;

4. освоение участниками управленческого процесса статистических методов контроля качества образования.

III. Подготовка педагогических работников в области инновационного направления «Управление качеством образования в муниципальной образовательной системе»:

1. реализация на базе муниципального управления «Всеволожский районный методический центр» учебных курсов: «Управление качеством на муниципальном уровне и уровне образовательного учреждения», «Самоанализ

систем обеспечения качества образования», «Инновационные технологии оценки качества образования», «Оценка качества образования в ходе аккредитации образовательных учреждений»;

2. внутрифирменное качественное обучение членов стратегических команд образовательных учреждений и муниципального органа управления образованием по направлению «Проектирование и внедрение систем менеджмента качества»; освоение процедуры «коучинг».

IV. Совершенствование ресурсного обеспечения и механизма управления всеми видами ресурсов:

1. создание единых банков данных о качестве кадровых, материально-технических и информационно-методических ресурсов в муниципальной образовательной системе;

2. разработка документированных процедур применительно к элементам системы качества «Анализ контракта» и «Закупки».

V. Внедрение в практику управления качеством образования на муниципальном уровне процессного подхода:

1. разработка схем (в т.ч. графических) основных, управленческих и поддерживающих процессов, проработка вопросов взаимосвязи процессов;

2. определение контрольных точек основных, управленческих и поддерживающих процессов, измеряемых параметров на их входах и выходах, с разработкой номенклатуры оценочных показателей.

VI. Внедрение в механизм управления качеством образования на муниципальном уровне ряда рабочих процедур:

1. процедуры самообследования образовательных учреждений и муниципального органа управления образованием по качеству образования с подготовкой Публичных докладов (отчетов о самообследовании);

2. комплексные мониторинговые исследования по качеству образования;

3. процедуры изучения (выявления) образовательных потребностей;

4. процедура проектирования образовательных объектов, систем, процессов.

5. процедуры контроля, аудита, оценки качества образования.

VII. Совершенствование механизма и инструментария оценки качества:

1. создание оценочно-критериальных комплексов применительно к следующим объектам управления качеством: а) учебный процесс, обученность

учащихся и выпускников; б) здоровьесберегающая среда, здоровье учащихся и выпускников; в) содержание образования, образовательные и учебные программы; г) системы менеджмента качества школ; д) воспитательная среда и среда культурного развития;

2. внедрение механизма оценки динамики развития, эффективности муниципальной системы управления качеством образования;

3. внедрение механизма экспертизы и сертификации систем менеджмента качества образовательных учреждений.

Апробация и внедрение результатов исследования успешно осуществлялось на экспериментальной базе кафедры систем качества в общеобразовательных учебных заведениях Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов (Министерство образования и науки Российской Федерации), лабораторий теории и технологии общего и профессионального непрерывного образования взрослых, теории сравнительной эффективности и качества систем образования взрослых ФГНУ «Институт образования взрослых Российской Академии образования», кафедры управления и Центра мониторинга качества реализации Приоритетного национального проекта «Образование» ГАОУ ДПО Ленинградской области «Ленинградский областной институт развития образования», муниципальных образовательных систем Всеволожского и Тосненского районов Ленинградской области, Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа, гг. Пенза, Тверь, Вологда, Новоуральск (Свердловская область).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звонников В.И., Ефремова Н.Ф., Чельшкова М.Б. Мониторинг Всероссийской системы оценки качества образования //Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика: материалы XI Симпозиума. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 116 с.

2. Карелина И.Г. Современные модели оценки качества образования в России и за рубежом: аналитический обзор. Воронеж: ВГУ, 2006. 181 с.

3. Панасюк В.П. Школа и качество: выбор будущего. СПб.: Изд-во КАРО, 2003. 384 с.

4. Субетто А.И. Квалитология образования. СПб. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 220 с.

5. Субетто А.И. Основы системологии образования: Монография в 2-х ч. Ч. II. Изд. 2-е переработанное и дополненное. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 251 с.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 года.

УДК 378.1

**СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Курзаева Л.В., Овчинникова И.Г.

**THE SOCIAL AUDIT AS A NECESSARY CONDITION
FOR INCREASING THE COMPETITIVENESS
OF HIGHER EDUCATION**

Kurtazaeva L.V., Ovchinnikova I.G.

В статье рассматриваются актуальность и предпосылки использования внешнего социального аудита в целях повышения конкурентоспособности высшего профессионального образования. Авторами определены уровни и виды его проведения, а также требования к его методической базе.

The article deals with the relevance and prerequisites of external social audit in order to enhance the competitiveness of higher education. It also determines levels and types of social audit conducting, as well as requirements for its methodological basis.

Ключевые слова: качество образования, социальный аудит, конкурентоспособность вуза, государственный аудит, общественный аудит, национальная система профессиональных квалификаций.

Keywords: quality of education, social audits, competitive high school, public audit, an independent quality assessment, the state educational standards, the national system of vocational qualifications.

Проблема качества и конкурентоспособности образования носит в современном мире актуальный характер. Подписанная в июне 1999 года в Болонье «Декларация о Европейском пространстве для высшего образования накладывает дополнительные обязательства на высшее профессиональное образование. Конкурентоспособность образования - решающий фактор успеха страны на развитом конкурентном рынке, означающий соответствие уровня качества образования условиям рынка. Таким образом, повышение конкурентоспособности рассматривается нами в тесной взаимосвязи с повышением качества образования. Одним из направлений повышения качества продукции является внедрение системы менеджмента качества, соответствующей требованиям международных стандартов ISO 9000. Сформулированные в них принципы и критерии качества вобрала в себя основной опыт международного сообщества по созданию конкурентоспособной организации.

Реализация основных принципов данного стандарта в сфере образования невозможна без постоянного мониторинга тенденций изменения социально-экономической среды и проведения внешнего и внутреннего аудита соответствия

уровня профессиональной подготовки будущих кадров с целью адекватного изменения образовательного процесса. Не умаляя достоинства иных форм и видов проведения аудита в сфере образования, с нашей точки зрения, на данном этапе социально-экономического развития и в свете реформирования всей системы образования особое значение имеет внешний социальный аудит.

Социальный аудит – это механизм, позволяющий организации оценить и продемонстрировать ее вклад в решение социальных, экономических и экологических проблем. Основные причины появления и развития социального аудита в России могут быть сведены к следующему:

1. в современном рыночном хозяйстве возрастает роль социального фактора и человеческого капитала. Эта новая экономика трактуется нами как «социоэкономика». Важнейшей ее характеристикой является то, что социальный фактор становится решающим условием воспроизводства человеческих ресурсов, имеющим своей целью устойчивое и долговременное развитие;

2. под воздействием конкурентной среды экономическая функция любой организации все в большей степени начинает определяться функцией социальной;

3. современное рыночное хозяйство характеризуется возрастающей социальной ответственностью государства, частного бизнеса и наемных работников;

4. российские компании все чаще при выходе на международные рынки сталкиваются с требованиями соблюдения норм российского и иностранного законодательства, ведения бизнеса в соответствии с общепринятыми принципами социальной ответственности со стороны иностранных деловых партнеров и других зарубежных заинтересованных сторон (перед национальной социально-экономической сферой стоят задачи обеспечения прочных позиций во внутренней и внешней экономике, что создает основу устойчивого развития страны; в условиях глобализации и открытости рынков такие возможности в значительной мере зависят от уровня конкурентоспособности российского образования);

5. конкурентоспособность сегодня определяется эффективностью использования не только производственных активов и денежных ресурсов, но и нематериальных активов компаний, качеством управления нефинансовыми рисками.

Развитие данного вида аудиторской деятельности для вузов объективно необходимо исходя из общих тенденций преобразования российской экономики и образования. Следует подчеркнуть, что существует принципиальное различие между «социальным» и «государственным» аудитом.

Государственный аудит носит обязательный характер. Общественный аудит – это сугубо добровольное соглашение между социальными партнерами, которое призвано повысить роль институтов гражданского общества в регулировании социальных отношений. Предпосылками становления и развития социального аудита в сфере образования является совокупность самых разнообразных факторов, характерных для перехода индустриального общества к постиндустриальному, и, в первую очередь, в связи с растущей взаимозависимостью между социально-экономической сферой и сферой образования. На макроуровне (с появлением более зрелых рыночных отношений, когда человеческие ресурсы становятся решающим фактором производства) неизбежно повышается социальная ответственность профессионального образования в подготовке высококвалифицированных кадров для экономики страны.

В результате принципиальных изменений в конкурентной среде и в соотношении «жестких» и «мягких» факторов конкуренции качество высшего профессионального образования во все большей степени оказывает влияние на эффективность развития экономически. На данном уровне социальный аудит является механизмом оценки социальной ответственности профессионального образования перед обществом. На микроуровне конкурентоспособность отдельно взятого вуза зависит сегодня не столько от ценового фактора, сколько от качества образовательной услуги, его инновационного и опережающего характера, а также социального имиджа. Вполне закономерно предположить, что на данном уровне социальный аудит становится движущей силой повышения качества через своевременное изменение образовательного процесса с учетом актуальных потребностей рынка.

Таким образом, социальный аудит в целях повышения конкурентоспособности высшего образования должен проводиться на трех уровнях: на уровне вузов; на уровне региона; на Федеральном уровне.

На всех выделенных уровнях могут проводиться различные виды социального аудита: аудит соответствия (оценивает соответствие практических действий нормам, правилам, планам и предписаниям, разработанным в конкретном вузе, а также согласованность внутренних документов образовательного учреждения существующей государственной нормативно-правовой базе); аудит эффективности (оценивает соответствие методов управления организацией его целям и возможность их совершенствования); стратегический аудит (выявляет степень согласования миссии и политики вуза с его целями, его глобальной и социальной стратегиями, а также устанавливает степень связи социальной политики вуза со спецификой региональных условий и иных внешних факторов).

Социальный аудит как необходимый элемент рыночной экономики - явление практически новое для России, но уже имеющее ряд особенностей. Принципиально важной особенностью российской модели является то, что социальный аудит рассматривается как инструмент системы социального партнерства. По отношению к системе образования, социальное партнерство можно определить как систему взаимодействия между вузами и работодателями (представителями работодателей), а также органами государственной власти, органами местного самоуправления и неправительственными организациями, направленную на повышение качества профессиональной подготовки. Общий интерес всех участников социально-экономической сферы является объективной основой для поиска и достижения согласованности путем ведения социального диалога социальных партнеров. Социальный аудит может и должен стать инструментом анализа состояния и путей совершенствования образования, позволяющих осуществить конструктивный социальный диалог и достигнуть требуемого уровня подготовки кадров.

Существует объективная основа непосредственной заинтересованности во внешнем социальном аудите самих вузов, т.к. он позволяет доказать реальную социальную ответственность вуза перед обществом и социальными партнерами; организовать диалог между потенциальными социальными партнерами (внешними потребителями); доказать, что инвестиции частного бизнеса в человеческий капитал могут быть самыми эффективными с точки зрения основных целей стратегического менеджмента; более эффективно управлять изменением содержания и технологий образовательным процессом адекватно изменяющимся требованиям социально-экономической среды; реализовать образовательный процесс с учетом принципов опережающего образования; организовать эффективное управление информационными, методическими, материальными и кадровыми ресурсами, осуществляя целеполагание и принятие решений, основанных на фактах; охватить систему обследования социально-экономических отношений не только государственных, но и негосударственных вузов; дать ориентир руководству вузов в направлении обеспечения устойчивого и долговременного развития; получить руководству наиболее широкую и достоверную информацию относительно оценки своей деятельности обществом.

Таким образом, социальный аудит при наличии государственной воли и общественной поддержки позволяет создать реальную систему диагностики общественного прогресса и сформировать один из каналов адекватной информации для всех заинтересованных сторон [1]. Результаты социального аудита, если сделать их открытыми для общественности, могли бы дать значительно

более правдивую картину состояния нынешних социальных отношений, нежели это преподносится официальными источниками. Прозрачность результатов независимого аудиторского обследования может стать важным инструментом наблюдения за реализацией государственных программ. Следует отметить, что в настоящее время в законодательных и нормативных актах обозначены основные возможности участия работодателей и местного сообщества в аудите образовательных учреждений высшего профессионального образования.

В статье 97 Проекта Закона «Об образовании» [2] определены такие формы социального аудита деятельности образовательного учреждения, как независимая оценка качества образования и профессионально-общественная аккредитация. При этом общественно-профессиональная аккредитация, с нашей точки зрения, должна устанавливать значительные достижения вуза (в целом) и конкретной образовательной программы (в частности), важные, прежде всего, с точки зрения регионального образовательного сообщества и работодателей, тогда как государственная - устанавливает соответствие требованиям государственных образовательных стандартов. В рамках национального проекта «Образование» обозначены и отработаны некоторые формы привлечения общественности к аудиту качества образовательного процесса и результатов обучения.

В ходе реализации целого ряда взаимосвязанных проектов по разработке национальной системы профессиональных квалификаций и сделан важный шаг по развитию сотрудничества между сферой образования и работодателями: создано Национальное агентство развития квалификаций, учредителем которого является Российский союз промышленников и предпринимателей; разработана Национальная рамка квалификаций Российской Федерации; принято соглашение между РСПП и Минобрнауки России об участии работодателей в согласовании новых образовательных стандартов профессионального образования; создан Национальный совет по разработке квалификационных (профессиональных) стандартов; созданы отраслевые советы (по видам экономической деятельности); утверждены профессиональные стандарты для некоторых из отраслей: авиастроения, информационных технологий, индустрии гостеприимства, индустрии питания, управления организацией, монтаж каркасно-обшивных конструкций.

В рамках этого же направления хотелось бы отметить и проект Темпус «Разработка рамки квалификаций для системы высшего образования Уральского региона». В ходе реализации проекта была разработана, теоретически обоснована и апробирована рамка квалификаций для системы профессионального образования Уральского региона на основе компетентностного подхода с

учетом региональной специфики рынка труда, а также отечественных и международных образовательных традиций и тенденций. Такая рамка, являя собой один из важнейших инструментов аудита результатов обучения высшего профессионального образования, сориентированного на оценку знаний, умений и компетенций со стороны специфических для Уральского региона потребностей рынка труда. Вместе с тем практика проведения и использования результатов внешнего социального аудита в целях повышения конкурентоспособности вуза разработаны слабо.

Поэтому дальнейшая работа в данном направлении должна вестись в рамках создания методической базы проведения и внедрения результатов внешнего социального аудита в целях развития конкурентоспособности вуза. Она должна отвечать требованиям модернизации российского образования, основаться на современном российском и зарубежном опыте и подходах; создавать информационную основу для принятия управленческих решений на Федеральном, региональном и субрегиональном уровнях, обеспечивать сопоставимость данных о качестве образования в межрегиональном разрезе; быть ориентированной на требования стандартов ISO 9000.

Внедрение механизмов социального аудита в систему образования должно обеспечить возможность корреляции и дополнения существующей государственной системы оценки деятельности вузов разработанными и апробированными механизмами профессионально-общественной оценки, способствовать созданию условий для развития системы профессиональной подготовки в вузе с позиций концепции опережающего образования, определить необходимость переориентации содержания образования с учетом потребностей регионального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мешков В.Р. Социальный аудит в системе социального управления [Электронный ресурс] / В.Р. Мешков // Измерение и содействие прогрессу: новый подход для стран СНГ и Восточной Европы» Москва : сб. статей междунар. конф. – М, 2008. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/2008/konferenc/meshkov.doc – 43 КБ

2. Проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (на 14 октября 2011 года, версия 3.0.2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/>

3. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью вуза / Р.А. Фатхутдинов // Высшее образование в России. – 2006. – 9. – С. 37-38.

4. Шулулс А.А. Социальный аудит: учеб. пособие/ А.А. Шулулс, Ю.Н.Попов. – Москва: АТиСО, 2008.– 620 с.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2011 года.

УДК 378

**СПЕЦИФИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНО -
ОРИЕНТИРОВАННОГО УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА
НА БАЗЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЬЮТОРСТВА**

Макарова Е.Л.

**SPECIFIC CHARACTER OF COMPETENT - ORIENTED
EDUCATION PROCESS MODELING BY MEANS
OF TUTOR'S TECHNOLOGY**

Makarova E.L.

В статье доказана действенность модели компетентностно-ориентированного обучения, эффективность организационно-педагогических условий обучения на базе технологии тьюторства. Автором определена связь между интерактивными образовательными технологиями и технологией тьюторства, которая способствует формированию ключевых компетенций учащихся.

This article shows the efficacy of the competent-oriented education model, the effectiveness of the organizational and pedagogical conditions of education while using tutor's technology. The author proves the connection between the interactive educational technologies and the tutor's technology.

Ключевые слова: совершенствование учебного процесса, компетентностно-ориентированный подход, интерактивные образовательные технологии, технология тьюторства.

Keywords: educational process improving, competence-oriented approach, interactive educational technologies and tutor's technology.

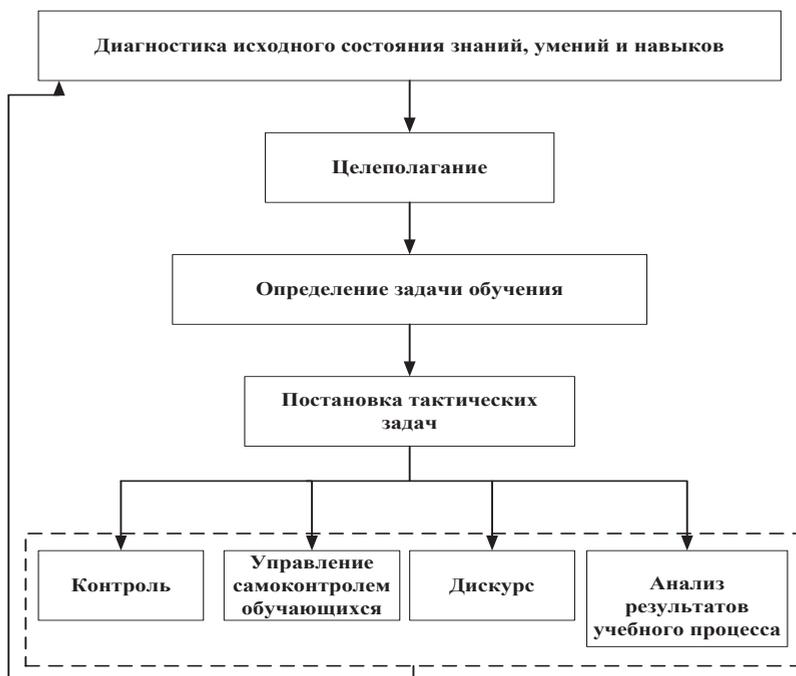
Модернизация системы образования в Российской Федерации направлена на обучение личности, обладающей высоким уровнем сформированности ключевых компетенций. Модернизация системы образования должна происходить за счет качественного преобразования не только учебных процессов, но и всех сторон деятельности, на основе возможностей, которые дают современные образовательные технологии, и учитывать следующие принципиальные особенности: информационную и функциональную взаимосвязь задач обучения; необходимость объединения и согласования деятельности различных подразделений при решении большинства задач обучения; использование интерактивных образовательных технологий при формировании учебного процесса [3].

Для формирования ключевых компетенций обучаемых в системе образования необходимо дополнить традиционное образование инструментами интерактивных образовательных технологий, в частности, технологией тьюторства, которая является составной частью учебного процесса. Социальная составляющая компетенции представляет собой умение принимать адекватное решение в конкретной ситуации. Культурная составляющая компетенции включает: деловую этику, искусство проведения переговоров, составление

резюме, умение работать в групповых проектах. В рамках межкультурного подхода основной задачей современного образования является положительное развитие личности и ее самосознания в результате приобретения нового социального и культурного опыта.

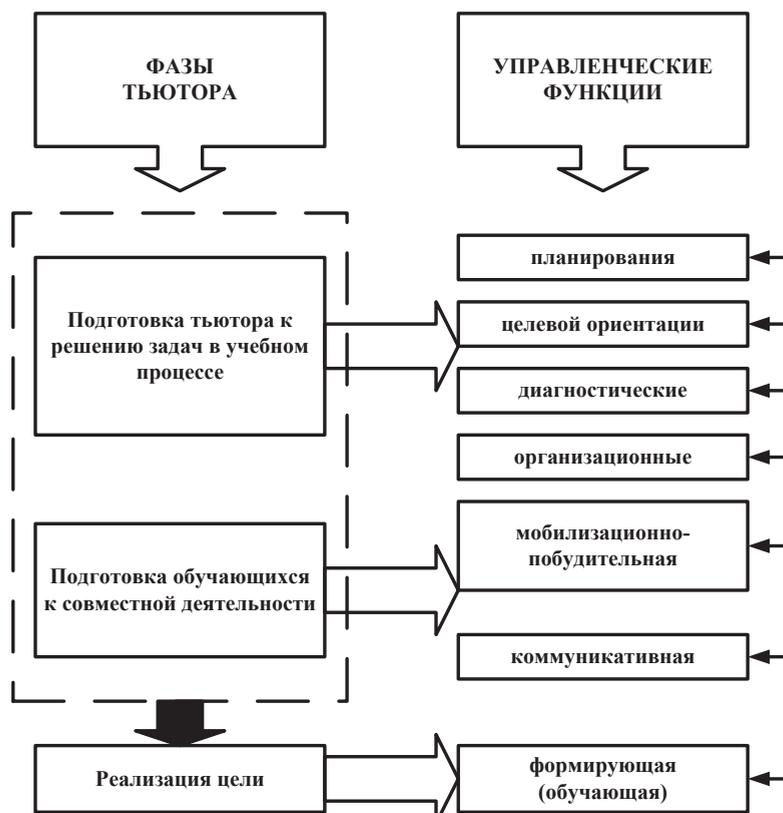
Тьюторское сопровождение – это педагогическая деятельность по индивидуализации образования, направленная на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов учащегося, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной программы, на работу с образовательным заказом семьи, формирование учебной и образовательной рефлексии учащегося [2, С.8].

Рисунок 1. Деятельность преподавателя (тьютора) при формировании компетентностно-ориентированного учебного процесса.

Управленческая деятельность преподавателя (тьютора) можно представить в виде ряда блоков: диагностика исходного состояния знаний, умений и навыков, целеполагание, определение главной стратегии обучения, постановка тактических задач, контроль, управление самоконтролем обучаемых, обратная связь, и, наконец, анализ результатов учебного процесса (см. рис. 1). Несмотря на огромную роль преподавателя как менеджера в экспериментальном обучении, основой учебного процесса мы считаем деятельность обучающегося, мобилизацию его интеллектуальных, волевых усилий и эмоциональных переживаний.

Рисунок 2. Модель управленческой деятельности тьютора.

При этом важно, чтобы содержание учебного материала, формы, методы и средства обучения на каждой новой стадии соответствовали реальным и потенциальным потребностям обучаемых, отвечали их личностным смыслам, в результате чего выступали фактором мотивации при формировании учебного процесса. Личность обучаемого, преподаватель и сам учебный процесс объединяются в сложную самоорганизующуюся систему, которая может существовать и функционировать в условиях интерактивного образовательного пространства, способствующего развитию ключевых компетенций, креативности и самообучения студента.

Умение формировать ключевые компетенции в учебном процессе является важной задачей преподавателей на современном этапе. Анализ имеющихся и проектируемых ключевых компетенций позволяет определить индивидуальные образовательные стратегии, выбрать адекватные интерактивные образовательные технологии, определить механизмы внутреннего и внешнего оценивания обучаемого. При принятии решения принципиальная реакция человека на возникающую ситуацию и функционирование мозга в режиме

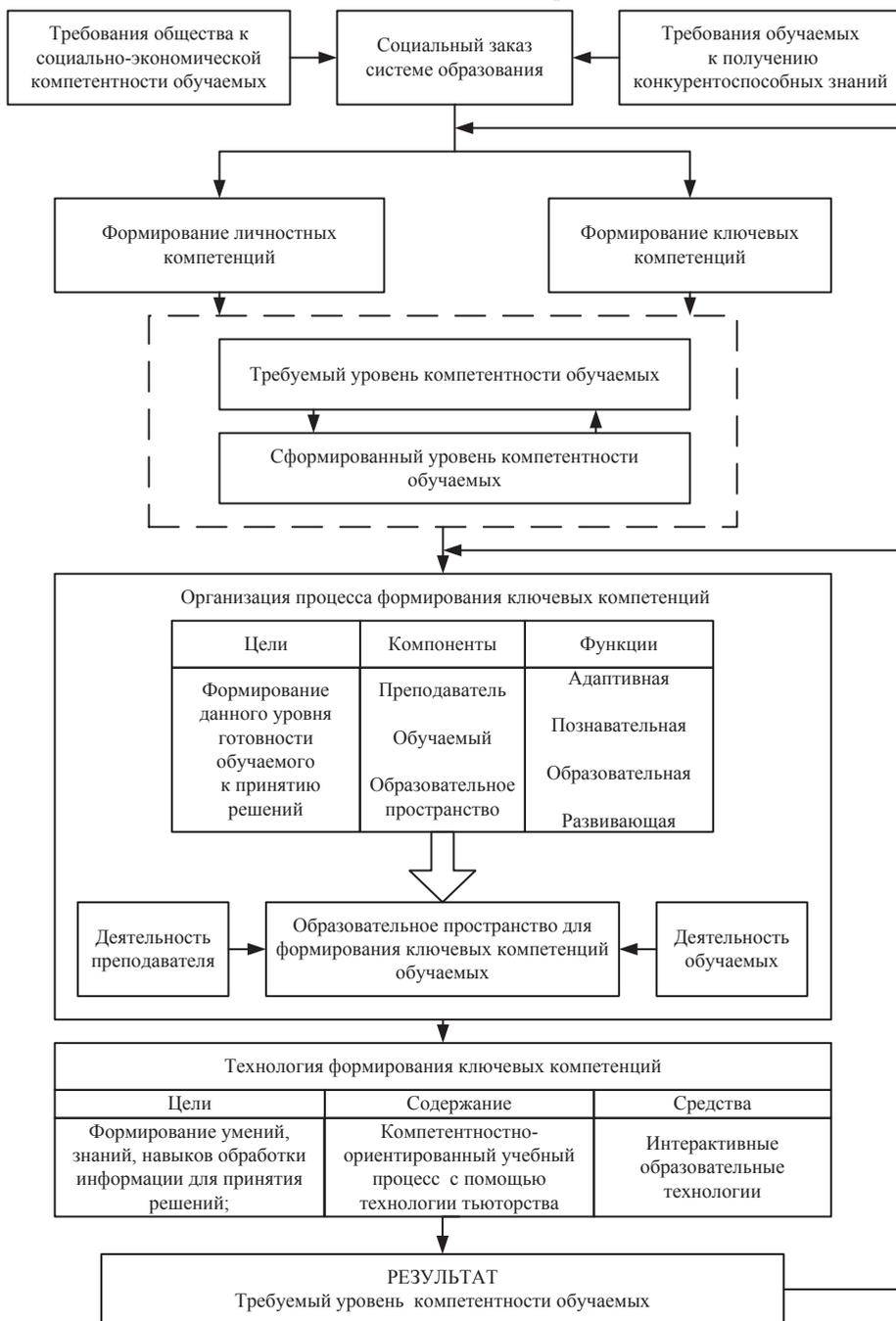
принятия решения объясняет причины возникновения экстремальных ситуаций и наглядно свидетельствует о том, что проблема использования эффективных инновационных образовательных технологий в учебном процессе имеет в основном психологический характер. Ее разрешение во многом сводится к умению управлять своими эмоциями в целях предупреждения нарушения баланса и к обретению навыков для контроля уровня эмоциональной нагрузки обучаемых. Речь идет о способности обеспечивать функционирование мозга в режиме оптимального состояния [5, С.25].

Необходимость решения этой проблемы в связи с возрастающей ролью самостоятельной работы обучаемых в современном учебном процессе объясняется следующим: формирование учебного процесса дает возможность развить творческие способности и приобщиться к научно-исследовательскому подходу изучения нового материала; увеличение объема информации, которую невозможно изложить в полном виде во время лекционных занятий; формирование учебного процесса позволяет лучше и качественнее подготовиться к тестам и экзаменам [1].

Высокий уровень самостоятельности обучаемых обеспечивается интерактивными образовательными технологиями, инструментарием которых являются деловые игры, кейсы, тренинги, мозговой штурм и т.д. Например, деятельность обучаемых по самостоятельному созданию бизнес-сессий, как одной из разновидностей деловых игр, способствует усвоению теоретических знаний, развитию творческого мышления, приобретению профессионально-практических навыков и подготовке к стрессовым ситуациям, сопряженным с принятием решений [4].

При рассмотрении основных принципов формирования компетентностно-ориентированного учебного процесса, (см.рис. 3) цель которого самостоятельность обучаемых, можно предложить следующие положения: переход на качественно новый уровень взаимоотношений между преподавателем и обучаемым, основанный на изменении их личностных позиций, в результате чего создается партнерство в образовательной деятельности; образовательная деятельность становится новой разновидностью деятельности по созданию учебным процессом с позиции менеджера процесса подготовки обучаемых; система образовательной деятельности становится такой, в которой ведущую роль играют интерактивные образовательные технологии, продуктивные и творческие задания.

Рисунок 3. Компетентностно-ориентированная модель учебного процесса на базе технологии тьюторства.

Диагностика проведения эксперимента по организации компетентностно-ориентированного учебного процесса на базе технологии тьюторства осуществилась в процессе анкетирования, бесед, наблюдений в ходе занятий, а

также на основе изучения результатов обучения и тестирования сформированности ключевых компетенций. Для оценки эффективности организации данного компетентностно-ориентированного учебного процесса использовалась система анкетирования учащихся экспериментальной (48 чел.) и контрольной (46 чел.) групп. Анализ полученной информации свидетельствует о том, что большинство учащихся демонстрировали низкие показатели профессиональных компетенций (элементарный уровень - КГр- 39,8; ЭГр-40,9; продвинутый уровень - КГр-46,3; ЭГр-31,8; высокий уровень - КГр- 13,9; ЭГр-27,3)

В рамках нашего исследования на базе МОУ лицей № 4 в г.Таганроге была разработана программа, позволяющая использовать интерактивные технологии обучения для организации компетентностно-ориентированного учебного процесса. Целью данной программы стало формирование у учащихся умения самостоятельно находить тот или иной методический приём в зависимости от характера изучаемого материала и учебной задачи. Применение интерактивных образовательных технологий в процессе подготовки учащихся, в частности, технологии тьюторства, рассчитано на преподавание в 10-11 классах специализированных дисциплин. Возможность работы с электронными ресурсами системы предоставляется учащимся в центре дистанционного обучения, в компьютерных классах, с домашних компьютеров, имеющих выход в Интернет. При этом необходимо отметить, что прохождение тестирования возможно только в специализированных компьютерных классах лицея. Учебные ресурсы компетентностно-ориентированного учебного процесса используются в качестве дополнения к традиционным формам и средствам обучения. Они позволяют активизировать самостоятельную работу учащихся при изучении различных дисциплин, повысить качество их знаний. Важнейшими особенностями описываемой программы можно считать открытость и универсальность. Открытость заключается в том, что она не только предоставляет обучающие ресурсы любому пользователю, но и дает преподавателям неограниченные возможности для разработки и развития электронных учебно-методических материалов по любым дисциплинам. Универсальность обеспечивается тем, что технология тьюторства позволяет использовать все известные способы и методы интерактивного обучения. Использование универсальной интегрированной базы данных позволяет легко наращивать программу обучения.

При проведении итогового тестирования студенты контрольных и экспериментальных групп показали следующие результаты сформированности профессиональных компетенций (элементарный уровень - КГр- 27,у; ЭГр-10,2; продвинутый уровень - КГр-45,4; ЭГр-43,4; высокий уровень - КГр- 27,3; ЭГр-46,4).

В целом, экспериментальные группы отличались достоверно более высокими результатами по всем оцениваемым показателям, что свидетельствует об эффективности авторской стратегии организации компетентностно-ориентированного учебного процесса на базе технологии тьюторства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даутова О.Б. Самоопределение личности школьника в профильном обучении: Учебно-методическое пособие для учителей / Под ред. А.П. Тряпичиной.- СПб.: КАРО, 2006.-352 с.

2. Ковалева Т.М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании»: лекции 1–4. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. – 56 с.

3. Макарова Е.А., Макарова Е.Л. Формирование системы профессиональных компетенций специалистов вузов. Российский психологический журнал Т.5 № 4, 2008 г. М., КРЕДО. С. 48-55

4. Макарова Е.Л. Роль преподавателя при внедрении современных образовательных технологий в учебный процесс // Экономические и гуманитарные исследования регионов.- Пятигорск:-2011, №6. – С. 51-56.

5. Назарова Т.С., Шаповаленко В.С. От экстремальных педагогических технологий к традиционной практике. Педагогика №5, 2001, с. 25.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 года.

УДК 37

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ - ФАКТОР ИХ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Писарь О.В., Ребрик Э.Ю.

PSYCHOLOGICAL SUPPORT STUDENTS - A FACTOR IN THEIR PERSONAL SAFETY

Pisar O.V., Rebrik E.Y.

В статье охарактеризовано психологическое сопровождение студентов как система имплицитных мер и фактор формирования их личной безопасности, дана сущностная характеристика гуманистического сознания и межличностного гуманистического общения. Авторами раскрыто содержание психологической поддержки и информационно-психологической безопасности.

The article described how students' psychological support system of implicit measures, and the imperative of forming their own personal safety, given the essential characteristic of humanistic consciousness and humanistic interpersonal communication, disclosure of emotional support and information-psychological security.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, система имплицитных мер, личная безопасность, гуманистическое сознание, межличностное гуманистическое общение, психологическая поддержка, информационно-психологическая безопасность.

Keywords: psychological support, the system is implicit mer, personal safety, humanistic consciousness, interpersonal communication humanistic, psycho-pedagogical support, information and psychological safety.

Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности. С одной стороны, безопасность - одно из важнейших условий существования и развития личности, выступающее гарантом реализации конституционных прав и свобод и обеспечивающее защищенность жизненно важных интересов от внешних угроз. С другой стороны, - безопасность - одна из основных потребностей личности, которая, однако, выступает как активная сила только в критических, экстремальных ситуациях, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой. Безопасность личности представляет собой динамичное образование, своевременно и адекватно реагирующее на меняющиеся опасности и угрозы [1]. Для демократической страны безопасность государства и общества является не самоцелью, а функцией обеспечения свободы и безопасности личности. Поэтому педагогический процесс формирования личной безопасности направлен на усвоение и развитие компетенции студентов в данной области, влияющей на их гражданскую, нравственную, коммуникативно-творческую направленность, социальное самоопределение и самосовершенствование, образ жизни [2]. Многочисленные угрозы безопасности личности преодолеваются только при условии, что люди сами хотят и умеют жить как личности безопасного типа, а это возможно лишь в таких сообществах, в которых люди умеют общаться с другими людьми, не создавая новых угроз безопасности, стремятся к разрешению имеющихся угроз и учатся предупреждать потенциальные вызовы безопасности в социуме.

Один из факторов формирования личной безопасности студентов – психологическое сопровождение как система имплицитных мер (диалектическая взаимосвязь работы по формированию гуманистического сознания и установлению межличностного гуманистического общения между всеми субъектами учебно-образовательного процесса; психолого-педагогическая поддержка всех субъектов учебно-образовательного процесса, направленная на осознание ими своих возможностей и творческих способностей, определение перспектив ближайшего развития; информационно-психологическая безопасность), направленная на осознание студентами своих возможностей и творческих способностей, определение перспектив ближайшего развития, формирование гуманистического сознания и установление межличностного гуманистического общения [3].

Основанием для диалектической взаимосвязи работы по формированию гуманистического сознания и установления межличностного гуманистического

общения между всеми субъектами учебно-образовательного процесса может быть гуманизация образования. Наше понимание гуманизма заключается в том, что это принцип мировоззрения, признающий человека высшей ценностью, а общечеловеческие нормы поведения - основой человеческой деятельности, предполагающий создание условий для разностороннего и гармоничного развития человека – сознательного субъекта своих действий. Исходя из этого определения, можно выделить следующие компоненты гуманизма как принципа мировоззрения:

1. опора на общечеловеческий опыт поведения людей, приобретенный в процессе истории развития цивилизации, выраженный формами человеческого общежития (сотрудничество, взаимопонимание, благожелательность, честность, терпимость, самоотверженность, благодеяние) и закрепленный в оценочно-нормативных понятиях добра, долга, совести, чести, достоинства, смысла жизни (квивалентом данного тезиса является «золотое правило» нравственности: поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе);

2. единство цели (реализация человеческого потенциала, разностороннее развитие его общих и специальных способностей) и выбранных средств, заключающееся в соблюдении золотого правила нравственности при любых обстоятельствах;

3. духовно-нравственная культура личности, характеризующая ее готовность к самосовершенствованию, самопознанию, развитию гуманных качеств, связанных со способностями к безусловному позитивному принятию себя и другого человека, эмпатическому пониманию (безоценочное сопереживание одного человека актуальным переживаниям другого), конгруэнтность (подлинность, открытость, честность);

4. универсальность, означающая применимость гуманизма ко всем людям и ко всем социальным системам, независимо от национальных, социальных, религиозных, расовых, идеологических различий;

5. свобода в разумности, осознанности собственных действий и взаимодействий, в умении понять, договориться, уступить, т. е. справиться со своими собственными потребностями, управлять ими, организовывать их разумность, учитывая интересы других (свобода, означающая возможность человека действовать самостоятельно в соответствии со своими способностями и мировоззрением; нравственная свобода, заключающаяся в способности к самоопределению, выражению своей человеческой сущности в разумности и ответственности; политическая свобода, проявляющейся в демократизации общественной жизни и связанная с гражданскими свободами совести, слова, печати и так далее; свобода экономической деятельности);

6. создание условий для разностороннего проявления и гармоничного развития всех способностей личности.

Проявление компонентов гуманизма как принципа мировоззрения в поведении человека позволяет говорить о воспитании гуманных качеств личности, в которых выражается отношение человека к человеку: признание человека высшей ценностью, уважение его чести и достоинства; проявление заботы о человеке на основе различных нравственных черт – чуткости, отзывчивости, доброты, сочувствия, милосердие; умение действовать самостоятельно. Процесс воспитания гуманности и позволяет, на наш взгляд, использовать понятие «гуманизация образования», которое раскрывает педагогический аспект гуманизма. Компонентами гуманизации образования могут быть потребность человека в эмоциональном контакте, заключающаяся в желании индивида чувствовать себя предметом заинтересованности и симпатии, способности к эмпатийному пониманию окружающих; межличностное гуманистическое общение между всеми субъектами учебно-образовательного процесса, психолого-педагогические способы воздействия на сознание и поведение друг друга; личностно-ролевое участие студентов в организации учебно-образовательного процесса; гуманистическая направленность личности преподавателя; устойчивое гуманистическое сознание у всех субъектов учебно-образовательного процесса, умение рефлексировать и стремиться к самовоспитанию гуманных качеств. В настоящее время идея гуманизации образования получила международное признание как один из принципов конвергенции образовательных учреждений, оказывающий влияние на отбор содержания отдельных учебных курсов и организацию учебно-образовательного процесса, находящий отражение в некоторых международных педагогических программах.

Методы, обеспечивающие в образовательной практике диалектическую взаимосвязь работы по формированию гуманистического сознания и установлению межличностного гуманистического общения между всеми субъектами учебно-образовательного процесса, можно условно разделить на группы:

1. методы, формирующие гуманистическое сознание: обсуждение важнейших проблем современности с позиций гуманизма; анализ компонентов гуманизма; самостоятельная работа с литературой о гуманизме; деловые и ролевые игры; герменевтические методы; разъяснение смысла психолого-педагогических методов управления; методы самопознания;

2. методы, формирующие гуманистическое поведение: показ приемов гуманистической деятельности; тренинги, упражнения на отработку способов нахождения различных коммуникативных средств для взаимодействия с партнером по общению, для развития умения слушать, развития умения создавать позитивную психологическую атмосферу; рефлексия; методы драмопедагогики.

Идея гуманизации образования предполагает осуществление принципиально иной направленности образования, связанной не с подготовкой «обезличенных» квалифицированных кадров, а с общим социально-нравственным и профессиональным развитием личности. В 1960-х годах российская культура обогатилась идеями диалога, сотрудничества, совместного действия, необходимости понимания чужой точки зрения, уважения личности, они не были транслированы педагогикой в образовательную практику. В этой связи стало очевидным, что классическая модель образования перестала отвечать требованиям, предъявляемым обществом и современным производством.

Психолого-педагогическая поддержка всех субъектов учебно-образовательного процесса, направленная на осознание ими своих возможностей и творческих способностей, определение перспектив ближайшего развития – следующая имплицитная мера психолого-педагогического сопровождения. Реализация этой меры в образовательной практике предполагает формирование благоприятного морально-психологического климата, признаками которого являются доверие субъектов учебно-образовательного процесса к друг другу; доброжелательная и деловая критика; свободное выражение собственного мнения при обсуждении вопросов, касающихся жизнедеятельности образовательного учреждения; ситуативный отбор методов управления; достаточная информированность субъектов учебно-образовательного процесса о целях и задачах по функционированию и развитию образовательного учреждения; удовлетворенность принадлежностью к образовательному учреждению; высокая степень эмоциональной включенности и взаимопомощи в ситуациях, вызывающих состояние фрустрации (обмана, расстройств, разрушения планов) у кого-либо из субъектов учебно-образовательного процесса; принятие на себя ответственности за состояние учебно-образовательного процесса каждым из его членов и пр.

Существует достаточно большое количество методов целенаправленного совершенствования морально-психологического климата. Среди них важное место занимают мотивация, разработка и внедрение этических кодексов, инструкций по нормам профессиональной этики, памяток по психологическому саморегулированию и поддержанию психологической устойчивости субъектов учебно-образовательного процесса при экстремальных ситуациях. Методами целенаправленного совершенствования морально-психологического климата являются различного рода тренинги общения, формирования команд, разрешения конфликтов, принятия совместных этических решений и др. Они могут в известной степени способствовать повышению качества социальных отношений. Сегодня все больше руководителей приходят к убеждению, что социальные отношения – так называемые нематериальные ресурсы,

в значительной мере способствуют материальным результатам – успешному позиционированию на рынке образовательных услуг и конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Следующая имплицитная мера психологического сопровождения – это информационно-психологическая безопасность всех субъектов учебно-образовательного процесса. Важной причиной социальных и иных катаклизмов остаются мировоззренческие характеристики современного человека, агрессивный тип сознания многих людей. Поэтому, чтобы изменить мир, сделать его безопасным, надо преодолеть агрессивный образ мышления и поведения. Происходящие в настоящее время процессы преобразования в социальной, духовной, политической жизни и экономике России оказываются существенно зависящими от различного рода информационных воздействий, которые приводят к серьезным негативным последствиям. Эти воздействия квалифицируются как негативные, если вызывают психоэмоциональную и социально-психологическую напряженность, искажение нравственных критериев и норм, морально-политическую дезориентацию и как следствие неадекватное поведение отдельных лиц, групп и масс людей [4]. Их основные последствия – глубокие трансформации индивидуального и коллективного сознания, изменения морально политического и социально-психологического климата в обществе. Информационно-психологическая безопасность направлена на осознание личностью негативных информационно-психологических воздействий, формирование умений и навыков информационно-психологической самозащиты [5].

Необходимо формирование информационной культуры личности. Эта необходимость вытекает, с одной стороны, из универсальной онтологической значимости информации в бытии, с другой, – из связи с повышением функционального значения информации в жизни человека. В современной литературе информация (лат. *informatio*- разъяснение, ознакомление) рассматривается как многозначное понятие, характеризующее сумму определенных сведений, данных знаний. Понятие «информация» может использоваться в широком и узком смысле. В широком смысле информация рассматривается в границах системно-кибернетического подхода, в контексте трех фундаментальных аспектов любой кибернетической системы: информационном, связанном с реализацией в системе определенной совокупности процессов отражения внешнего мира и внутренней среды системы путем сбора, накопления и переработки соответствующих сигналов; управленческом, учитывающем процессы функционирования системы, направления ее движения под влиянием полученной информации и степень достижения своих целей; организационном, характеризующем устройство и степень совершенства самой системы управления в терминах ее надежности, живучести, полноты реализуемых функций, совершенства структуры и

эффективности затрат на осуществление процессов управления в системе. В настоящее время, используя понятие «информация» в таком широком смысле, ученые, на наш взгляд, ставят его в один ряд с такими фундаментальными категориями, как «материя» и «энергия» [6].

В узком смысле понятие «информация» может иметь множество определений, в зависимости от предмета исследования: обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему; отрицание энтропии; коммуникация и связь, в процессе которой устраняется неопределенность; передача разнообразия; мера сложности структур; вероятность выбора и другие. Информация, считает Т.С. Кабаченко, в известном смысле энергия психики, она ею питается, перерабатывает и выдает. Энергия эта двух видов: ментальная (здесь информационность наиболее заметна) и витальная. Ментальная часть – воспринимает информацию как бы со стороны, как внешние по отношению к себе предметы, как рельефный набор обособленных друг от друга объектов или процессов. Другая, – витальная – отражает мир изнутри организма, как нечто непрерывное, слитое воедино, нераздельное. Существует так называемый синдром Вертера, когда литературное произведение или действия героя, поступки звезды рождали у поклонников желание подражать, вызывая эффект негативных, социально опасных проявлений. К примеру, возможные суициды в связи с гибелью известного кумира молодежи.

Хотя термин «психологическая безопасность» возник значительно позже, чем возникла проблема неоптимального поведения, – сами по себе неоптимальные психологические последствия воздействий на общество существовали давно. Проблема пользы и вреда воздействия возникла еще до начала ушедшего столетия. И только когда активно стали развиваться специальные «пиаровские» технологии, был поставлен вопрос об информационно-психологической безопасности.

По нашему мнению, каждое из определений раскрывает ту или иную грань многоаспектного понятия «информация» как меры неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, и меры изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы. Исходя из предмета нашего исследования, мы предлагаем рассматривать информацию как смысловой, содержательный аспект социального взаимодействия, влияющий на принятие решения. Существование человека в информационном обществе превращается в существование в суперсимволической реальности. Ориентация личности затрудняется резко возросшим объемом информации, циркулирующей в социуме и воздействующей на личность, такими явлениями, как «власть образа над человеком», и суперплюралистичностью системы ценностей информационного общества, которая, по мнению специалистов, представляет собой паутину без

единого центра. С другой стороны, инфраструктура информационного общества дает человеку богатейшие возможности для творческого развития в связи с доступом ко всему многообразию когда-либо существовавших знаний и ценностей [7]. Однако использовать эти возможности может только человек со сформированными информационными умениями и навыками, которые включаются в понятие информационной культуры: генерация зрелых личностных смыслов и формирование адекватной и динамичной картины мира; совокупность информационных потребностей, творческих способностей, навыков и умений, позволяющих эффективно производить, перерабатывать и воспринимать личностную информацию и на ее основе достигать взаимопонимания и эмпатии между людьми, которые находятся в неформальных, близких отношениях; высокий уровень инфопотребности; информационная психогигиена (саморегуляция информационных процессов в соотношении их с актуальным состоянием организма); информационная нравственность, регулирующая вопросы доступа и использования чужой информации.

Таким образом, психологическое сопровождение студентов обуславливает развитие у них интегральных характеристик личности, усвоение и развитие мировоззренческих основ, формирование готовности к безопасному поведению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писарь О.В. Безопасность личности как целостное интегральное качество // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2008. – № 12. – С. 47 – 56.
2. Писарь О.В. Характеристика принципа безопасности образования // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 2. – С. 86
3. Писарь О.В., Татарина И.П. Безопасность образования – основа жизнедеятельности профессиональной школы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2009. – № 1. – С.99 –102.
4. Писарь О.В. Мониторинг и структурирование информации в обеспечении безопасности объекта: Монография. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2004. – 162 с.
5. Писарь О.В., Пугачева Н.Б. Технология формирования личной безопасности студентов технического вуза на основе компетентностного подхода // Вестник НЦ БЖД / Научно-методический и информационный журнал. – Казань. – № 1 (3). – 2010. – С. 36-44.
6. Pisar O. Fundamental Principles of Network Security. - Strasburg, 2003.– 128 p.
7. Pisar O. Application Virtualization Security Best Practices. – London, 2005. – 186 p.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2011 года.

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пугачева Н.Б., Писарь О.В., Ребрик Э.Ю.

THE FORMATION OF PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS LIFE SAFETY

Pugacheva N.B., Pisar O.V., Rebrik E.Y.

В статье дана сущностная характеристика мировоззрения как системы взглядов, идеалов, принципов познания и деятельности, определяющей интеллектуальное и ценностно-эмоциональное отношение человека к окружающей действительности. Авторами уточнены понятия «безопасность» и «опасность», выявлены основные этапы теоретического осмысления безопасности, представлена и обоснована структура курса «Безопасность жизнедеятельности», определены структурообразующие компоненты личной безопасности.

This paper presents the essential characteristic of philosophy as a system of beliefs, ideals, principles and knowledge of the defining intellectual and emotional values and man's relation to reality, refined the concept of «security» and «danger», identified the main stages of theoretical understanding of security provided and justify the structure of the course, «life Safety», defined by structural elements of personal safety.

Ключевые слова: мировоззрение, безопасность, опасность, курс «Безопасность жизнедеятельности», риск, общество риска, личная безопасность

Keywords: outlook, safety, danger, threat, the course «Health and Safety,» Risk, risk society, personal safety.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, идеалов, принципов познания и деятельности, определяющую интеллектуальное и ценностно-эмоциональное отношение человека к окружающей действительности, механизму самореализации и формирующую его личностные структуры. Мировоззрение - это не только содержание, но и способ освоения окружающего мира, относительно автономная и устойчивая система внутренних детерминант жизнедеятельности человека.

Формирование у студентов мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности обеспечивается в процессе всего обучения. Но особое место в этом процессе занимает дисциплина «Безопасность жизнедеятельности», которая представляет собой интегрированный курс, направленный на формирование основных понятий об опасных и чрезвычайных ситуациях в повседневной жизни, их последствиях для здоровья и жизни человека, выработку у них сознательного и ответственного отношения к здоровью своему и окружающим, личной безопасности, безопасности окружающих, приобретению способности сохранять жизнь и здоровье в неблагоприятных и угрожающих жизни условиях, адекватно реагировать на различные опасные ситуации с учётом своих

возможностей [5]. В образовательной практике курс «Безопасность жизнедеятельности» - это единая, непрерывная система целенаправленной педагогической работы, обеспечивающей надлежащий уровень подготовленности студента в области безопасности жизнедеятельности личности, общества и государства, сохранения и укрепления своего здоровья.

К сожалению, в технических вузах «Безопасность жизнедеятельности» рассматривается как прикладная дисциплина, представляющая собой систему научно-обоснованных инженерно-технических мероприятий, направленных на сохранение качества окружающей производственной среды и здоровья человека в условиях растущего промышленного производства. По нашему мнению, цель курса: подготовить студентов к безопасному поведению в повседневной жизни, опасных и чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и социального характера; сформировать целостное представление о безопасности жизнедеятельности, умения и навыки ее обеспечения, выявления и предотвращения опасности. Задачи курса: сформировать у студентов мировоззренческие основы современных проблем жизнедеятельности; теоретические знания о факторах, сущности и структуре безопасности жизнедеятельности; психологические знания в объеме, обеспечивающем понимание ими проблем личной, общественной и государственной безопасности в жизни и способов личной подготовки к их решению; умения и навыки выявления и предотвращения опасности, обеспечения личной и общественной безопасности, компетенцию в области безопасности и готовность к безопасному поведению [4]. Исходя из цели и задач, курс может состоять из следующих блоков: «Безопасность как фактор устойчивого развития общества» и «Обеспечение личной, общественной безопасности и безопасности государства». Рассмотрим содержание разделов подробнее.

При изучении блока «Безопасность как фактор устойчивого развития общества» студентов необходимо познакомить с историко-философским анализом развития знаний о безопасности; раскрыть особенности безопасности в системе факторов устойчивого развития; показать значение осознания безопасности в структуре мировоззрения. Раскрывая содержание этого раздела, уместно представить общую логику развития представлений о безопасности на разных исторических этапах. Являясь извечной, проблема безопасности на каждом этапе развития общества требовала от человека поиска различных методов достижения защищенности и устойчивости бытия, которые детерминировались конкретной культурно-исторической ситуацией, образом жизни людей, их миропониманием.

Для периода первичного освоения естественной среды, когда угрозы в основном исходили от природного окружения, характерно мифологическое

восприятие опасности и безопасности. Появление религиозной формы мировоззрения внесло свой вклад в понимание проблемы безопасности. Сущность безопасности в религиях предстает как абсолютное благо, которое в буддизме носит название нирваны, в исламе и христианстве персонифицируется в понятии всемогущего Бога как средоточения и истока безопасности, способного карать и спасать, перед которым человек испытывает страх. Поэтому безопасность связывается не с желанием избежать физической смерти, а с потребностью нравственного совершенствования, позволяющего достигнуть вечной жизни. Теоретическое осмысление безопасности связано с развитием Древнегреческой философии. Согласно этике Аристотеля, в человеке заложено внутреннее стремление к благу – стремление к счастью, безопасности. В понимании Аристотеля безопасность возможна лишь в процессе приносящей удовольствие деятельности, стремиться к которой, значит идти к своему собственному благу. Единственно возможной безопасной формой общежития является город-государство, цель которого – воспитание граждан в духе добродетели. Средневековая философия в осмыслении проблем безопасности отдает приоритет христианской вере по отношению к человеческому разуму. Божественный страх есть основа спасения, а безопасность определяют доверие Богу, верность ему и уверенность в истинах, данных в Откровении. В эпоху Возрождения ярко выраженный антропоцентризм приносит новое понимание безопасности. Для достижения личного благополучия и безопасности человек должен следовать своей природе, абсолютно греховной по меркам аскетического средневекового нравственного идеала. Высшее благо для человека, одним из условий которого является отсутствие опасностей и страданий, – это удовольствие или счастье. В философии Просвещения безопасность связывается с прогрессом и перестройкой общественных отношений в соответствии с требованиями разума. В немецкой классической философии, благодаря сближению ценности Божественного абсолюта и ценности развивающегося человека, индивид понимается как деятельное культурно-историческое существо, создающее себя, а пути достижения безопасного существования связываются с действием его созидательных сил – разума, нравственности, общения и труда.

Таким образом, каждое философское направление наполнило специфическим содержанием знание о безопасности, которое определялось культурно-исторической ситуацией и господствующим мировоззрением.

Сегодня безопасность является предметом исследования многих наук: технических, экологических, юридических, гуманитарных, социальных и др. Каждое научное направление исследует объективные стороны безопасности в зависимости от сферы деятельности и социального уровня организации –

личности, общества или государства. Безопасность сегодня не служит предметом исследования одной науки, поскольку в социальном взаимодействии происходит пересечение накопленного знания о безопасности, и различные его аспекты являются взаимопроникающими и взаимодополняющими. Для успешного решения проблем безопасности и перехода общества к устойчивому развитию необходимо формирование комплексного научного знания о безопасности, концептуальную основу которого составят знания отдельных наук [1].

Раскрывая содержание этого блока необходимо раскрыть содержание понятий «опасность» – «безопасность» на основе уточнения их взаимосвязи, взаимозависимости с понятием «деятельность». Понятие «опасность», часто дублируясь понятием «угроза», приобретает более негативный, устрашающий характер. Угроза – намерение нанести ущерб, отражает ступень развития опасности, всегда обращена к кому-либо или чему-либо. Накопление опасностей и угроз превращает современное общество в «общество риска». Понятие «риск», являясь количественной характеристикой действия опасностей, отражает степень опасности индивидуальной активности и деятельности общества. Современное общество – общество опасностей и катастроф, в котором сложилась парадоксальная ситуация: в нем одновременно возрастают безопасность и ненадежность. Это противоречивое развитие и отражает понятие «риск». Студенты профшколы технического профиля для предвидения результатов будущей профессиональной деятельности должны не только знать теорию риска, но и уметь оперировать ею во всех областях будущей профессии. Ежегодно возникающие чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, увеличение их масштабов требуют принятия мер по совершенствованию управления безопасностью [3].

К пониманию безопасности человек приходит в результате анализа своей деятельности, в процессе которой наблюдается выявление качественных изменений опасностей и угроз, их переход от натуральных к технологическим и специфически человеческим формам. Безопасность представляет вычлененные из окружающей среды путем целенаправленной деятельности условия, при которых идентифицированы опасности, снижены угрозы и минимизированы риски, обеспечивающие согласованную жизнедеятельность и устойчивое развитие всех составляющих социально-экологической системы.

Безопасность, способствуя снижению степени опасности и сохранению системы, создает условия для устойчивого развития. Специфика безопасности как одного из значимых факторов устойчивого развития состоит в следующем: безопасность и устойчивое развитие взаимозависимы. Безопасность, являясь результатом устойчивого развития, в то же время составляет его необходимое

условие; безопасность повышает устойчивость развития. В каких бы условиях не осуществлялся процесс развития, он всегда стремится к устойчивости – способности системы почти не отклоняться от выбранного движения под воздействием случайных внешних и внутренних факторов (опасностей). Устойчивое развитие – это процесс, при котором система, в данном случае «человек (общество) – природа», способна развиваться в историческом процессе и благодаря условиям безопасности сохранять внутренний баланс; безопасность обеспечивает долгосрочность устойчивого развития. Время занимает особое место в вопросах обеспечения безопасности. Фактор времени особо ощутим в опасной ситуации, поскольку требует немедленных действий. Циклические представления о времени дают возможность прогнозирования опасностей, оперативного реагирования и поддержания постоянного уровня безопасности, в условиях которого процесс развития не снижается, а лишь приобретает устойчивый долгосрочный характер; безопасность способствует полноценной жизнедеятельности. Предоставляя оптимальные условия, безопасность позволяет объектам деятельности пребывать в состоянии спокойствия, уравновешенности и всеобщей гармонии, осуществлять свое назначение и переходить в развитии на более высокий уровень; безопасность должна быть присуща всем сферам бытия и деятельности, ее комплексное обеспечение путем созидательно-творческой активности позволит поддерживать баланс во взаимодействии всех составляющих бытия, что обеспечит устойчивый характер развития; безопасность, обеспечиваемая путем разумного регулирования процесса жизнедеятельности, способствует устойчивому развитию. Развитие общества приводит к рационализации механизмов обеспечения безопасности. Разум, играя опосредующую роль между потребностями и практической деятельностью по их удовлетворению, придает направленность деятельности человека; методологической основой определения перспектив обеспечения безопасности и развития становится ноосферный подход, согласно которому человеческий разум возьмет на себя ответственность за бытие в мире. Конечно, создание всеобъемлющей системы безопасности, обеспечивающей устойчивое развитие общества, даже с помощью ноосферного разума принципиально невозможно. Но это не значит, что человечество должно отказаться от данного пути, поскольку даже достижение частичных результатов, направленных на решение отдельных проблем, может стабилизировать ситуацию; превентивная безопасность составляет основу устойчивого развития, поскольку предотвращение опасностей и угроз осуществляется путем упреждающих действий, что позволяет системе пребывать в состоянии устойчивого равновесия; знание о безопасности дает человеку свободу выбора, раскрывая ценностную значимость безопасности, предоставляет возможность сделать этот выбор разумным. Опасности, угрозы и связанные с

ними страдания, сокращают свободу человека. Знание безопасности, отражая условия целесообразного порядка в мире, дает человеку свободу выбора оптимального поступка в контексте нравственности.

Результатом исследований безопасности становится научная теория безопасности, которая представляется фактором становления условий безопасности, а в дальнейшем – устойчивого развития и выполняет определенные, органически связанные функции, основными из которых являются: теоретическая, управленческая, прогностическая, ценностно-ориентационная. Объединяющим звеном выступает консервативная функция, поскольку знание безопасности позволяет выполнять ее основную задачу – сохранение предметов реального мира.

Решению глобальных проблем будет способствовать формирование мировоззрения, включающего «компонент безопасности» – систему взглядов о безопасном образе жизни. В основу этой системы положена часть знаний о безопасности, отвечающая за гармоничное, устойчивое взаимодействие человека с окружающей средой. В настоящее время сформировались условия (обыденные представления о безопасности, разработка научно-теоретических концепций, результаты исследований частных наук по защите от различного вида опасностей) на основе которых можно решать вопрос о формировании «компонента безопасности» в структуре мировоззрения. Основной мировоззренческой задачей «компонента безопасности», является становление целостной картины мира, в основу которой положена безопасность. «Компонент безопасности», включенный в познавательную часть мировоззрения, – соотносится со знаниями об опасностях, способах защиты и управления рисками; в ценностную – отражает безопасность как ценность человеческого бытия, норму, жизненно важный интерес человека и общества; в эмоционально-оценочную – раскрывает субъективное, личностное отношение человека к безопасности, воспринимаемой как неотъемлемое условие жизни, развития общества, а также предполагает ответственность человека за собственные действия и их последствия; в практическую – определяет конкретные действия человека по организации безопасной жизнедеятельности, основанные на необходимых знаниях, ценностных установках, и подкрепленные практическим опытом.

Мировоззрение, неотъемлемой составляющей которого является безопасность, должно стать основой компетенции в области безопасности жизнедеятельности. Образовательную и воспитательную работу по становлению мировоззрения, содержащего «компонент безопасности» надлежит проводить по следующим направлениям: формирование потребности в получении знаний о постоянно изменяющемся мире; формирование потребности в умственном саморазвитии, регулировании взаимодействия с окружающей

средой, ответственности в своих мыслях и поступках; а также формирование потребности в безопасном поведении [2].

Раскрывая содержание следующего блока курса «Обеспечение личной, общественной безопасности и безопасности государства», необходимо обратить внимание на подготовку студентов к рациональным действиям в чрезвычайных ситуациях, формирование у них компетенции в области безопасности жизнедеятельности. В процессе изучения данного раздела студенты должны: познакомиться с характеристиками чрезвычайных ситуаций, их последствиями; получить сведения об организации системы защиты от последствий чрезвычайных ситуаций, знания по основам здорового образа жизни, гражданской обороне, обороне государства и воинской обязанности; приобрести умения и навыки, как предвидения и избежания опасности, так и обеспечения личной и общественной безопасности.

Структура данного блока может включать следующие модули: 1) безопасность личности: информационно-психологическая (осознание личностью негативных информационно-психологических воздействий и умения, навыки информационно-психологической самозащиты), социальная (система взаимодействия личности со средой, включающая осознание личностью негативных воздействий социальной среды; умения и навыки самозащиты, обеспечивающие ей успешное взаимодействие с другими людьми, реализацию способностей и удовлетворение потребностей, готовность к безопасному поведению), имущественная (состояние защищенности личного имущества; обеспечение права частной собственности, наследования; свободы предпринимательской деятельности), гражданская (осознание личностью негативных воздействий как на субъекта правовых, морально - политических, социально - экономических отношений; умения и навыки самозащиты, обеспечивающие успешную реализацию конституционных прав и свобод, выполнение долга и гражданской ответственности перед обществом), физическая безопасность (формирование здорового образа жизни - соблюдение физиологически оптимального режима труда и отдыха, рациональное питание, достаточный уровень физической активности, соблюдение правил личной и общественной гигиены, охрана окружающей среды, полезные для личности формы досуга, соблюдение правил психогигиены), безопасность личности в условиях чрезвычайной ситуации (взаимоотношение человека с объектами внешней среды, при котором незапланированные (неожидаемые) изменения не приводят к потере жизни, здоровья или имущества); 2) национальная безопасность России: безопасность материальных и духовных ценностей, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности.

В рамки изучения этого блока должны войти и темы, посвященные вопросам совершенствования мыслительной деятельности, развития памяти, внимания и т.п., то есть всего того, что способствует принятию правильных решений человеку, находящемуся в экстремальной ситуации.

Методика планирования и проведения занятий по курсу «Безопасность жизнедеятельности» должна основываться на общедидактических принципах научности, фундаментализации, системности, интеграции, наглядности, персонализации, модульности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писарь О.В. Безопасность личности как целостное интегральное качество // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2008. – № 12. – С. 47 – 56.

2. Писарь О.В. Характеристика принципа безопасности образования // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 2. – С. 86

3. Писарь О.В., Татарина И.П. Безопасность образования – основа жизнедеятельности профессиональной школы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2009. – № 1. – С.99 –102.

4. Писарь О.В., Пугачева Н.Б. Технология формирования личной безопасности студентов технического вуза на основе компетентностного подхода // Вестник НЦ БЖД / Научно-методический и информационный журнал. – Казань. – № 1 (3). – 2010. – С. 36-44.

5. Пугачева Н.Б. Методика формирования ОБЖ: учебное пособие для студентов вузов. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 292 с.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 года.

УДК 37

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Пугачева Н.Б., Судденкова Н.В., Татарина И.П.

THE INTRINSIC CHARACTERISTIC THE INNOVATIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Pugacheva N.B., Suddenkova N.V., Tatarinov I.P.

В статье представлены сущностная характеристика и структурообразующие компоненты инновационной образовательной среды как интегрированного средства профессионально-личностного развития будущего специалиста, созданного новым программно-методическим обеспечением, многоуровневой подготовкой, кроссдисциплинарными технологиями и обуславливающего быструю и эффективную адаптацию образовательных программ, учебно-методической и научно-исследовательской работы к меняющимся условиям системы профессионального образования. Авторами установлены этапы и закономерности подготовки будущего специалиста в условиях организации инновационной образовательной среды.

The article presents the essential characteristics and structural elements of the innovative educational environment as an integrated means of professional and personal development of future professionals which is created by the new software, methodological support, multi-level training, cross-disciplinary technologies and which determines efficient adaptation of educational programs, teaching methods and research to the changeable conditions of vocational education system. The authors set the stages and patterns of training of future specialists in the organization of innovative learning environment.

Ключевые слова: инновационная образовательная среда, этапы подготовки будущего специалиста, профессиональная школа, дополнительное образование, социальная инфраструктура.

Keywords: the innovative educational environment, stages of preparation of the future expert, vocational school, additional education, a social infrastructure.

Процесс профессионального образования занял сегодня особое место в экономике, так как реализует не только текущие задачи, но и создает будущий потенциал «человеческого капитала». Учреждения профобразования стали рассматриваться как структурообразующий компонент инфраструктуры кадрового обеспечения производства. А затраты на получение профессионального образования – как важнейший вид инвестиций в «человеческий капитал». Это определило новый взгляд на профессиональное образование как системную целостность интегративного взаимодействия образования, науки и производства, направленного на подготовку специалиста конкурентоспособного на рынке труда, и выступающего структурообразующим компонентом национальной инновационной системы. Современный экономический рост характеризуется ведущим значением научно-технического прогресса и интеллектуализацией основных факторов производства. Внедрение нововведений стало ключевым фактором рыночной конкуренции, позволяя передовым предприятиям добиваться сверхприбылей за счет присвоения интеллектуальной ренты, образующейся при монопольном использовании более эффективных продуктов и технологий. Следствием стало превращение науки в ведущую производительную силу, которая непрерывно генерирует новые технологические возможности. Переход к экономике знаний вызвал серьезный сдвиг в структуре общественного производства, резко увеличив потребности и возможности профессионального образования и творческой деятельности. В результате достигается устойчивая тенденция повышения высокой инновационной активности интегративных связей профессиональной школы с производством. Изменение требований производства к качеству профессиональной подготовки и профессионально-квалификационной структуре кадров обусловило организацию в профессиональной школе инновационной образовательной среды.

Образовательная среда – это многомерная и полифункциональная данность, характеризующаяся неразрывностью, процессуальностью, обновленным содержанием и выступающей объективным

фактором личностно-профессионального развития и обучаемых, и преподавателей. Инновационная образовательная среда – интегрированное средство профессионально-личностного развития будущего специалиста, созданного новым программно-методическим обеспечением, многоуровневой подготовкой, кроссдисциплинарными технологиями и обуславливающего быструю и эффективную адаптацию образовательных программ, учебно-методической и научно-исследовательской работы к меняющимся условиям системы профессионального образования.

Нами установлены этапы (адаптационный, знаниевый, продуктивный) и закономерности (продуктивность инновационной образовательной среды достигается при условии интегративного взаимодействия профессиональной школы с наукой и производством; зависимость качества профессиональной подготовки будущих специалистов от системной целостности инновационного содержания, персонализированных модульно-компетентностных технологий и научно-методического обеспечения; эффективность профессионально-личностного становления будущего специалиста достигается при условии взаимосвязи собственной учебной и научно-исследовательской активности с высоким уровнем профессионализма научно-педагогических кадров) подготовки будущего специалиста в условиях организации инновационной образовательной среды.

Организация инновационной образовательной среды опирается на совокупность принципов непрерывности и дискретности, стандартизации и вариативности, функционирования и развития, фундаментализации и капитализации знаний, кастодиальности и опережения содержания профессиональной подготовки, конвергенции и диверсификации профессиональной школы. Многообразие и бинарность принципов нередко приводят к вариативным рискам. Для минимизации рисков целесообразно в процессе организации инновационной образовательной среды опираться на принцип трансверсальности, обуславливающий интеграцию традиций и инноваций в процессе взаимодействия учреждений профессионального образования с наукой и производством, проектирования содержания профессиональной подготовки, технологизации профессионального образования, а также управления профессиональной школой. Структурообразующие компоненты инновационной образовательной среды профессиональной школы составляют партисипативно-профессиональное, проектно-интегративное, информационно-коммуникационное, социокультурное, событийно-креативное, психолого-педагогическое окружение, здоровьесбережение, дополнительное образование и социальная инфраструктура. Партисипативно-профессиональное окружение включает кроссдисциплинарные технологии обучения; опережающую и дуальную целевую профессиональную подготовку; механизмы целевой контрактной подготовки

специалистов (ЦКПС); структурно-функциональную интеграцию учреждений профобразования и предприятий отрасли; вариативные формы социального партнерства.

Качественное отличие кроссдисциплинарных технологий состоит в том, что в процессе обучения активно используются различные виды проектирования и оно рассматривается как целеустремленная система, способная к самоорганизации и самоуправлению учебной деятельности студентов. Опережающая подготовка кадров требует изменений в содержании и технологиях педагогического процесса на всех этапах профессионального образования, оперативного взаимодействия между системой образования и фундаментальной наукой. В условиях динамизма рыночных отношений профессиональная подготовка не может гарантировать выпускнику рабочее место не только в течение всей жизни, но и на ближайшее время. Большому числу молодых людей приходится переучиваться, приобретать новую профессию. Необходимо совершенствование номенклатуры профессий и специальностей, оптимизация направлений подготовки кадров на всех уровнях профессионального образования в соответствии с современными требованиями, а также формирование у выпускников профессиональной школы готовности обучаться всю жизнь. Образование через всю жизнь, «long life education», - это единственная возможность быть востребованным в любых социально-экономических условиях. Обладая готовностью обучаться всю жизнь, специалист обеспечивает свою конкурентоспособность на рынке труда. Дуальная целевая профессиональная подготовка позволяет обеспечить приобретение профессиональных компетенций, посредством индивидуального обучения, стажировки преподавателей и участия опытных работников персонала предприятия в «поштучной» подготовке специалистов на конкретное рабочее место, практического обучения на сложном оборудовании.

Проектно-интегративный компонент инновационной образовательной среды обусловлен вхождением России в мировое образовательное пространство и внедрением основных положений Болонской декларации. Проектно-интегративное окружение как структурообразующий компонент инновационной образовательной среды, включает программу перехода на многоуровневую систему; разработку новых государственных образовательных стандартов, включающих профессиональные модули; внедрение системы зачетных единиц; создание системы контроля качества образования; смену парадигмы образования от «teaching» - «человека учат» на «learning» - «человек учится»; компетентностные модели специалистов [1]. Информационно-коммуникационный компонент инновационной образовательной среды обуславливает подготовку информационно-ориентированной личности.

Социо-культурный компонент инновационной образовательной среды предусматривает развитие гуманитарного образования как ведущего

социального института, обеспечивающего духовно-нравственное развитие личности, приобщение человека к отечественной и мировой культуре, а также формирование целостной гуманитарной картины мира, гражданской ответственности и правового самосознания. Развитие России связано не только с решением политических, экономических, социальных проблем, но и с формированием гражданского согласия по духовно-нравственным ценностям. К сожалению, у студенческой молодежи духовно-нравственные ценности отходят на второй план. Все большее влияние на молодое поколение приобретают потребительская психология и культ материального успеха. Сегодня стало совершенно очевидным, что состояние духовно-нравственной культуры (как развивающейся совокупности духовно-нравственных ценностей, норм, установок, знаний регулирующей жизнедеятельность человека в семье, обществе, мире и обеспечивающей его жизнестойкость) студенческой молодежи угрожает национальной безопасности страны. На практике гуманитарное образование представлено разными моделями в зависимости от уровня, профиля, типа подготовки. Но все модели основаны на принципах интеграции, креативности, акмеологичности, фундаментализации, опережения.

Событийно-креативный компонент инновационной образовательной среды направлен на формирование профессионального мировоззрения - системы специальных знаний высокой степени обобщенности, ценностных ориентаций, принципов, оценок и убеждений, влияющей на интеллектуальное и ценностно-эмоциональное отношение индивида к профессиональной деятельности, формирование профессиональных идеалов, готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда. Невозможно стать профессионалом не имея профессионального мировоззрения. Профессионализм – это не только высококвалифицированный труд, но и качественно иной образ жизни, особая прогрессивная форма отношения человека к действительности.

Психолого-педагогический компонент инновационной образовательной среды обуславливает особенности формирования преподавателя профессиональной школы и подготовки педагога профессионального обучения. Профессиональная деятельность преподавателя представляет собой интеграцию учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы. С одной стороны, преподаватели профессиональной школы - практикоориентированные специалисты, воздействующие на студента своими личностными качествами, научными достижениями, органически сочетающие реализацию учебно-образовательного процесса с научными исследованиями, развивающими у студентов способность понимать сущность природных и общественных процессов, воспитывающие специалиста новаторского типа. С другой стороны, преподаватель - ведущая фигура учебно-воспитательного процесса. Преподаватель

взаимодействует со студентами на основе концептуальных гуманистических принципов образования, направленных на подготовку квалифицированных специалистов, духовное развитие и становление личности обучающихся. Поэтому приобретает актуальность формирование преподавателя-исследователя, ученого нового типа, обладающего системным инновационным мышлением, владеющего информационными технологиями, деловой инициативой и предприимчивостью, способного обеспечить подготовку специалиста интегративного профиля в соответствии с потребностями регионального рынка труда. Особенности подготовки педагога профессионального обучения состоят в следующем: соответствие выпускной квалификации будущего педагога профессионального обучения требованиям той отрасли, в которой он предполагает работать; трансверсальность образовательных программ; формирование методологической культуры. Выпускник профессионально-педагогического учебного заведения сегодня кроме основной функции (обучение профессии) должен овладеть и такими специфическими функциями, как умение разрабатывать модели специалистов, профессиональные и образовательные стандарты, программы развития учебных заведений, образовательные технологии, учебно-методические комплексы и т.д. [1].

Здоровьесбережение, как структурообразующий компонент инновационной образовательной среды, направлено на формирование и развитие у всех субъектов педагогического процесса позитивной, устойчивой ориентации на сохранение здоровья, как необходимого условия жизнеспособности. Здоровье – это сложный многомерный феномен, имеющий гетерогенную структуру, сочетающий в себе качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого бытия. В современных условиях развитие профессионального образования сопровождается воздействием целого комплекса средовых факторов (возрастание интенсивности информационного потока, широкое внедрение технических средств и компьютерных технологий в учебно-образовательный процесс и др.), негативно влияющих на состояние физического, психического и репродуктивного здоровья студентов. Процесс обучения требует от студентов больших умственных, психоэмоциональных и физических затрат. Это обуславливает склонность молодежи к зависимости. В такой ситуации необходимы новые технологии по формированию здорового образа жизни, повышению уровня самосохранительного поведения у студенческой молодежи.

Дополнительное образование как структурообразующий компонент инновационной образовательной среды представляет собой процесс совершенствования кадровой подготовки посредством многомерного взаимодействия субъектов производства, образования и науки единой отраслевой направленности, а также реализации инновационных образовательных программ на

базе предприятий и учреждений профессионального образования. В практике профессиональной школы дополнительное образование представлено моделями корпоративной непрерывной подготовки специалистов, целевой профессиональной переподготовки и повышения квалификации, внутрифирменной подготовки.

Специфика корпоративной подготовки состоит в формировании у рабочих и специалистов конкретных компетенций, исходя из требований специальности, стандартов квалификации, занимаемой должности или исполняемой служебной деятельности. Корпоративная подготовка предполагает эффективное взаимодействие ее субъектов с целью обмена интеллектуальными, информационными и техническими ресурсами. В социально-экономической практике корпоративное образование реализуется на основе принципов опережения, интеграции, персонализации.

Персонализация корпоративного образования включает три компонента. Во-первых, - развитие ценностно-смысловой устремленности личности на достижение субъективно-значимого и отвечающего культуре (профессии, социуму) образа «Я». Во-вторых, - это проектирование индивидуальных образовательных траекторий обучаемых, которые предполагают два направления реализации. Содержательное направление, в рамках которого, на основе новых стандартов содержания образования и индивидуального уровня готовности к их освоению, проектируются вариативные учебные планы и образовательные программы, определяющие индивидуальный образовательный маршрут каждого обучаемого. Диверсификация структуры образовательных программ дает возможность каждому обучаемому построить ту образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его образовательным и профессиональным способностям. И технологическое направление, в рамках которого обучаемым определяются формы и методы реализации индивидуального образовательного маршрута при координирующей, организующей, консультирующей деятельности преподавателя. Третий структурообразующий компонент персонализации - развитие внутренней ответственности (сопричастности личности не только к своему делу, учебе, работе, профессии, своему «Я», но и к другим людям, социуму, к миру в целом).

Нами разработана модель отраслевого образовательного консорциума, как временного объединения учреждений профессионального образования с предприятиями отрасли, органов управления образованием, государственной, региональной и муниципальной власти с целью повышения качества профессионального образования и подготовки кадров способных к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда, готовых к обучению через всю жизнь. Деятельность отраслевого образовательного консорциума может быть основана на принципах симбиоза и сепарабельности. Принцип симбиоза

обуславливает развитие партнерских отношений и усиление взаимосвязей между участниками консорциума с целью развития их взаимодействия и формирования системной целостности. Принцип сепарабельности обеспечивает равноправное сотрудничество и баланс социально-экономических интересов всех участников консорциума, эмерджентность их целей и неаддитивность интересов [2].

Внутрифирменная подготовка представляет собой систему обучения, строящуюся на решении проблем, специфичных для конкретной организации с привлечением собственных или внешних преподавателей. В структуре внутрифирменной подготовки можно выделить: самообразование сотрудников, включающее изучение специальной литературы, посещение тематических выставок и семинаров, сбор и систематизацию информации; краткосрочное обязательное образование, вызванное необходимостью поддержания технологических процессов на современном уровне, представляющее собой систему учебно-образовательных, аттестационных и сертификационных мероприятий (семинары, бизнес-тренинги); краткосрочное дополнительное образование, связанное со стратегическими задачами предприятия.

Социальная инфраструктура как структурообразующий компонент инновационной образовательной среды представляет собой систему диалогического взаимодействия (организационная культура, социальные контакты и т.п.) субъектов учебно-образовательного процесса, институтов социально-педагогической деятельности профессиональной школы (ресурсные центры, центры развития карьеры, выставки достижений студентов, центры психолого-педагогического консультирования, психолого-медико-педагогические комиссии, кабинеты доверия, органы студенческого самоуправления и др.) и условий микросоциума (общественные, спортивные, социально-культурные организации, событийное окружение, базы практик [3].

В современном мире роль и значение каждой страны в мировой экономике находятся в прямой зависимости от того, насколько она владеет высокими технологиями. Уровень развития наукоемких технологий в настоящее время является характеристикой экономического состояния и научно-производственного потенциала страны и обеспечивает ее конкурентоспособность. В странах, успешно преодолевших переход к современным рыночным отношениям, сформирован «культ профессионального образования», поддерживаемый регулярными встречами глав государств с лучшими студентами и преподавателями и представлением их перед общественностью как «национальной ценности страны». В создавшихся условиях необходим поиск новых подходов, форм и методов подготовки специалиста, базирующихся на традициях отечественной профессиональной школы, педагогических инновациях, передовом опыте ведущих стран мира.

Подготовка специалиста в условиях организации инновационной образовательной среды – императив развития конкурентоспособности учреждений профессионального образования на международном рынке образовательных услуг, а также фактор непрерывности образовательных систем всех уровней на основе пакета социально-экономических, научно-технических, инновационных и образовательных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пугачева Н.Б. Профессионально-культурная компетентность выпускников – показатель качества воспитания в профессиональной школе // Известия Южного федерального университета: Педагогические науки. – Изд-во УФО, 2008, № 11.
2. Пугачева Н.Б. Концептуальные основы модернизации системы профессионального образования для регионального рынка труда // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2009, № 1. - С. 79-83
3. Пугачева Н.Б. Управление муниципальной системой образования: теоретические основы // Известия Российской академии образования, 2010, № 1(13). - С.71-83.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 года.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Заколodний Р.А.

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF FORMATION POLITICAL CONCEPTOLOGY

Zakolodnii R.A.

В статье рассматривается процесс формирования методологии, на которой базируется политическая концептология. По мнению автора, эта наука позволяет ориентироваться в плюралистическом пространстве неоднозначности и соразмерять когнитивный процесс с динамикой открытого развития. Политическая концептология находится в стадии формирования, но уже сейчас она в состоянии повысить уровень коммуникативного единства в условиях дифференциации акторов плюралистических исследований.

The article reveals the process of formation of the methodology on which the political concept is based. The author pays attention to it because this discipline allows orients in nonsingular pluralistic space and correlates the cognitive process with the dynamic of open development. The political conceptology is in the stage of formation but it is already able to raise the level of the communicative unity in the conditions of differentiation of actors of pluralistic researches.

Ключевые слова: концепт; концептология; политическая концептология; методология; аналитическая политическая философия; лингвистика; коммуникация.

Keywords: concept; conceptology; political concepts; methodology; analytical political philosophy; linguistics; communications.

В современной политической науке сложилась ситуация, которую характеризует переход от монистической интерпретации политической реальности к плюралистической. В связи с этим остро проявляются такие проблемы, как выбор и принятие решений в плюралистическом мире, а также переосмысливаются такие понятия, как благо, ценность, являющиеся актуальными для понимания современной политической реальности. Для разработки методик разрешения проблем выбора и принятия решений в мире плюрализма, как представляется, наиболее оптимальным будет использование набора инструментов политической концептологии, способных помочь этот выбор осуществить.

Политическая концептология, являясь междисциплинарным подходом, позволяет исследовать, понимать, моделировать и сравнивать политические концепты, являющиеся частью современной плюралистичной политической реальности. Особенность политической концептологии состоит в том, что она учитывает аксиологическую составляющую концептов в пространстве коммуникативного дискурса. Доступность информации ставит перед человечеством проблему коммуникативного взаимопонимания в условиях открытого дискурса, политическая концептология обладает ресурсами для разрешения этой проблемы.

Целью статьи является анализ концептуального основания методологии политической концептологии. Составляющие этого основания берут свое начало в таких свойствах политической концептологии, как междисциплинарность, аксиологичность, аналитичность, логическая структурированность, а также склонность к лаконичности, детальности и углублению в поисках отличий. Коммуникативное пространство, в котором создаются идеи, позиции, концептуальные воззрения является средой для реализации многих междисциплинарных подходов. При работе с концептами и концептуальными образованиями политическая концептология является актуальной по причине возможности осознания ею аксиологической части понятийного образа концепта.

Политическая концептология - новое направление в науке. Существуют различные взгляды и мнения о принципах, лежащих в основе методологии, ее назначении. Начнем анализ формирования методологии политической концептологии, с рассмотрения истории развития двух начал: проекции аналитической политической философии на концептуальное теоретическое основание; [1, 2, 3, 4]; распространения наработок лингвистической концептологии, в

дальнейшем получивших свое развитие в практике коммуникативных дискурсов, на пространство политической философии [6, 7]. В.П. Макаренко одним из первых в нашей науке употребляет термин «политическая концептология» и говорит о том, что ее развитие происходит на фундаменте, созданном аналитической политической философией. В своей работе [2] он анализирует проблемы становления политической концептологии. Автор стремится развить положения концептологии, используя ресурсы аналитической философии. По мнению В.П. Макаренко, современная политика и политическая наука сейчас пребывают в неудовлетворительном состоянии в результате перегруженности идеологией, политико-правовым утилитаризмом, разнообразными стереотипами обыденного сознания и поведения, в результате чего «политика стала неопределенным множеством действий» [2, С.11]. Требуется «строгое знание о способах соединения в одно целое философских, аксиологических и прагматических элементов всех политических доктрин, концепций и программ. Такого знания не существует» [2, С.12]. Автор доказывает, что наработки аналитической философии смогут помочь в формировании этого знания.

Аналитическая философия является инструментом для решения проблем политического выбора, а также методологическим фундаментом, на котором осуществляется становление политической концептологии. Аналитическая философия - одно из главных направлений современной философии, в ее пространстве развиваются принципы просвещения, согласно которым бытие не зависит от сознания; человек – элемент бытия; разум и научный метод – наиболее эффективный способ познания действительности и связей человека с ней; познание – это критика и опровержение устоявшихся убеждений и оценок с опорой на факты [4, С.14]. Автор этой позиции приходит к выводу, что аналитическая философия исследует две стратегии познания: реализацию главных принципов просвещения на основе сферы применения философских методов и аргументов; описание природы научного метода и других нефилософских гносеологических установок. Метод является главным понятием и предметом интереса аналитической философии. Концентрация внимания на методе – критерий ее отличия от любых вариантов антипросвещенческой традиции. В.П.Макаренко отмечает, что современная аналитическая философия внесла большой вклад в политическую философию. Взаимосвязь видна даже из определения, которое предлагает нам автор: «Политическая философия – это нормативное мышление о социальных и политических институтах, которые требуются для политической деятельности» [4, С.15]. Анализируя эти определения, можно проследить междисциплинарную связь политической концептологии с аналитической и политической философией.

С помощью аналитической философии В.П. Макаренко рассмотрел ряд методологических аспектов, а также проанализировал политическую реальность. Политическая реальность, с точки зрения аналитической философии, является той самой средой, в которой создается потребность в вариативности принятия решений. Для понимания политической реальности в большей степени используют междисциплинарные подходы. Эти подходы в большей своей части содержат методологические принципы анализа, моделирования, поэтому инструментом для анализа политической реальности, а также решения проблем политического выбора. В.П. Макаренко использует аналитическую философию, которая собственно и является междисциплинарным методом. Аналитическая философия является фундаментом политической концептологии, которая в подобной интерпретации может выступать в качестве междисциплинарного подхода к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности [3, С.80]. Автор делает акцент на том, что для политической концептологии процедура выбора является ключевой. Этот выбор, по мнению концептолога, предполагает дистанцирование исследователя от реальных политических процессов, систем конъюнктуры и всего корпуса социогуманитарных и политических знаний.

Существует мнение, что аналитическая философия по классификации подразделяется, по крайней мере, еще на три направления в своем развитии: лингвистическое, натуралистическое и метафизическое. По этому вопросу, например, П.Н. Мирошниченко говорит: «...это различие по объекту исследования нивелируется, в некоторой степени, общими для этих трех направлений методологическими принципами, среди которых можно указать следующие: основательная постановка вопросов, прояснение значений, развертывание и анализ доказательств, доводов, четкая экспликация идей и их отстаивание» [5, С.138].

Междисциплинарная связь политической концептологии с аналитической и политической философией основана на методике аналитического подхода, который требует, чтобы каждое выдвигаемое положение было строго обосновано с точки зрения ясности посылок, правомерности формулируемого вопроса; однозначности используемых терминов; логичности рассуждения; соотнесения посылок и выводов; осторожное отношение к широким философским обобщениям, абстракциям и спекулятивным рассуждениям.

В основе аналитической философии лежат принципы, благодаря которым приобретаются особые и ставшие уже традиционными для этого течения философской мысли аспекты стиля: стремление к лаконичности, детальности, формализации, схематизации, углублению в поисках отличий; использование

языков, которым присуща терминологическая ясность и определенность. Такая аргументация отличается строгостью, возможностью контроля и проверки; каждый шаг рассуждения обоснован, как бы напоминая математическое действие.

Ресурсы аналитического подхода и его принципы позволяют развивать методологию политической концептологии. Но следует заметить, что специфика аналитического подхода не может быть использована в рамках анализа коммуникативного дискурса, который является как бы «зеркалом» современной политической реальности, по причине своей методологической строгости и нежеланием учитывать аксиологические свойства исследуемых объектов. Гибридизация этого подхода с коммуникативной лингвистикой можно считать продуктивным направлением для дальнейшего развития политической концептологии.

Рассмотрим, как происходило зарождение концептологии в лингвистическом пространстве. В начале прошлого века для осмысления знания наиболее предпочтительными оказались методы лингвистики. С.С. Неретина описывает этот процесс так: «Методы лингвистики оказались более чувствительными к изменяющейся семантике слов, к ограниченности содержания употребляемых терминов. Лингвисты стали широко использовать термин «концепт» при уяснении определенных универсалий естественного языка и речевого сообщества» [7, С.42]. Методология лингвистики достаточно обширна по причине достаточно большого количества направлений (когнитивная, коммуникативная лингвистика и др.), но методологическую основу общего направления представляет дискурс со своей семантикой, своим синтаксисом и своей прагматикой, причем, коммуникативность этого дискурса и составляет его различностную специфику.

В середине прошлого века происходит осознание значимости коммуникаций в социальной, политической, культурной, а также в научной жизни. В центр внимания выдвигается предложение и как речевая данность, и как абстрактный элемент организованной (по преимуществу парадигматически) языковой системы. Когда были в основном исчерпаны возможности трактовки предложения как замкнутой в себе внеконтекстуальной сущности, произошел дальнейший переход - от предложения к тексту, дискурсу. Текст был объявлен главным объектом коммуникативной лингвистики в работах ряда ученых. С другой стороны, предложение было включено в коммуникативно-прагматическое пространство и стало рассматриваться как действие, акт говорящего. В этом акте воплощаются определенные коммуникативные интенции, эксплицируются отдельные моменты коммуникативного замысла, позволяющие, на основе определенных

конвенций социального и вербального взаимодействия, адресату понимать невербализованное, несказанное. Коммуникативные аспекты развития мысли оказались в представлении ряда ученых главным объектом такого направления как коммуникативная лингвистика.

Лингвистический поворот также был связан с бурным развитием когнитивной лингвистики. Эта тенденция выражается в том, что лингвисты стали наиболее детально отслеживать различие между языком и речью, что и повлияло на увеличение интереса к семантическим и прагматическим аспектам функционирования языка, а так же к анализу семиотической деятельности. Различение языка и речи привело к тому, что лингвистика постепенно переходит от изучения типов связки в отдельном предложении к осознанию речи как важнейшего компонента взаимодействия людей и механизма осуществления когнитивных процессов. На первый план выходит осознание связной последовательности речевых актов, выраженных в различных текстах и интерпретируемой в различных аспектах.

Как следствие - разрыв между риторикой и философией, политической философией нарастал. Для сокращения этого разрыва постепенно среди ученых начинается поворот в сторону дискурса в рамках концептуализации. Риторика трактуется как учение о стилистических приемах и фигурах речи, важных для ораторов, в том числе и политических, но не более того. Политика трактуется как совокупность дискурсивных практик, включая, в том числе и риторическую практику, а в анализе дискурса увидели путь преодоления разрыва между риторикой и политической философией.

С.С. Неретина видит дискурс как «весьма неоднозначное понятие, ставшее центральным в методологии структуралистов и постструктуралистов. В классической философии дискурс характеризовал практику мышления, последовательно переходящего от одного, дискретного шага к другому и его развертывания в понятиях и суждениях в противовес интуитивному схватыванию целого до его частей. В структурализме и в современной философии постмодернизма дискурс стал пониматься как выражение «исторически бессознательного» или ментальности, выраженных в речи и тексте, обладающих связностью и целостностью» [6, С.59]. Ряд ученых приходит к выводу, что элементарной единицей дискурса является концепт. С.С. Неретина понимает концепт как «единицу дискурса, который можно истолковать как логически-смысловой компонент глубинной семантической структуры отдельного высказывания или цепочки высказываний. Этот компонент характеризует акт понимания, его выражение в коммуникации

и его результат, полученный в коммуникации» [6, С.64]. В.П. Макаренко понимает концепт как «акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания» [4, С.9].

Авторы подходят с разных сторон к определению сущности понятия «концепт», но основные характеристики у них совпадают. Концептология возникает в недрах философии языка. Это философское направление о существовании универсалий, т. е. общих концептов. У философов и лингвистов совпадают интересы в плане изучения языка. Так же, как и лингвисты, философы интересуются, каким образом языковые единицы соотносятся с реальным миром и миром концептов, каким образом значение высказывания зависит от контекста и каково взаимодействие языка и мышления.

Концепт составляет ядро концепции. Концепт изначально несет в себе определенный аксиологический аспект, опережающий развитие состояния опыта в реальном времени. В итоге, спустя какое-то время можно наблюдать, как общество усвоило определенную часть смысла, который был заложен в этом теоретическом конструкте, тем самым, показывая нам, что является приемлемым, а что может стать таким в будущем. Ведь концепт всегда создает задел, почву для дальнейшего развития и появления на его месте будущих концептов. Но нередки случаи, когда концепты, опережающие свое время, попадают в общество, которое еще не готово принять и осмыслить их. В этом случае они вытесняются из актуального дискурса, а затем «открываются» вновь.

В современном мире однозначность заменяется многозначностью одного и того же. Оба направления методологии политической концептологии, рассматриваемые в статье, ориентированы на плюралистическое рассмотрение политического объекта и поиск способов взаимопонимания носителей различных позиций. Политическая концептология позволяет проанализировать и рассмотреть современную политическую реальность, которая состоит и из концептов, включающих в себя такие аспекты осмысления, как восприятие, чувственность и интуиция, выходя за границы рационального осмысления предмета познания.

Специфика политической концептологии заключается в ее междисциплинарности, она не пытается проанализировать концепт с позиции объективизма, максимально ограничив все факторы влияния. Концептологи являются непосредственными участниками создания новых открытых дискурсов процесса, что позволяет им вносить в пространство содержания свои субъективные реакции. Политические концепты, которые сейчас появляются в достаточно больших количествах в пространстве политической коммуникативной

реальности, нуждаются в анализе и осознании, которые возможны благодаря политической концептологии.

Политическая концептология в состоянии приблизиться к разрешению проблемы коммуникативного взаимопонимания в условиях открытого дискурса путем методологически наиболее универсализированного аналитического принципа осознания, сто могло бы могло позволить осуществлять компарацию политических концептов, более точно сформировать образно содержащую позицию с целью облегчения коммуникативных процессов между участниками современной социально-политической реальности, отличительной особенностью которой является плюралистичность.

Отдельное использование методологии аналитической философии или лингвистики невозможно для анализа и осознания коммуникативно-концептологического дискурса, который является «зеркалом» современной политической реальности, по причине методологической строгости и нежелания учитывать когнитивные свойства исследуемых объектов. Гибридизация на основе синтеза аналитической философии и с коммуникативной лингвистикой является перспективным для дальнейшего развития политической концептологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лубский А.В. Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009 г. № 1.
2. Макаренко В.П. Политическая концептология. // Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2011 г.
3. Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009 г. № 1.
4. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М., 2002.
5. Мирошниченко П.Н. К вопросу о статусе политической концептологии // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009 г. № 1.
6. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политического сознания (окончание) // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009. № 2.
7. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политического сознания // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009. № 1.
8. Фоллесдал Д. Аналитическая философия: что это такое и почему этим стоит заниматься? // Язык, истина, существование. Томск, 2002.
9. Чукин С.Г. Размышления над книгой В. П. Макаренко «Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии» // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2009. № 1.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2011 года.

ПРАВО

УДК34

ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОЙ» БЮРОКРАТИИ И СОСТОЯНИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ 90-Х. ГГ 20 ВЕКА

Плехова О.А.

FORMATION OF «NEW» BUREAUCRACY AND CONDITION OF CORRUPTION IN PERIOD REFORMS IN 90 -TH YEARS

Plekhova O.A.

Статья посвящена анализу государственных реформ, проводимых в 90-х гг 20 века в России. После распада СССР перед государством встает проблема формирования новых государственных структур, которые бы отвечали реалиям времени. К власти приходит «новая» государственная бюрократия, с новыми политическими взглядами. Особенность борьбы с коррупцией в этот период, по мнению автора, обусловлена и исторически сложившимся отношением общества к коррупции как к терпимому и естественному явлению.

The article is devoted to the analysis of the state reforms committed in 1990 years. The political climate in the country was very complicated that time. During this period, after disintegration of the USSR, the state faces a problem of formation of new state structures which would answer new realities of time. The «new» state bureaucracy with new political views takes the authority. Feature of conflicts against corruption is caused and historically combined relation of a society to corruption as to the tolerant and in certain cases even to the natural phenomenon.

Ключевые слова: коррупция, реформы, взяточничество, государственные служащие, чиновники, бюрократия, реформы 90-х. гг.

Keywords: corruption, reforms, bribery, civil servants, officials, bureaucracy, reforms in 1990 years.

События, произошедшие в начале 90-х годов XX в. в нашей стране, явились серьезным рубежом для всех сфер жизнедеятельности. Распад СССР, роспуск Коммунистической партии, полная смена политических и экономических ориентиров, полное изменение государственного устройства страны вызывали необходимость формирования нового слоя государственных управленцев. Однако полной смены государственных чиновников не произошло.

В начале 1990-х. гг. в России происходит смена всего государственного устройства. Прекращают свое существования Советы. Им на смену приходят новые государственные структуры А. Кузнецов пишет: «Революция 1991 года, по сути, являлась номенклатурной. Советская партийно-хозяйственная номенклатура (бюрократия), являясь просвещенной и хорошо структурированной бюрократией власти, осуществила переход в систему новых

общественных отношений, сменив идеологический вектор, но без изменения структуры (переструктурирования)» [1]. Как и в постреволюционный период, при формировании государственного аппарата в период «перестройки» бюрократия отождествлялась с номенклатурой, и предполагалось, что с уходом КПСС не станет и бюрократии со всеми ее недостатками. Однако бюрократические традиции не только не исчезли, но во многом и усилились. К «власти» стала стремиться огромная армия «современных бюрократов» которая, до этого времени не имела отношения к партии и доступа к власти. Их не устраивал номенклатурный способ формирования властных структур. «Своеобразный характер отбора кадров для продвижения по служебной лестнице, исходя из воли вышестоящей партийно – советской инстанции, требующий соблюдения ряда параметров, оставлял за рамками» [2, С.363] процесса основную массу чиновников. Поэтому, по мнению большинства «современных чиновников», на смену номенклатурному способу должны были прийти демократические выборы и многопартийность, которые послужили бы возможностью пробиться «к власти», тех, кто не имел доступа к ней в СССР. Что и было сделано.

Однако пришедший на смену коммунистической номенклатуре новый государственный аппарат оказался, по данным социологов, на 75% аппаратом, работающим не только в эпоху так называемой перестройки, состоящим из людей, трудившихся во время застоя [3]. Таким образом, большинство советских чиновников, бывшие члены и кандидаты в члены Политбюро, ЦК КПСС и ВЛКСМ, работники крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии сохранили за собой свои государственные должности, избавившись от «пенсионеров», ортодоксальных коммунистов, партийного контроля и советской идеологии.

«Влияние прежней бюрократии на экономические и социальные процессы постсоветского общества явилось доминирующим, поэтому ее стремления оказали решающее воздействие на вектор развития страны» [2, С.365]. Слой государственной бюрократии в рассматриваемый период имел такие особенности, как замкнутость, иерархичность. Эти особенности бюрократии начали формироваться еще в советский период. Особенно ярко это проявлялось в период правления Л.И. Брежнева.

В научной литературе неоднократно указывалось на то, что именно в этот период бюрократический аппарат приобретает такие отрицательные черты, как ведомственность и местничество. С.Г. Кара-Мурза видит проблему в том, что: «Этот известный дефект системы отраслевых министерств проявился в СССР уже с 20-х годов, но с особой силой - в период застоя. Со временем ведомство имеет тенденцию превратиться в замкнутый организм,

так что возникает конфликт интересов: ведомства с государством в целом и ведомства с другими ведомствами. Ведомственность подрывала одну из главных основ советского строя, придававшую силу его экономике (общенародный характер собственности и хозяйства). Складываясь в замкнутую административно-хозяйственную систему и обретая «чувство хозяина», ведомство неявно проводило денационализацию части хозяйства...» [4]. Это, по мнению автора, приводило к потере целостности и к неявному «распаду» на множество подсистем, следующих не общим, а своим собственным критериям оптимизации [4].

Однако плотные неформальные связи проявляются не только на уровне ведомств, но и на уровне ведомств и местных органов управления, т.е. местничество, а также местных органов управления разных регионов между собой. «В тех регионах, которые были национально-государственными образованиями (союзных и автономных республиках, областях и округах), местничество принимало национальную окраску. Образование региональных элит, включающих в себя и работников аппарата ведомств, и работников местных органов власти, породило новый тип политических субъектов - номенклатурные кланы. ... Да и номенклатура центральных органов включилась в процесс образования кланов. Началось неявное пока разделение страны. Государство становилось все менее советским» [4].

Такое слияние государственной бюрократии именно в этот период времени С.Г. Кара-Мурза объясняет тем, что «...в период «сталинизма» важную роль в нейтрализации ведомственности играла партия, которая следовала «общим» критериям и держала хозяйственных руководителей в жестких рамках. Использовалась также частая ротация кадров (в конце 30-х годов даже с репрессиями) - зародыши неконтролируемой самоорганизации разрушались. В 70-80-е годы партийная номенклатура стала сращиваться с ведомственной, ротация кадров замедлилась, центральная власть все больше утрачивала контроль над госаппаратом.... До «оттепели» Хрущева государство вело с местничеством постоянную и тщательную борьбу, доходя в сталинский период до жестоких репрессий. Семилетний период территориального управления хозяйством через совнархозы создал сильные структуры с узаконенной идеологией местничества, и в последующий период они не были нейтрализованы» [4].

Во времена Советской власти должностные привилегии и возможности очень плохо конвертировалась в собственность. Практически не существовало частной собственности и возможности преобразования своих привилегий и возможностей, предоставляемых служебным положением, в качественно новый жизненный уровень были весьма ограниченными. Бюрократия советского времени могла занимать посты директоров заводов, фабрик, магазинов,

начальников строительных управлений и перерабатывающих производств, но ни могла быть их собственником. По мнению А.А. Максимова, такое желание бюрократии «владеть всем управляемым, во многом, и побудило чиновников стать могильщиками советской системы. Закономерным этапом перерождения советской правящей номенклатуры становится переход высших государственных чиновников – министров, руководителей крупных предприятий от роли управляющих «общенародной» собственностью к положению ее реальных владельцев» [5, С.23].

После августовских событий 1991 г. правительство России начало форсированный переход к рынку. Конкурентный рынок мог утвердиться только на базе частной собственности, поэтому необходимо было приватизировать (передать в частную собственность) значительную часть предприятий, ограничить роль государства как хозяйствующего субъекта. В современной научной и публицистической литературе неоднократно указывалось на не совсем законное проведение приватизации государственного имущества. А.А. Максимов говорит о том, что: «Государство было приватизировано бюрократией, которая в последствии перепродала его кооперативным бизнесменам, владельцам теневой экономики. По меткому выражению ученых, рыночные реформы в России состоялись как совместное предприятие посткоммунистической бюрократии и новорусской буржуазии, причем, главным реформаторским действием был раздел государственной собственности. Он выразился в союзе госчиновника и предпринимателя, где оба партнера по негласным условиям игры имели равные материальные выгоды. Здесь даже уместнее говорить не о союзе чиновника и бизнесмена, а о некоем симбиозе, о буржуазной бюрократии» [5, С.34-35].

А.А. Воротников, разделяя мнение А.А. Максимова, полагает: «используя свое главенствующее положение распределителя государственной собственности, высшие чины бюрократии получили возможность присваивать государственное имущество... произошла приватизация Российского государства высшими чинами бюрократии» [2, С.367]. А. Кузнецов, поддерживая изложенную позицию, полагает: «Последовательно: захват просвещенной и хорошо структурированной бюрократией власти, выход из-под общественного контроля, захват контроля над ресурсами государства, контроль над правовым полем и средствами легитимизации власти. Захватывая власть, она мгновенно коррумпируется, получает доступ к ресурсам, рычагам управления и в отсутствие общественного контроля превращает государство в источник собственного корпоративного обогащения» [1]. Однако парадоксально, но бюрократия сыграла и положительную роль. А. Кузнецов говорил: «Объективный анализ показывает, что бюрократия в России в сложный период развития сыграла определенную положительную роль - она содействовала

сплочению государства, так как понимала, что при окончательном развале государства она потеряет все. При этом она выжала по максимуму все для себя из существовавшего хаотического состояния страны» [1].

В результате, к середине 90-х. гг. в России создается своеобразная форма государственной бюрократии, которая характеризовалась ещё большей замкнутостью, ещё большим отрывом от решения проблем народа, низкой степенью эффективностью деятельности, криминализацией значительной части государственной бюрократии, подверженностью коррупции, сращиванием ее с организованной преступностью. По мнению А.А.Воротникова, «...сохранилось характерное для коммунистического общества единство власти и собственности, но на примитивной государственно– капиталистической основе» [2, С.365]. Существованию признаков замкнутости и несменяемости государственных чиновников свидетельствуют и статистические данные. «При сокращении населения России по сравнению с населением СССР государственно-чиновничий аппарат не только не сократился, но и даже вырос примерно на 25%. Попытки проведения по крайней мере четырех крупных административных реформ за все последние годы не дали сколько-либо видимого результата (или стали только толчком к росту бюрократических структур), так как больше имели тактические, а не стратегические цели. К настоящему времени уровень «многослойности» бюрократии возрос как минимум на треть, при этом «внутренняя многослойность» на региональном уровне увеличилась в разы. Система самоуправления не состоялась, и интерес к ней сегодня минимален (равно как и возможности ее финансирования)» [1].

Коррупция достигла небывалых размеров. Такому размаху коррупции послужил целый комплекс условий: смена государственного устройства, отсутствие какого-либо контроля за деятельностью государственных служащих, проведение незаконной приватизации государственного имущества, появление различных форм собственности на средства производства и предпринимательства при отсутствии должного правового и экономического просвещения, быстрое формирование крупного бизнеса (финансовые предприятия, банки, финансовые биржи, расширение «теневой» экономики), бесконтрольное политическое лоббирование своих интересов. К другим факторам можно отнести то, что в это время чиновники относятся к своим должностям как к частной собственности, товару, который можно продать, начинают открыто заниматься предпринимательской деятельностью.

Коррупция приобретает и новую форму - коррупционные связи. От отдельных коррупционных «делок» чиновники переходят к организационным и четко спланированным, взаимосвязанным действиям, объединяясь в сообщества. Такие коррупционные сообщества образуются как по вертикали

государственного управления (от подчиненного к руководителю), так и горизонтали (на разных уровнях управления между разными министерствами, ведомствами). В это время появляется и самая опасная на сегодняшний момент форма коррупции, при которой образованные коррупционные связи срastaются с организованной преступностью. Целями организованной преступности становятся, с одной стороны, решение экономических вопросов, с целью обогащения, с другой, - обеспечение собственной безопасности со стороны государственных правоохранительных органов.

При таком срастании в коррупционные связи могут входить группа государственных чиновников, обеспечивающая решение проблемы, коммерческие или криминальные структуры, обеспечивающие получение, реализацию или отмывание полученной выгоды, силовые структуры, обеспечивающие безопасность предприятия (к ним могут относиться как представители государственных силовых структур, органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой инспекции и т.д., так и криминальные элементы). В это время криминальные структуры не просто пытаются «подкупить» чиновников, но и «поставить своих людей» на должности управления страной. По официальным данным МВД России, организованная преступность контролировала почти 50% частных фирм, 33% государственных предприятий, от 50% до 85% банков [6, С.19]. Практически все было в сфере деятельности организованной преступности.

Помимо коррупционных связей с организованной преступностью, формируются коррупционные связи внутри самих государственных органов, не связанных непосредственно с преступными сообществами, но не менее опасных для государства. К их деятельности можно отнести инвестирование коммерческих структур за счет бюджетных средств, корыстный сговор должностных лиц, необоснованная и убыточная для государства передача его имущества в управление коммерческим структурам, выдача невыгодных и неподкрепленных государственных кредитов и т.д. «Часто возникала парадоксальная ситуация, когда одно и то же лицо одновременно занимало важные посты и в государственном, и в коммерческом секторах экономики; в результате многие чиновники злоупотребляли своим положением, даже не принимая взятку, а непосредственно защищая свои личные коммерческие интересы. ...» [7, С.43].

Отличительной чертой этого периода становится так называемая «низовая» коррупция, которая пронизывает все сферы жизни общества (врачи, учителя, инспектора ГАИ, несущие вахту на дорогах и т.д.) Основная масса населения начинает относиться к коррупции как к чему-то обыденному.

Таким образом, для России этого периода характерна небывалая коррупционность, которая приобрела новые характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов А. Бюрократия и коррупция в России - логика развития бюрократии в стране с 1991 года, (тенденции, особенности) // <http://viperson.ru/wind.php?ID=529853&soch=1>.
 2. Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве историко – теоретический аспект: Дис. ... доктора юрид. наук Саратов 2005.
 3. Крыштановская О. Финансовая олигархия в России // Известия 1996 10.01.
 4. С.Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация (ТII) От Великой победы до наших дней. 2001// <http://lib.rus.ec/b/237303/view>.
 5. Максимов А.А. Бандиты в белых воротничках: как разворачивали Россию. М., 1999.
 6. Сатаров Г.А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. 2002. № 6.
 7. Васильева Ю.С. Коррупция: исторический аспект// Гражданское общество в борьбе с коррупцией: история и современность. Материалы Открытого регионального форума. / Под редакцией Репинецкого С.А., Аржанова А.П. Самара: 2007. – 179 с. ISBN.
 8. Ющенко Ю.А. Культурные парадигмы современного российского чиновничества // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Астрахань, 2005 Т.2.
- Статья поступила в редакцию 10 ноября 2011 года.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ

Переверзева О.В.

INSTITUTIONAL FUNCTIONS OF FAMILY

Pereverzeva O.V.

В статье анализируются институциональные функции семьи. В работе показано, что семья, удовлетворяя базовые человеческие потребности, специализирует различия позиционирования мужчины и женщины в историко-культурном процессе. Автор рассматривается процесс трансформации семейных отношений на современном этапе развития семьи, делая вывод о сохранении ее сущности как социального института, социальной общности и малой группы.

The article deals with the institutional functions of the family. The Author proves the fact that when satisfying basic human needs the family specialises the differences between man's and woman's positions (status) in the historical cultural process. The process of the family relations transformation at the present stage of family development is being described in the article.

Ключевые слова: семья, базовые потребности, трансформация, модернизация, функции семьи, личные, коллективные, общественные интересы.

Keywords: family, basic needs, transformation, modernisation, functions of the family, personal, collective, social interests.

Семья возникла намного раньше религии, государства, армии, образования, рынка, то есть она является одной из древних форм институциональной организации общественной жизни. Возникновение семьи и многовековое её существование обусловлено базовыми человеческими потребностями.

Это обстоятельство обуславливает высокую степень актуальности исследований семьи в любую эпоху – от Аристотеля и до наших дней. В каждую эпоху семья имеет свои особенности в поведенческих моделях членов семьи, функциях, составе и пр.

Актуализируют исследование институциональных функций семьи разноплановые изменения функционирования этого социального института во всем мире. Происходит осязаемая дифференциация родительства от супружества, секса от репродуктивных функций, работы от семьи, меняется уровень внутрисемейной интеграции.

Россия не является исключением: популярность внебрачных отношений, ориентация на бездетность и малодетность, распространенность «гостевых» браков – эти тенденции модернизации семьи, актуализируя их исследование, побуждают к анализу семьи как базовой потребности общества с соответствующей системой функций. Репродуктивная функция семьи выполняет важнейшую задачу биологического и частично социального воспроизводства населения, т.к. фундамент социализации человека закладывается в семье.

Различия между мужчиной и женщиной весьма значительны: противоположность пола, различия психологического плана, неодинаковы позиционирования мужчины и женщины в историко-культурном процессе мотивируют людей противоположных полов вступать в семейные союзы. Э. Дюркгейм писал: «Мужчина и женщина страстно ищут друг друга именно потому, что они различаются» [1, с.58]. Историко-культурный контекст взаимоотношений мужчины и женщины в семье выражается в концепте, согласно которому брак, семья, сексуальность являются социокультурными конструкциями, в обществе существует запрет на равенство мужчин и женщин в рамках семьи. [4, С.105]. Функции женщины и функции мужчины настолько специализировались, что женщины стали вести существование, отличающееся от существования мужчин. Э. Дюркгейм полагал, что разделение полового труда является источником супружеской солидарности [1, С.58].

В настоящее время семейно-брачные отношения трансформируются. Иногда не так просто определить пол человека по его, например, одежде. Джудит Лорбер пишет о том, что под не соответствующей

полу человека одеждой мы все же различаем черты принадлежности к определенной гендерной категории и относим трансвестита к разряду женщин или мужчин. Исследователь полагает, что трансвестит, с биологической точки зрения, – это женщина, лишь переодетая в мужчину, или мужчина, лишь переодетый в женщину. Транссексуал же, ставший из женщины мужчиной или из мужчины – женщиной, перешагивает границы пола, но при этом благополучно вписывается в рамки привычных категорий, обретая статус мужчины или женщины [3, С.127].

Семьи приспосабливаются к конкретно-историческим условиям общественной жизни, они адаптируются к социальным отношениям, нормам, ценностям, принятым в обществе. В.В. Тихомирова пишет, что на вопрос «Какими способами вы хотите улучшить свое социально-экономическое положение и добиться поставленной цели?», ответы распределяются следующим образом. На первое место семьи поставили необходимость активно трудиться на своем рабочем месте (44,5%). Далее оказываются значимыми получение второй профессии и повышение квалификации (42,9%). Поиск работы по совместительству (23,2%) занимает третье место. Далее следуют участие в бизнесе (14,5%); экономия на всех расходах (10,5%); заем денег под процент, ипотечное кредитование (9,7%); направленность на то, чтобы не иметь детей (1,3%); стремление некоторых взять детей на попечение (0,5%). Ученые отмечают, что увеличение приемных семей во многом обусловлено возросшим размером пособий на содержание детей и заработной платы родителей. [7, С.76]. Таким образом, любой семье приходится решать вопросы, связанные с уровнем и качеством жизни. «Управляя бюджетом, каждая семья выбирает свою стратегию увеличения его доходной части. Первая стратегия связана с трудовой занятостью – это вторичная занятость, карьерное продвижение, смена места работы и т.д. Вторая стратегия – уменьшение расходов бюджета, их количества, что приводит к отказу от достигнутого уровня потребления» [5, С.118].

Являясь малой социальной группой, семья интегрирована в тот сегмент общества, элементом которого она является. Поэтому потребности и интересы семьи удовлетворяются в соответствии с предоставленными обществом возможностями. Эти возможности реализуются семьей в широком спектре общественных отношений: брачных и родственных, правовых и социальных, хозяйственно-бытовых и экономических, нравственных и этических, психологических и эмоциональных. В семье личные потребности упорядочиваются, организуются на основе принятых в обществе и субкультуре, к которой принадлежит семья, социальных ценностей, норм и образцов поведения. Таким образом они приобретают характер социальных функций.

Семья включает в себя всю систему общественных отношений. Благодаря этому семья как социальная общность является первичным элементом, опосредующим связь личности с обществом: она формирует у ребенка представление о социальных связях и включает в них его с рождения. В семье человек впервые сталкивается с разделением труда в ведении домашнего хозяйства, самообслуживания. Отсюда следующая важнейшая функция семьи— *социализация личности, передача культурного наследия новым поколениям*. Потребность человека в детях, их воспитании и социализации придает смысл самой человеческой жизни посредством реализации репродуктивной функции. Совершенно очевидно, что приоритет семьи как основной формы социализации личности обусловлен естественно-биологическими причинами. Семья в качестве основного агента социализации способствует усвоению моделей поведения, форм деятельности, необходимых для включения в статусно-ролевые диспозиции общества. Вместе с тем социально-статусная функция связана с воспроизводством социальной структуры общества, так как предоставляет определенный социальный статус членам семьи.

Семья имеет большие преимущества в социализации личности по сравнению с другими группами благодаря особой нравственно-эмоциональной психологической атмосфере любви, заботы, уважения, чуткости. Дети, воспитываемые вне семьи, имеют более низкий уровень эмоционального и интеллектуального развития. У них заторможена способность любить ближнего, способность к сочувствию и сопереживанию. Первые пять лет в жизни ребенка особенно важны, так как именно на эти годы приходится «сенситивные пики» развития, закладываются основы личности — память, интеллект, речь, мышление, эмоции, характер, познавательная активность. Семья осуществляет социализацию в самый ответственный период жизни, обеспечивает индивидуальный подход к развитию ребенка, вовремя выявляет его способности, интересы, потребности. В этом возрасте ребенок усваивает запреты и нормы поведения, которые закладываются в его «Сверх-Я».

Благодаря тому, что в семье складываются самые тесные и близкие отношения, какие могут существовать между людьми, в силу вступает *закон социального наследия*. По этому поводу в народе говорят: «Яблоко от яблони недалеко падает». Дети по своему характеру, темпераменту, стилю поведения во многом похожи на родителей. В каждой семье складывается своя атмосфера, своя культурная среда, и именно она оказывает наибольшее воздействие на ребенка. Эффективность родительства как института социализации личности обеспечивается еще и тем, что оно носит постоянный и длительный характер, продолжается всю жизнь, пока живы родители дети.

Следующая важнейшая функция семьи — *экзистенциальная, т.е. социальная эмоциональная защита своих близких*. Известно, что сущность любого явления особенно ярко проявляется в экстремальной ситуации. В минуту опасности большинство людей стремится быть рядом со своими семьями. В ситуации, угрожающей жизни и здоровью, человек зовет на помощь самого родного и близкого человека — маму. В семье человек ощущает ценность своей жизни, находит бескорыстную самоотдачу, готовность к самопожертвованию во имя жизни близких людей. Сознание, что человек нужен и дорог кому-то, что его любят, за него готовы отдать жизнь, порождает чувство защищенности и безопасности, поддерживает моральный дух и уверенность. Забота членов семьи друг о друге, эмоциональной и иная защита в рамках семьи связывает членов семьи взаимной ответственностью. Она основана не только на законе, но и отличается высокой степенью добровольности, желанием нести ответственность. Э. Фромм писал: «Ответственность — это не обязанность, наложенная на меня извне, она ответ на чью-то надобность, небезразличную мне. Ответственность и ответ имеют один корень; быть ответственным — значит быть готовым к ответу» [6, С.93].

Следующая важнейшая функция семьи — *экономическая и хозяйственно-бытовая*. Суть этой функции, с общественной точки зрения, заключается в поддержании несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества, а с индивидуальной — в получении материальных средств и хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи от других. Семейная собственность, как правило, находится во владении жены и мужа, а супружеские доли имущества признаются равными. Экономические и хозяйственно-бытовые процессы семьи позволяют рассматривать её как особую «хозяйственную» единицу или, как писал Р. Коллинз, как «совместное предприятие по приготовлению пищи, уборке, обеспечению жилища и заботе о детях. С экономической точки зрения, семья — это гостиница, ресторан, прачечная и детский сад одновременно» [2, С.117].

Рекреативная, восстановительная функция направлена на восстановление и укрепление физических, психологических, эмоциональных и духовных сил человека после трудового рабочего дня. Эта функция недостаточно изучена, но ученые располагают достоверными фактами, доказывающими положительное влияние семьи на здоровье супругов. Следует привести некоторые примеры, подтверждающие это: холостяцкая жизнь способствует (прямо или косвенно) возникновению таких серьезных заболеваний, как гипертония, невралгия, язва; супружество оказывает более благоприятное воздействие на здоровье супругов, причем, на организм мужчины больше, чем женщины, а потерю одного из супругов тяжелее переносят мужчины, нежели женщины.

Досуговая функция осуществляет организацию рационального досуга и осуществляет контроль в сфере досуга, кроме того, удовлетворяет определенные потребности индивида в проведении досуга. *Сексуальная функция* семьи осуществляет сексуальный контроль и направлена на удовлетворение сексуальных потребностей супругов. *Фелицитологическая функция* представляет в этом перечне особый интерес. Безусловно, понятие «гедонизма», основанное на любви в семье, свойственно не только современной семье. Считать, что фелицитологическая функция не существовала и ранее, наивно. Но именно сейчас любовь и счастье стали основной причиной создания семьи, а не репродуктивные и экономические соображения. Поэтому усиление роли фелицитологической функции в семье делает современные семейно-брачные отношения специфичными по сравнению с семьей и браком других исторических периодов.

Сила и притягательность семьи, ее сущность заключаются в той целостности, которая присуща семье и как социальной общности, и как малой социальной группе, и как социальному институту. Целостность семьи образуется за счет взаимоприятия и взаимодополняемости полов, создающих «единое андрогенное существо», некую целостность, не сводимую ни к сумме членов семьи, ни к отдельному члену семьи. Семья создается для удовлетворения не одной-двух, а целого комплекса жизненно важных потребностей человека. Таким образом, семья (в отличие от других малых групп, союзов и корпораций) объединяет всю целостность своего существования, тогда как, например, члены производственного коллектива объединяют только свои профессиональные интересы. Семья обладает уникальной способностью соединять личные — коллективные — общественные интересы благодаря ее полифункциональности и способности окультуривать физиологические и психологические потребности человека, а также ее способности к самоорганизации и саморазвитию как неразрывной клеточки большого социального организма, именуемого обществом. Одним из самых отличительных и самых удивительных свойств семьи является гибкость и динамичность форм ее структурной организации. Могут трансформироваться формы семейных отношений, но их смысловое содержание остается неизменным и включает в себя ценностные представления о природе и сущности человека, его предназначения, самореализации. В ценностно-смысловое содержание семьи включены также представления о месте человека в обществе, его отношении к миру, об идеале общественного устройства и т.д. Обозначенное ценностно-смысловое содержание семьи как социального института реализуется в её функциях, представляющих для человека важнейшие компоненты бытия. Благодаря универсальной способности адаптироваться к особенностям «всех времен и народов», семья создала

огромное многообразие типов семейных структур, порой видоизменяя свое лицо до неузнаваемости, но сохраняя при этом неизменной свою сущность как социального института, социальной общности и малой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М., 1990.
2. Коллинз Р. Введение в неочевидную социологию. // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С.117.
3. Лорбер Дж. Пол как социальная категория. / THESIS, 1994, вып. 6.
4. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола. / Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI. 2000.
5. Тихомирова В.В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи. / Социологические исследования, 2010, № 2.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
7. Чадова Т.А. Опекунские семьи в Москве: риски бедности и социальная защищенность. / Социологические Исследования, 2010, № 11.

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2011 года.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

СУБСТАНТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ И ЭВФЕМИЗАЦИЯ: АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Арчаков Р.А.

SUBSTANTIVE NOMINATION AND EUPHEMISATION: THEORETICAL UNDERSTANDING ASPECTS

Archakov R.A.

Статья посвящена анализу номинации как сложного процесса означивания предметных денотатов, осуществляемого как лексическими, так и синтаксическими единицами языка и речи, которые осуществляют обозначение как прямо, так и косвенно, выступая не только первичными, но и вторичными наименованиями. Со вторичной номинацией связано и понятие эвфемистической номинации, когда образование новой языковой единицы происходит при соотношении знака с денотатом не прямо, а косвенно, а сама номинация является, как правило, расчлененной «маской», позволяющей намекнуть на существо обозначаемого эвфемистически. В русском языке особую роль в этом плане играют фразовые наименования.

The article is devoted to the analysis of nomination as the complex process of substantive denoting of subjects which is realized as lexical, as syntactical patterns of language and speech. This ones names in direct and undirect forms and to do it as first as second marks of nomination. Euphemistic nomination is such original form of speech that is connected with the foundation of the new language means. this unites are regulary compound

“masks” dropen a hint to the reality of the object of euphemistic nomination. Especially we mark the phrase nomination in Russian language.

Ключевые слова: первичная и вторичная номинация, косвенный способ обозначения, предметные денотаты, эвфемизация, фразовое наименование.

Keywords: first and second nomination, indirect way of denoting, subject denotates euphemization, phrase nomination.

Номинация – сложное многоплановое явление, включающее в себя целый комплекс аспектов различного порядка: субъективное в языке; влияние социальной среды и исторических условий на процесс возникновения новых наименований; проблемы соотношения знака и означаемого, проблема выбора языковых средств для выражения того или иного понятия и соотношения различных способов называния и др. Языковая номинация связана с познанием человеком окружающего мира, действительности [7].

В широком смысле понятие номинации (греч. *nomination* – наименование) можно рассматривать как обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего реального и мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений, событий [15, С.336]. Номинация заключается в образовании языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения реалий действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов, предложений. Этим термином обозначают и результаты процесса наименования, как лексические, так и синтаксические [4, 5]. Заметим, что в основном эти единицы имеют предметно-денотативную соотнесенность, что проявляется в их субстантивном речевом характере.

В языке традиционно выделяют два вида номинации: первичную (прямую) и вторичную [19]. Первичная номинация связана с непосредственным опредмечиванием человеком реальной и мыслимой действительности, со всеми этапами его социального опыта и трудовой деятельности. Отображение объективной реальности включает в себя и субъективное отношение к данным реалиям. В процессе вторичной номинации создаются слова, повторно использующие звуковую форму для обозначения новых реалий. Вторичные языковые знаки представлены в языке ограниченными классами слов, т.е. словесными знаками, использующими в номинативных актах звуковую форму уже существующих языковых единиц, входящих в основной словарный фонд языка.

Первичную номинацию образуют так называемые «первообразные» единицы, производность которых раскрывается только при историческом или этимологическом анализе. Вторичная номинативная функция словесных знаков порождена всеобщей интеграцией текста, влиянием контекста,

определенными общими фоновыми знаниями (пресуппозицией) и др. факторами. Пресуппозиция – широкое понятие, включающее в себя историко-культурные реалии и социально-этические нормы и часть общего контекста культуры, необходимо возникающего в сознании коммуникантов при наличии определенных условий [1:84].

Как считает В.Н. Телия, вторичная номинация характерна и для синтаксических конструкций, т.к. «существует везде, где произошло переосмысление языковой сущности» [15, С.337]. Например, слово «тяжелый» имеет несколько значений. Первое значение - «имеющий большой вес, отягощающий» (*тяжелый груз, тяжелый чемодан*). Кроме того, «тяжелый» может означать «неуживчивый, трудный» (*тяжелый человек, тяжелый характер*). В этом значении слово «тяжелый» соотносится с обозначаемым «неприятный в общении, неуживчивый» только при посредстве опорного наименования *человек* [13, С. 819]. Со вторичной номинацией связано и понятие косвенной номинации, когда образование новой языковой единицы происходит при соотношении знаковой единицы с обозначаемым понятием не прямо, а косвенно, посредством употребления семантически опорного для данной комбинации наименования. Конструкции типа: *То, что преступник уже арестован, всех обрадовало* (А.Адамов) относят к косвенной номинации. Интересно, что в теории референции (см.: Г. Фреге, Н.Д. Арутюнова и др.) данные наименования рассматриваются как своеобразные контексты, которые включают номинализацию – тип субстантивации, основанный на преобразовании предиката высказывания и составляющий «семантический эквивалент его препозитивной части, отчуждаемый от перформатива и субъективного модуса» [2, С. 104].

Эвфемизация, судя по всему, близка ко вторичной номинации. Вместе с тем, специфика конвенциональной замены эвфемизмом нежелательного, с точки зрения социальных норм речевого поведения, субстантивного денотата или денотативного состояния, требует от нас анализа и переосмысления данной «близости». Вслед за В.Г. Гаком, мы понимаем под способом номинации определенный путь выявления внеязычного содержания и представления его в речи (тексте) посредством определенных языковых форм [7]. Если говорить об эвфемизме, то он, несомненно, выявляет внеязычную суть, которая характеризуется грубостью, отрицательной коннотацией, и представляет ее в речи посредством определенных, специальных языковых форм, специфичных тем, что они вуалируют суть происходящего. При этом «специальные» (вуалирующие, маскирующие) языковые формы – не только известные, традиционные способы образования эвфемизмов (см., например, работы Л.П. Крысина и др.), но и окказиональные, осознаваемые как эвфемизмы только в определенной

речевой ситуации, в определенном контексте. Интересно, что некоторые явления внеязычной сути могут быть названы только эвфемистическими наименованиями, отсюда, переход эвфемизмов в сферу прямых наименований предметов и явлений. Например, слова *ассенизатор*, *педикюлез* были когда-то эвфемизмами, а потом стали звучать как прямые названия, требующие эвфемистической замены. Категория способа номинации предлагает сосуществование нескольких путей выявления внеязычного содержания. Число их, по-видимому, может быть неограниченным. По мнению А.А. Бурова, следует учитывать зависимость способа номинации от характера и степени сложности атрибуции [5]. Следует обратить внимание на мысль Д.Н. Шмелева, который пишет: «Выбор признака, лежащего в основе той или иной номинации, может быть существенным в момент самой номинации, более того, он влияет на «жизнеспособность» созданного на его основе наименования» [18, С.5].

Как было отмечено ранее, эвфемистический способ номинации соотносится с категориями «первичная/вторичная номинация» и «косвенный/прямой способ обозначения». Традиционное понимание номинации опирается прежде всего на лексикоцентрическую концепцию, предполагающую, что лексическая номинация является основным средством обозначения, причем пополнение словаря происходит за счет заимствований или вторичной номинации – «использования в номинативном акте фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [15, С.336]. Эвфемизмы призваны замещать исходное обозначение конструкциями более позитивно окрашенными, при этом важную роль играет осознание негативной оценки денотата. Эвфемизация, таким образом, «является процессом вторичной номинации с установкой на уменьшение негативного эффекта наименования» [8, С.152]. Фактический материал показывает, что прямым наименованиям часто запрещен доступ в художественную литературу, официальный текст, светскую беседу. В этом случае можно полагать, что эвфемистическое наименование выступает как прямое обозначение предмета, единственно возможное и допустимое в употреблении. Например: *Ты что, с женщинами ночи еще ни разу не знался?* – спросил Петухов (А. Битов). Нормы речевого этикета требуют использования косвенного, смягченного наименования женщины ночи вместо грубого, некорректного «проститутки». По мнению Е.И. Шейгал, мостиком, связывающим косвенное наименование с первичным, является имплицитная пропозиция, входящая в прагматическую зону значения эвфемизма и выражающая отказ говорящего от прямой номинации [17, С.208]. При расшифровке эвфемизма эта импликация прочитывается и осознается адресатом, что делает его смысловую структуру относительно прозрачной.

В когнитивном аспекте отказ от прямой номинации означает направление категоризации в сторону удаления от прототипа и размывания референтной соотнесенности [3]. Если значение прямого наименования считать соответствующим прототипу, то значение эвфемизмов соотносится с периферийными членами категории и представляет собой результат трансформаций значения центрального члена. Суть этих трансформаций сводится к референциальному сдвигу и смещению прагматического фокуса. Под прагматическим фокусом исходного табуируемого наименования Е.И. Шейгал понимает сему (или группу сем), мотивирующую отрицательную оценку [17, С.209]. В процессе эвфемистического переименования происходит референциальный сдвиг, связанный с редукцией (изъятием) этих сем или изменением их статуса – сдвигом на периферию значения, переходом из интенционала в сильный, слабый или отрицательный импликационал [12]. Это влечет за собой снятие негативной коннотации (переключение оценочного знака) или снижение интенсивности отрицательной оценки. Итак, смещение парадигматического фокуса в процессе эвфемистического переименования приводит к нейтрализации восприятия денотата, что и является основной задачей эвфемии.

Подтверждением сказанного могут выступить слова Л.П. Крысина, называющего эвфемизацию особым способом номинации: «Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносителей с другими речевыми приемами» [9:267]. Одним из таких «речевых приемов» выступает употребление предикативного наименования – фразового эвфемизма. Описательное наименование, по мысли ученых, может считаться эвфемистическим, если оно «вызывает представление о предмете или явлении, словарное, узуальное наименование которого нежелательно по тем или иным причинам религиозного, нравственного или эстетического характера» [6, С.103]. Например: *Оказывается, накануне друг отца попал под трамвай. Надо было опознать тело. Отца привели в больницу, открыли какой-то ящик, где лежало то, что осталось от друга. И отец туда заглянул (В. Токарева).*

Употребление эвфемизмов, таким образом, позволяет говорящему восполнить мнимую, конвенциональную, недостаточность словарных (лексико-фразеологических) средств номинации. Следовательно, возникают, по меньшей мере, два вопроса: с одной стороны, представляет ли эвфемизация только словарный уровень или ее единицы выходят на уровень речупотребления любых единиц языка, а с другой – представляет ли эвфемизация чисто функциональный факт или это более глубинное явление языка, характеризующее не только план выражения, но и план содержания? Вполне уместно рассматривать эвфемизмы

как вполне самостоятельные, особые средства обозначения, которые восполняют мнимую недостаточность словарных знаков. Речь идет о сложном характере отношений, в которые вступают эвфемистические наименования. Дело в том, что в некоторых случаях эвфемизм действительно допускает замену синонимом, но в большинстве эвфемизмы либо не имеют синонима, либо синонимизация их нежелательна, т.к. их назначение как раз в том, чтобы скрыть подлинную сущность обозначаемого. Например: *Лежал я тогда... пьяненький, и слышу, говорит моя Соня: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на **такое** дело пойти?» А та ей отвечает: «А что ж,- чего беречь? Эко сокровище»... С тех пор Соня живет по **желтому билету** отдельно от нас, соседи воспротивились (Ф. Достоевский).* Сочетание «желтый билет» в данном примере является словарно отмеченным эвфемизмом, поэтому можно считать его реальной номинативной единицей. «Такое дело» - потенциальный эвфемизм, смысл его понятен только в данном контексте. Кроме того, следует отметить, что замена этих эвфемистических наименований не приемлема, т.к. вызывает негативную оценку явления. В роли эвфемизмов выступают языковые средства всех уровней: слова, синтагмы, предикативные части, а также звукоподражание. В основании всех этих наименований лежат второстепенные, намекающие на явление, его признаки, которые связаны с обозначаемым, как правило, опосредованно. Поэтому важнейшим условием эвфемистического функционирования является **контекст**. Именно он позволяет соотнести мнимое обозначение с запрещенным, причем – независимо от степени «строгости» налагаемого табу.

Следовательно, эвфемизмы являются вполне самостоятельными, особыми средствами обозначения, которые призваны восполнить мнимую (конвенциональную) недостаточность словарных знаков. Употребление эвфемизмов, вызванное требованием конвенциональных норм речевого поведения, позволяет снять эмоциональную напряженность сообщения, которая создается противоречием между стремлением к прямому, конкретному обозначению и тем запретом, который на это употребление налагается. Речь, таким образом, вступает в диалектическое противоречие со словарем (языком, узусом), которое и разрешается, в частности, благодаря языковой догадке, эвфемистическому наименованию. Все это свидетельствует о том, что эвфемизация как наименование обладает удивительно гибким «механизмом», позволяющим регулировать отношения между говорящим и окружающим его миром, в котором объектом референции становятся подчас очень сложные чувства, мысли и т.д., а также факты, косвенно включенные в общение.

Таким образом, по сложившейся традиции, принято считать, что эвфемизм – это такие явления языка, которые, употребляясь вместо запрещенных, табуированных номинаций, разрешены нормами речевого поведения. Думается, заслуживает внимания точка зрения Д.Н. Шмелева, который видит в одних эвфемистических словах и выравоорящему нежелательными обозначений; а с другой – выделяет эвфемистические средства, которые возникают в речи и непосредственно в синонимические отношения с замещенными словами не вступают [19]. На первый взгляд, данный подход предполагает в качестве возможного критерия разграничения функций эвфемизмов возможность/ невозможность синонимизации с прямым (табуируемым) наименованием денотата, однако, как нам кажется, рассмотрение эвфемизмов в качестве синонимов табуируемых наименований делает неэвфемистический и эвфемистический способы номинации эквивалентными семантически, когда различия лежат только в стилистической сфере. Это же, в свою очередь, лишает эвфемизацию «права» на самостоятельность в решении сложных функционально-прагматических задач обозначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова// НДВШ«Филологические науки», 1973. - № 3. – С. 42-54.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Асеева Ж.В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Иркутск, 1999. - 17с.
4. Буров А.А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке. В 3-х чч. – Пятигорск, 1999. – 524 с.
5. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Дис. ... д-ра филолог. наук. – Ставрополь, 2000. - 413 с.
6. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте. Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1979. – 193 с.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с.
8. Карпова А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц//Актуальные проблемы филологии и методики преподавания. Ч. I. Ростовский государственный педагогический университет. - Ростов-на-Дону, 2001.- С.152-155.
9. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
10. Ларин Б.А. Об эвфемизмах//Ученые записки Ленинградского ун-та №301. Серия фил.наук. Вып. 60. - 1961. - С. 110-124.
11. Никитин М.В. Лексическое значение слова. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.

12. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. - 169 с.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М.: Азбуковник, 2003. - 994 с.

14. Сахно О.С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX-XXI вв.). Дис. ... канд. филолог. наук. – Пятигорск, 2006. – 195 с.

15. Телия В.Н. Номинация//Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 336-337.

16. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

18. Шмелев Д.Н. О «третьем» измерении лексики в русском языке//Русский язык в школе, 1971, №2. – С. 5-11.

19. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 337 с.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2011 года.

УДК 81

МЕСТОИМЕННАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И ТЕКСТОВЫЙ УРОВЕНЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СУБСТАНТИВНОЙ НОМИНАЦИИ

Арчаков Р.А., Шинкаренко М.С.

PRONOUN CORRELATION TEXT AND LEVEL FOR USE NOMINATIONS SUBSTANTIVE

Archakov R.A., Shinkarenko M.S.

В статье на материале русского художественного текста анализируются уникальные средства номинации субстантивных денотатов – фразовые наименования, которые возникают на синтаксической основе: автор формирует их на базе местоименно-соотносительной связи придаточного и коррелята главной части сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа. Основное внимание уделено способности фразовой номинации решать задачи эвфемистического обозначения. Специфика рассматриваемых наименований состоит в том, что в их пространстве сталкиваются, существуя одновременно в одном знаковом теле, и эвфемистическое, и деэвфемистическое начала представления предметности.

The article describes the exceptional unites of nomination of substantive denotates in Russian artistic (functional poetry) text. The frase nominations are formed on the syntacty base which is connected the correlate of the main pattern and the subordinate clause of the complex sentence type. The euphemistic function of this ones is the main object of analysis in this article. The coordination of euphemistic and disphemistic features is the specific characteristic of the frase nomination.

Ключевые слова: местоименно-соотносительная связь, фразовая номинация, субстантивный денотат, тело знака, предикативный эвфемизм, деэвфемизация.

Keywords: correlate-relate connection, phrase nomination, substantive denotate, the corpse of sigh, predicative euphemizm, the process of diseuphemization.

Местоименная соотносительность понимается нами вслед за Л.Ю.Максимовым, А.А. Буровым и другими исследователями как коррелятивность дейктических элементов, создающая предпосылки для возникновения особого рода грамматической устойчивости [6; 7; 3]. Именно данный фактор структурно-семантически предопределяет все функционально-прагматические и, естественно, когниолингвистические свойства формирующихся в тексте фразовых наименований - речевых единиц преимущественно субстантивной номинации как важнейших образований на уровне динамической языковой картины мира - *предикативных перифраз*, рекуррентных имени существительному в статической (словарной) языковой картине мира. Важную роль при этом играют типологические важные для возникновения фразового наименования местоименные элементы, для которых характерна специфика связи в сложноподчиненном предложении местоименно-соотносительного типа. Например: *Далеко, далеко от Грибоедова в большом зале, освещенном тысячами лампами, на трех цинковых столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем (М. Булгаков)*. В данном случае субстантивная разновидность фразовой номинации формируется благодаря местоименной соотносительности, на основе которой возникает блок *то, что*, создающий, во-первых, описательный грамматический «каркас» для наполнения субстантивной семантикой, а во-вторых – условия для решения известного противоречия в поле субстантивной семантики на уровне «одушевленность/неодушевленность», когда налицо когнитивные и функциональные предпосылки гендерной «мистификации» («то – Михаил Александрович»). Отметим, что сложноподчиненные местоименно-соотносительные предложения – это сложные предложения нерасчлененной структуры, подчинительная связь между предикативными частями которых основана на соотношении двух близких по своей семантике местоимений или местоименных наречий (*то – что, тот – кто, такой – какой, сколько – столько* и др.). Первое местоимение – коррелят-располагается в главной части, второе – релят - выступает как союзное слово. Коррелят конструктивно обязателен; придаточное присоединяется непосредственно к нему и «наполняет его своим содержанием» [6, С.276].

Лицо, предмет, ситуация или ее обстоятельственная характеристика, к которым отсылает союзное слово, в главной части прямо не названы, но в ней сохраняется позиция для их обозначения. Эту позицию и замещает придаточная часть, которая, наполняя коррелят своим содержанием, выступает в зависимости от своего категориального значения в функции существительного, прилагательного или наречия, т.е. подвергается своеобразной субстантивации, адъективации или адвербализации. Иными словами, в предложениях с местоименно-соотносительными придаточными конструктивно-обязательный

коррелят служит для того, чтобы указать на предмет, лицо, признак, которые надо назвать. Коррелят в блоке с придаточной частью выполняет функцию фразовой номинации: *А тот, кого учителем считаю, как тень прошел и тени не оставил* (А. Ахматова). Кроме того, придаточная часть, восполняя коррелят семантически, «в сочетании с ним занимает одну синтаксическую позицию» [5, С.529] не имеют аналогов на уровне связи слов и словоформ.

Выступая в блоке с коррелятом, придаточная часть в сложноподчиненных предложениях местоименно-соотносительного типа служит средством описательной субстантивной номинации предмета, лица, явления. Эта функциональная специфика придаточной части особенно «ярко проявляется в контекстах, содержащих умолчание, эвфемистическую замену или дающих экспрессивно-образную характеристику называемого» [5, С.540]. Например: *В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь* (М. Шолохов). В данном случае перифраза *то, что до атаки суетливо гоняло кровь* употреблена в качестве предикативного эвфемизма, позволяющего завуалированно назвать определенный денотат, имеющий лексическую номинацию - **сердце**. Рассмотрим создаваемые автором в тексте фразовые наименования-эвфемизмы. Во фразовом наименовании соотносительные слова *то, тот*, указывая на денотат, не называют его; придаточная же часть раскрывает смысл того, что скрыто за местоимением. Например: *И я решил на то, за что меня судили* (В. Брюсов). Герой Брюсова не говорит прямо: «Я решил на воровство». Это звучит не только грубо, но и не соответствует сути происходящего в авторском повествовании. Автор использует сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа, включающее фразовое наименование, чтобы скрыть истинный негативный смысл высказывания. Таким образом, можно говорить о фразовом наименовании как особом расчлененном эвфемизме.

Специфика субстантивного фразового наименования состоит в том, что в его пространстве сталкиваются, существуя одновременно в одном знаковом теле, и эвфемистическое, и деэвфемистическое начала представления предметности. По сути дела, указательное местоимение в составе фразового наименования оформляет трехступенчатый процесс эвфемистического обозначения: 1) фиксация денотата в пространстве; 2) выражение отношения к признаку; 3) сам признак. В придаточной части наблюдается своя иерархия: предикативный центр (сказуемое), второстепенные элементы (добавочные конкретизаторы, осложнения). Кроме того, в пространстве фразового наименования соотносятся текстовые и метатекстовые элементы. Метатекстовый план представлен субъективно окрашенными наклонениями глагола, модальными глаголами, вводно-модальными средствами, вставными конструкциями, фразеологизмами,

перифразами и др. Например: *Именно потому, что я ценю вашу верность, я и не хочу обманывать вас притворной нежностью. Я даю вам то, что могу дать искренно, от всей души. Не спрашивайте с меня большего* (В. Брюсов). В приведенном контексте мы наблюдаем употребление фразовой номинации, осуществляющей эвфемизацию именно благодаря синтезу собственно текстового и метатекстового начал, причем формирование и того, и другого находится в компетенции языковой личности автора.

Фразовое наименование представляет собой именуемое соединение слов. Ю.С. Степанов замечает: «...если имена присутствуют в природе как «встреча» между именующим и именуемым, то в природе в некотором смысле должны присутствовать и сочетания имен, т.е. высказывания, хотя бы как сочетания предметов, о которых говорят сочетания имен. И если в первом, во «встречном», характере имен были убеждены многие мыслители на протяжении тысячелетий (от Платона до теории фракталов...), то не должен ли второй вопрос, о высказываниях в этом смысле, стать вопросом семиотики? Мы полагаем, что должен, что здесь – «точка роста» семиотики наших дней. Ее будущее» [8, С.42]. Именуемые сочетания слов – это, в частности, и фразовые наименования, поэтому семиотический подход к последним – естественный путь их познания, тем более что многое здесь определяется индивидуальной картиной мира автора, его языковой личностью. Как показывают исследования последних лет, лингвопрагматический потенциал фразового способа номинации огромен: номинативная функция, осуществляемая предикативными единицами, дифференцируется и представляет собой целый пучок функциональных проявлений различной степени сложности, вполне вписываясь в антропогенную модель языковой картины мира (см., например: 2 и др.).

Вполне понятно, что функциональная маркированность является прямым следствием тех или иных структурных модификаций пространства фразового наименования. В лингвистической литературе говорится об общих и частных условиях, которые определяют раскрытие функционального потенциала номинации, выражаемой субстантивными придаточным местоименно-соотносительного типа. К общим условиям относят местоименный блок-«пустышку» (коррелят-релят), формирующий типологически конструктивную местоименную соотносительность, а также позицию придаточного по отношению к главной части сложноподчиненного предложения и степень осложненности коррелятно-релятного блока. Среди частных условий употребления фразовых наименований прежде всего выделяется такой структурный момент, как модально-временная характеристика предиката придаточной части в ее отношении с соответствующим предикатом главной части, предикативными характеристиками соседних предложений. Кроме того,

следует учитывать морфологическую природу предиката фразового наименования – именную (статический тип) или глагольную (динамический тип), семантику второстепенных распространителей фразовых наименований, включая сюда однородность, вставки-парентезы, вводно-модальные слова и т.д. Важным моментом выступает возможность распространения придаточного, лежащего в основе фразового наименования, другими придаточными. Существенным структурным условием, определяющим характер употребления фразового наименования, является местоименная природа коррелята и релята. Наконец, мы должны иметь в виду и позицию самого фразового наименования в тексте – как синтаксическую, так и актуально-коммуникативную (см.: 10).

Приведем несколько примеров:

1) *Я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книги (М. Лермонтов).* 2) *Пожалуй, увидев негра, они не узнали бы в нем того, за кем охотились в прошлую ночь (Ю. Олеша).* 3) *«Тем, что у кошек, ты обладаешь в избытке», - подумал про себя Самгин (М. Горький).* 4) *Позиция эта, под прикрытием реки Кологи, для армии, имеющей целью остановить неприятеля, движущегося по Смоленской дороге к Москве, очевидна для всякого, кто посмотрит на бородинское поле, забыв о том, как произошло сражение (Л.Толстой).* 5) *<Князь Болконский> открыл глаза и сказал что-то, чего долго никто не мог понять, наконец, понял и передал один Тихон (Л. Толстой).* 6) *Осматривая обстановку и костюмы, Васильев уже понимал, что это не безвкусица, а нечто такое, что можно назвать вкусом и даже стилем С-ва переулка и чего нельзя найти в другом месте, нечто цельное в своем безобразии, неслучайное, выработанное временем (А. Чехов).* 7) *Похоже на то, что я трушу, но это не трусость, а что-то другое, чего я не в состоянии ни назвать, ни описать (А.Чехов).* 8) *Я зубрил по целым дням, сам наслаждаясь своей неумомимостью, подтянутостью, с радостью чувствуя все то молодое, здоровое, чистое, что делает иногда экзамены похожими на Страстную неделю (И. Бунин).* 9) *Парашка заснула в чувстве того жуткого и мнящего, что есть в неизвестных прохожих и проездных людях, очарованная смутной думой о том, как погубит, как увезет ее куда-то вдаль молодой мещанин (И. Бунин).* 10) *В том страшном и малопонятном, что случилось между отцом и матерью, о чем еще в детстве несвязным шепотом, с чужих слов, рассказывала Евгения, Парашка была на стороне отца (И. Бунин).*

Структурный аспект, обуславливающий специфику «расщепления» и специализации номинации при употреблении фразовых наименований, включенных в приведенные контексты, показателен следующими моментами: а) выражение коррелятного элемента местоименно-соотносительного

блока различными структурно-семантическими типами местоимений (ср. примеры 4, 6, 7, 8, 10); коррелят может осложняться обобщающим местоименным элементом «всё» («все»); б) осложнение блока интерпозитивными субстантивами-распространителями и конкретизаторами первого уровня уточнения дейктической семантики коррелята (примеры 7, 8, 9, 10); в) как прямое (субъектное), так и косвенное (объектное) употребление релятного местоимения в блоке (ср., с одной стороны, примеры 1, 4, 8, 10 а с другой – 2, 5, 6, 7); очевидно, что метафункциональность фразового наименования отчетливее во втором, косвенном, случае; г) варьирование форм и типов предиката придаточной части, образующей фразовое наименование (ср. примеры 1, 3, 5, 6, 7); это основной атрибуционный показатель описательного наименования как метазнака, формирующего авторское повествование в условиях полипредикативного дискурса; д) включение второстепенных семантических и оценочных распространителей второго уровня, уточнения в придаточной части, в пострелятивном пространстве фразового наименования (примеры 6, 10); сюда относятся и однородные члены – распространители (пример 7); е) наличие особого слоя уточнения (распространения) оценочно-квалифицирующего плана, выраженного экспрессивно-оценочной лексикой, вводно-модальными и вставными конструкциями (примеры 1, 5, 7); ж) контаминации форм выражения атрибутивных признаков различного типа (примеры 4, 9); здесь же следует назвать включение в пространство фразовых наименований гипотетических словарных вариантов обозначения названного описательно (пример 6); з) дистрибутивное распределение денотативного присутствия в широком – связном – тексте, с развитием грамматической формы выражения (представления) атрибутивных признаков (ср. примеры 6, 9, а также иллюстрации, следующие в дальнейшем тексте работы); и) соотнесение выраженного посредством фразового наименования денотата с альтернативным или похожими субстанциями (пример 7).

На фоне «осложнений» пространства фразового наименования очевидна предельная минимизация состава распространителей, когда, с точки зрения говорящего, необходим и достаточен именно данный структурный состав, а никакой иной (пример 2). С другой стороны, показательно и такое употребление фразовых наименований, когда функционально значимым оказываются импликаты (пример 3). В данном случае эллиптическая конструкция включает объектный распространитель «у кошек», который работает ассоциативно, эксплицируя в семантическом пространстве фразового наименования вполне определенные авторские интенции направить наше воображение именно в область определенной конкретной пресуппозиции, используя фонд общих знаний.

Соотношение «структура – функция», несмотря на очевидную обусловленность второго компонента первым, представляется нам весьма важным при описании специфики фразового наименования как производного номинационно-синтаксического семиозиса. В первую очередь здесь следует обратить внимание на наполнение модели «носитель атрибутивного признака – атрибутивный признак». С одной стороны, это местоименная форма, способная наполняться атрибуцией придаточного, и предсказуемый признак, выбираемый говорящим в соответствии с определенной установкой на обозначение. При особом наполнении позиции этого признака (глаголы типа «случиться», «свершиться», «произойти», «начать» и под. – с семантикой обобщающего результата действия, подытоживания ситуации) речевое пространство фразового наименования может быть предельно минимизированным, однако при этом минимум структуры предельно прагматичен за счет конкретной семантики. Ср.: *После этого он долго не показывался. Она по целым дням стояла на пороге и нетерпеливо, с настойчивостью и требовательностью подростка ждала его. Ей <Параше> казалось, что он обязан, должен теперь приехать и продолжать **то, что начал**, хотя и понимала, что он ничего не начинал. «Как только придет,- думала она, - повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь им...»* (И. Бунин). Предельная краткость пространственной структуры подобных фразовых наименований, ориентированная на ассоциативно-целостное восприятие контекста с целью подключения его к конкретизации, обнажает сам лингвистический смысл употребления фразового наименования – быть грамматикализованным средством дейктическо-номинативного способа референции (1 и др.).

Деперсонализация, осуществляемая автором благодаря употреблению форм среднего рода коррелята и релята фразового наименования при обозначении переходных состояний референта, вносит свои коррективы в восприятие и осмысление языковой картины мира. Это наблюдается, к примеру, когда передается впечатление о первом восприятии смерти человека и когда надо выразить естественное неприятие этого состояния живущими. Например: *Они ждали, особенно близко чувствуя, что они сыновья и дочери этой старухи, и жалея ее, а еще больше себя, потому что после ее **кончины** им остается горе, навязанное смертью, которое кончится не скоро... Это были страх и боль вместе, больше всего их пугало, что они, глядя на долго отходящую мать, видели, казалось, **то, что людям смотреть нельзя**, и, сами не веря себе, они хотели, чтобы это кончилось скорей* (В. Распутин).

Мы можем сделать вывод об очевидной обусловленности решения авторских изобразительно-функциональных задач структурными особенностями фразового наименования, точнее даже – индивидуальной его организацией. Налицо антропогенный характер употребления субстантивного фразового

наименования, позволяющий данному уникальному средству обозначения решать такие сложные задачи номинации, когда названный фрагмент картины мира воспринимается говорящим по преимуществу ассоциативно и обозначение носит индивидуальный характер.

Уникальное динамическое равновесие предикативной (полипредикативной) структуры и номинационной семантики обуславливает лингвопрагматическую специфику фразового наименования – способность регулировать отношения между реальной, объективной языковой картиной мира и субъективным, индивидуально ощущаемым восприятием денотативных сущностей. «Фразовое наименование, - пишет Я.А. Фрикке, – одно из проявлений номинационно-синтаксического семиозиса, регулируемого языковой личностью (языковой личностью автора), которая отвечает за формирование фона индивидуальной ощущаемости в тексте, некоей субъективно-оценочной ауры» [10:38]. Языковая личность (языковая личность автора), таким образом, - субъективный регулятор соотношения реального и виртуального в этой ауры.

Что же касается фразовых субстантивно-именных предикативных перифраз, или фразовой номинации как структурно-семантического образования, то оно характеризуется в русском литературном языке: 1) местоименно-соотносительной базой, закрепленной за носителем атрибутивного признака; 2) возможностями варьирования компонентов и осложнения местоименной соотносительности; 3) предикативным атрибутивным признаком наименования, соотносением его с соответствующим признаком главной части сложноподчиненного предложения; 4) неограниченностью, свободой состава (пространства), а значит – и уточнения предикативного признака; 5) субъективным (авторским) началом организации пространства номинации в соответствии с интенциями языковой личности автора (говорящего); 6) самодостаточностью и прагматической мобильностью, индивидуальной в каждом конкретном случае употребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (Способы речевой номинации). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – 305 с.
3. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Дис. ... д-ра филолог. наук. – Ставрополь, 2000. – 413с.
4. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте. Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1979. - 193 с.
5. Диброва Е.И. ред. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II: Синтаксис. – М.: АCADEMIA, 2002. – 704 с.

6. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (На материале современного русского литературного языка). Дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 1971. – 729 с.

7. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (На материале современного русского литературного языка)/ Под ред. А.А.Бурова и К.Э.Штайн. – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2011. – 680 с.

8. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. 2-ое изд. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

9. Мигирова Н.И. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. – Кишинев, 1980. – 90 с.

10. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста. Монография. – Пятигорск, 2004. – 212 с.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2011 года.

УДК 811

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КВАНТИФИКАЦИИ (ИМЕННАЯ ДИСТРИБУТИВНОСТЬ)

Гайломазова Е.С.

PRAGMATIC CONTENT OF THE MAIN TYPES OF GRAMMAR QUANTIFICATION (NOMINAL DISTRIBUTIVITY)

Gaylomazova E.S.

Данная статья посвящена категории количества, ее языковой - семантической интерпретации и ее грамматической (морфологической, синтаксической) и деривационной рефлексии в современных языках, которая наряду с категорией аспектуальности, относится к типологически релевантным категориям. Категория количества представляется в языке в двух подкатегориях: в категории именной множественности и в категории глагольной множественности.

The article is devoted to a category of quantity, its language - semantic interpretation and its grammatical (morphological, syntactic) and derivational reflexivity in the modern languages which along with a category of aspectuality, concerns typologically relevant categories. The quantity category is represented in language in two subcategories: in a category of nominal plurality and in a category of verbal plurality.

Ключевые слова: квантификация, плюратив, числовые граммемы, дистрибутивное значение, числовое поведение.

Keywords: quantification, plurativ, numerical grammemes, distributive value, the numerical behavior.

Грамматическая категоризация изучается (в первую очередь) в рамках морфологии. Теоретической морфологии как самостоятельной дисциплине долго пришлось доказывать право на свое существование. После того, как этот статус стал общепризнанным, она надолго сосредоточилась на описании внешних проявлений грамматических категорий – грамматических форм и

их вариантов. В настоящее время общепризнанными являются успехи когнитивной лингвистики вообще и когнитивной морфологии, в частности, в интерпретации явлений категоризации и концептуализации мира человеком, освещении сложнейших проблем семантики языковых форм, уточнении самого понятия языкового значения как неразрывно связанного со знаниями, с отражением человеческого опыта и чисто человеческого осмысления окружающей нас действительности.

Морфология когнитивна, ибо она помогает переходить от более «наивного» отражения действительности в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения. Когнитивный характер морфологии заключается не только в том, что она связана с познавательными процессами и служит отражением и передачей их результатов, но также в том, что большинство морфологических средств и морфологических операций служит созданию классов противопоставленных слов, причем, противопоставленных концептуально. В.А. Плунгян справедливо называет важнейшим свойством грамматического значения «когнитивную выделенность», которая, в свою очередь, предопределяет такое основополагающее качество грамматического значения, как облигаторность. Определение специфики способов представления мыслительного содержания в языковых значениях (собственно семантических и прагматических) вообще и квантификаторов в частности, – одна из самых актуальных задач современной лингвистики. Закономерности выбора квантификатора определяются совокупностью факторов (характер локализации ситуации, дистрибутивные отношения, особенности синтаксических конструкций, прагматические интенции отправителя высказывания).

Помимо основной функции отражения объективно существующих параметрических характеристик объектов действительности, формы степеней сравнения способны выражать многочисленные прагматические созначения, формируемые в условиях контекста – как минимального (словосочетания, предложение), так и максимального (дискурс, текст, широкий контекст ситуации). Сравнительным формам, а также лексическим и деривационным интенсификаторам/деинтенсификаторам свойственно синкретичное представление собственно семантических модификаций (уменьшение/увеличение), ранжирование по степени важности, ценности, значимости, а также проявление отношения (доброжелательности, любви, приветливости, вежливости, нежности или пренебрежения, унижения). Поэтому на современном этапе развития междисциплинарной науки актуальным становится постижение коммуникативно-прагматических свойств категории компаративности, анализ ее во взаимодействии с категориями лингвистической прагматики (именно прагматическими причинами обусловлено расширение зоны

компаративности за счет относительных прилагательных и существительных, их сочетания с интенсификаторами и т.д.). Только на этом пути возможно постижение роли этой категории при ее функционировании в языковой системе и в различных типах коммуникации.

Категории, которые принято считать напрямую отсылающими к внеязыковой действительности, реализуются под непосредственным влиянием отправителя речи. Так, градуирование (то есть упорядочение по нарастанию или убыванию) осуществляется не только применительно к изменяющемуся признаку. Если адресанту важны количественные характеристики (реальные денотативные или домысливаемые), для их выражения применяются такие способы квантификации, как сравнительные степени даже от имен существительных, у которых в этом случае актуализируется признаковое значение.

Понятие дистрибутивности используется как в исследованиях по грамматике имени (Виноградов В.В., Падучева Е.В., Бурас М.М., Брусенская Л.А. и мн.др.), так и в работах, посвященных логическому анализу высказываний. При логическом подходе дистрибутивность противопоставляется собирательности и характеризует прочтение предикатов с множественными аргументами – именными группами, обозначающими множество объектов. Дистрибутивная интерпретация имеет место, если сфера действия предиката распространяется на один элемент или часть множества, обозначенного именной группой. Ср. типы ситуаций, в которых может быть истинно высказывание *Джон и Мэри заработали 10 000 \$*: каждый заработал по 10 000 \$ - дистрибутивное понимание; Джон и Мэри заработали вместе 10 000 \$ (например, участвуя в общем предприятии) – собирательное понимание в чистом виде; Джон и Мэри работали поодиночке. Каждый заработал некоторое количество денег. Вместе эта сумма составила 10 000 \$ - кумулятивное понимание; Если Джон и Мэри составляют семью, достаточно, чтобы эти деньги заработал Джон (а Мэри была бы домохозяйкой). См. подробнее: [6, С.285-287].

О.Н. Ляшевская [6] отмечает, что все эти разночтения весьма интересны с логической точки зрения, однако, истинность той или иной интерпретации зависит преимущественно от нашего знания реальной обстановки и в меньшей степени – от собственной семантики языковых единиц. В русской грамматической традиции проблема дистрибутивности связана с так называемым дистрибутивным значением формы единственного числа, когда одно из двух фигурирующих в ситуации множеств обозначается формой единственного числа. Единственное дистрибутивное число не выражает значения единичности отдельного конкретного предмета, точнее, – имеет более сложную синкретичную семантику.

Дистрибутивное употребление имени, которое называет неотъемлемую принадлежность всех членов определенного класса, допускает варьирование между единственным и множественным числом (множественное число в этом случае оказывается в известной мере избыточным). К случаям единственного дистрибутивного относятся факты типа: *Кто за это предложение – подними-те руку; У этих телевизоров испорчен кинескоп*. Подобные формы не выражают оценочных смыслов и по значению в наибольшей мере, сравнительно с другими типами языковых семантических функций в сфере категории числа, близки к множественному числу.

Основной функцией формы единственного числа в дистрибутивном значении, считает Д.И. Руденко [8, С.209], является снятие неопределенности, указание на то, что каждому из некоего множества объектов соответствует лишь один объект другого множества, обозначаемого именем в форме единственного числа. Действительно, при употреблении формы руки в приведенном примере подразумеваемый жест приобрел бы совсем другой смысл. Употребления такого типа возможны в языках с хорошо развитым морфологическим противопоставлением единичности/множественности. Дистрибутивное значение описано еще Ф.И. Буслаевым, отметившим, что имена существительные употребляются вместо множественного, когда обозначают какой-либо предмет, в отдельности относящийся к одному из многих, о ком говорится: *их грудь, их голова, их душа*. Хорошо известны лексические ограничения, связанные с проявлением этого значения: оно типично для существительных конкретной семантики (*у этих машин неисправен двигатель*). Наиболее частотно единственное дистрибутивное у соматических наименований, вследствие чего соответствующее указание нередко содержится в определениях дистрибутивного значения. Так, Л.Л. Буланин считает, что дистрибутивное значение связано с принадлежностью лицу [1, С.57], а О.Н. Ляшевская пишет о том, что «большинство примеров на дистрибутивное употребление приходится по статистике на названия частей тела».

Синтагматика форм в дистрибутивном значении обращала на себя внимание ученых, хотя их выводы зачастую были неоднозначными. А.А. Шахматов [10, с.443] указывал, что это значение проявляется у существительного только в синтаксической функции дополнения. Л.А. Брусенская [3, с.57-58] отметила, что это значение более свободно в синтаксическом плане и проявляется также в позиции подлежащего: *...из пышных фижм возвышалась, как стебель, их пыльная талия* (А. Пушкин «Арап Петра Великого»). А.А. Колесников [5, С.60] считает случаи типа *туфли на высоком каблуке, сапоги на литой подошве* проявлением особого значения формы единственного числа, близкого к дистрибутивному, значения атрибутивной единичности. В этом значении синтаксическая роль у

существительного, действительно, оказывается фиксированной. Поскольку дистрибутивное значение допускает альтернативу для своего выражения – единственное или множественное число имени (и это связано с двойственной, синкретичной природой этого значения, которая передает одновременно два смысла – ‘один’ и ‘много’), эти формы взаимозаменяемы (*они опустили голову* = *они опустили головы*). Однако можно указать некоторые синтагматические предпосылки преимущественного использования одной из числовых форм. Одна из них была подмечена еще Ф.И. Буслаевым: если один и тот же предмет относится в отдельности к разным, названным собирательным именем единственного числа, то название этого предмета ставится во множественном числе: *народ снял шапки*. Если же имя в дистрибутивном значении не соотносится с собирательным существительным, то оно может употребляться и в единственном числе: *Зимой носили они (горюхинцы) овчинный тулуп* (А.Пушкин «История села Горюхина»); Ср., однако, множественное число, соотносительное с существительным с собирательным значением: *Бывшая пивная очередь с пустыми кружками и разинутыми ртами* наблюдала издали за происходящим (М. Жигулин «Черные камни»).

Другое наблюдение было сделано И.И. Ревзиным [7, с.107]: в случае выбора каждый раз одного элемента из объемлющей совокупности, особенно, когда это подчеркивается выделяющими (индивидуализирующими) прилагательными, употребляется лишь множественное число, например: *Женщины бросились в воду как были – в богатых, празднично расцвеченных юбках* (невозможно **в богатой, празднично расцвеченной юбке*). Ср. также: *В вагон вошли старики, очевидно, купцы, в ильковых шубах и суконных картузах* (Л.Толстой). *Услышав звонок, из комнат выходили сестры Марии Яковлевны в кухонных передниках* (Н. Толстая «Филологический переулок»).

Ряд интересных наблюдений, касающихся синтагматики дистрибутивности, содержится в работе О.Н. Ляшевской [6]. В разделе «Дистрибутивность как фактор числового поведения существительных» О.Н. Ляшевская прежде всего обращает внимание на то обстоятельство, что дистрибутивное употребление составляет особенность семантического устройства обеих числовых граммем, а это не тривиальный феномен. В русском языке плюральные и сингулярные формы в дистрибутивном значении далеко не всегда взаимозаменяемы. Так, предложно-падежные формы типа *по лбу, на нос, за голову* (формы с переносом ударения на предлог), также *изо рта, на душе* (адвербиализованные сочетания) имеют в своем составе всегда сингулярное имя: *Советники надели на нос очки; Они сидели, выпуская изо рта кольца едкого дыма*.

Формы единственного числа требуют при себе квантификаторы, например – слово *каждый* (в таких случаях вводится в рассмотрение ситуация с

одним объектом, а затем преддицируется ее истинность для всех элементов множества). Исключения – существительные *pluralia tantum*: *Каждые часы имеют своего хозяина*. В дистрибутивной конструкции с предлогом *по* также возможно только единственное число: *Мальчикам дали по яблоку*.

Авторы коллективной монографии [4, с.27] отмечают, что дистрибутивное единственное (или, в терминологии цитируемой монографии, «нейтрализация между единичностью и множественностью» – указание в единственном числе на общность предметов, наличных у многих) непоследовательно представлено в европейских языках. Оно характерно для испанского языка (*Les duele la cabeza*), французского (*Ils ont levé la tête*), но не свойственна английскому языку. «Нетривиальность» феномена дистрибутивности с типологической точки зрения отмечается и в монографии О.Н. Ляшевской. Так, польский язык предписывает в дистрибутивном контексте употреблять форму множественного числа, французский – единственное число. В русском языке, как было показано, формы единственного и множественного числа далеко не всегда взаимозаменяемы без ущерба для полноты информации.

Условия использования единственного дистрибутивного были предметом рассмотрения в работе М.М. Бурас [2]. М.М. Бурас объясняет особенности дистрибутивного употребления числовых форм следующим образом. Если в предложении идет речь о некоторой ситуации Р с двумя участниками X и Y, каждый из которых является множеством объектов, то между именами этих множеств устанавливаются дистрибутивные или кумулятивные отношения. Дистрибутивность предполагает, что каждому члену X₁, X₂, ... множества X соответствует один или несколько членов Y₁, Y₂... множества Y. Решающим семантическим критерием числового оформления является признак «постоянное vs ситуативное соответствие между X и Y», который можно вычислить, исходя из лексического значения имен X и Y: если имеет место постоянное соотношение, то имя Y может быть употреблено в форме Sg (но обозначать при этом реальное множество), если же имеет место ситуативное соотношение, допускается только форма Pl. Однако, вопреки этому положению, связанные постоянным соотношением соматические термины допускают вариантное употребление (причем оба варианта нормативны): *Они опустили голову – они опустили головы*. Важные дополнения к приведенным соображениям высказаны О.Н. Ляшевской: в дистрибутивном употреблении наследуются нестандартные черты числового поведения, отмечаемые у отдельных лексем: ср. выбор числовой формы Sg у имени рукав в контексте рубашка с коротким рукавом – *рубашки с коротким рукавом*. Кроме того, на выбор числовой формы может оказывать влияние синтаксическая структура предложения, если она делает связь между элементами X и Y опосредованной: *Продавцы за рыбным прилавком как окаменели со своими*

ножами в руках (М. Булгаков) – у каждого продавца задействована одна рука, тем не менее требуется форма РІ, согласуемая с формой РІ имени (*продавцы*).

В дистрибутивном значении могут использоваться не только конкретные существительные, но также отвлеченные и даже (редко) собирательные существительные: *По всем лицам разливается медовая улыбка* (А. Чехов «Налим»). *За ним последовали бронетранспортеры с пехотой* (Пример из работы: [9, С.108]).

Итак, объекты, находящиеся в дистрибутивных отношениях, допускают двойную концептуализацию и соответственно вариативные (РІ/Сg) числовые формы для своего обозначения: *Жирные воробьи долбили клювами мостовую* (И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок») = *долбили клювом*. Единственное число, безусловно, предпочтительно при синкретизме двух числовых значений – дистрибутивности и класса (обобщенного родового). *На заре советской автомобильной эры все мы, естественно, мечтали купить машину* (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»). Незаменимо единственное дистрибутивное как средство создания точного высказывания: *Откройте учебник, поднимите руку*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии М.: Просвещение, 1976. 205 с.
 2. Бурас М.М. Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 168. М.: ИРЯ АН СССР, 1985. С. 29-34.
 3. Брусенская Л.А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д. 1994. 302 с.
 4. Категория количества в современных европейских языках / Под ред. В.В. Акуленко. Киев: Наукова Думка, 1990. 278 с.
 5. Колесников А.А. Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка. Киев: Вища школа, 1988. 188 с.
 6. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
 7. Ревзин И.И. Так называемое «немаркированное» множественное число в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1969. № 3. С. 102-109.
 8. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» Харьков, 1990. 302 с.
 9. Тукова Т.В. Омореферентность форм собирательности и единственного числа имен существительных русского языка // Филологические науки, 1992, № 4. С. 88-96.
 10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 617 с.
- Статья поступила в редакцию 17 ноября 2011 года.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.120

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТУИЦИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Камалова О.Н.

INTUITION IDEA DEVELOPMENT IN RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE END OF XIX - BEGINNING OF XXth CENTURIES

Kamalova O.N.

В статье обозначены ключевые аспекты развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в. Автором представлены позиции Н.О.Лосского, С.Л. Франка, И. Холопова, Н.А. Бердяева. В работе выявлены элементы сходства и расхождения с западными представителями неклассической философии рассматриваемого периода по данному вопросу.

The article considers the intuitive idea development in Russian philosophy at the end of XIX – beginning of XXth centuries. The Author presents the principles of N.O. Lossky, S.L.Frank, I. Kholopov, N.A. Berdyaev. It is revealed the elements of similarity and difference with the European representatives of non-classical philosophy of the discussed period of the point.

Ключевые слова: интуиция, дискурсия, знание, мышление, переживание.
Keywords: intuition, discussion, knowledge, thinking, anxiety.

Современное гуманитарное знание содержит ряд проблем, унаследованных от многовековой истории идей, которые в условиях становления новых подходов к знанию, его многообразию вновь приобрели статус актуальных. К таким проблемам несомненно относится интуиция. Интерес представляет и история проблемы. К началу XX в. в западноевропейской философии сложилась устойчивая традиция рассмотрения феномена. Широкую популярность приобрели учения А. Шопенгауэра, А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Шелера. В период рубежа веков проблема интуиции получила развитие также в работах русских религиозных философов.

Особое признание у русских мыслителей получают новейшие западные течения, прежде всего интуитивизм. Концепция А. Бергсона в целом стала объектом пристального внимания со стороны С. Аскольдова, Б. Бабынина, И. Холопова, Н.Лосского, С. Франка, Л. Лопатина, Н. Бердяева, и др. Позитивная оценка интуиции в ее бергсоновском варианте дается В. Карповым. Высоко оценил интуитивизм А.Бергсона А. Лосев. Не менее яркое влияние на русскую философию было оказано со стороны феноменологии и философской антропологии – учение о категориальной интуиции Э. Гуссерля, положение о духовном, сердечном созерцании М. Шелера.

Обратим внимание на некоторые аспекты влияния западных концепций интуиции и элементы критики их в работах русских философов конца XIX–начала XX в. Одно из центральных мест занимает интуиция в философии Н.Лосского. «Словом интуиция, – пишет Н. Лосский, – обозначаю это непосредственное видение, непосредственное созерцание предмета познающим субъектом. Все дальнейшие оттенки этого термина и особенности знания выводятся мною из указанного основного значения его» [4, С.137]. Соответственно, «теория знания, согласно которой знание есть непосредственное наблюдение предметов в подлиннике, есть интуитивизм» [там же, С.333]. Идея интуиции раскрывается Н. Лосским через описание ее видового многообразия.

Если для А. Бергсона интуиция иррациональна и не связана с деятельностью интеллекта, то Н.Лосский, вступая в полемику с А.Бергсоном по данному вопросу, склонен отстаивать права рационального мышления. С одной стороны, он соглашается с французским философом, утверждавшим, что интуиция созерцает вещь в ее подлинной сущности и схватывает свой предмет целиком, в то время как рассудок оперирует с помощью знаков и символов, а поэтому стремится сложить целое из частей. С другой стороны, Н.Лосский критикует А. Бергсона за то, что на этом основании тот отбрасывает рассудок как технически-практическую способность, в результате чего устанавливается иррациональный характер интуиции. Бергсон, пишет Н.Лосский, «считает отвлеченное мышление, состоящее из рациональных понятий, имеющим значение только для технической деятельности человека и не открывающим подлинного содержания мира» [3, С.107]. Н.Лосский, напротив, настаивает на том, что дискурсивное знание может быть видением аспектов самого подлинного бытия.

Еще более категорично, чем Н. Лосский, выступает против предпринятого Бергсоном разделения интуиции и интеллекта И. Холопов. В связи с чем он пишет, что «такая абсолютная разъединенность интуиции и рассудка, такая изолированность содержания, добытого при посредстве интуиции, *делает это знание совершенно непродуктивным и даже сомнительным самое существование его.* В процессе развития нашего знания оба этих момента являются и необходимыми и в одинаковой степени существенными» [6, С.688-689]. Автор приходит к выводу, что следовало бы говорить не о реабилитации инстинкта, а о реабилитации разума, поскольку отказавшись от верховного руководства последнего, решительно устраняется сама проблема познания [там же, С.686]. «Мы не допускаем мысли, что Ньютон своей теорией всемирного тяготения не проник в глубину природы ни на один миллиметр. Мы никогда не примиримся с мыслью, что Менделеев своей периодической системой элементов нисколько ни приблизил нас к пониманию самого ядра природы» [там же, С.687]. И. Холопов отмечает, что

со временем взгляды А. Бергсона на познавательную ценность интеллекта под влиянием критики заметно меняются, «и его антиинтеллектуализм позднейшей формации, как он выражается в его последней работе «Творческая эволюция», является менее радикальным» [там же, С.670].

С. Франк, развивая близкую Н. Лосскому концепцию интуитивизма, также испытывает влияние со стороны западных течений. Интуиция – «единство знания и жизни». В своем понимании интуиции как «знания-жизни» С. Франк близок А. Бергсону. Но при очевидной преемственности взглядов, безусловно, можно выявить и расхождения. С. Франк считает, что сами по себе переживания, впервые придающие душевной жизни характер индивидуального, единичного сознания «...не тождественны ни со знанием вообще, ни с живым знанием» [5, С.554]. «Опаснейшее заблуждение Бергсона» С. Франк усматривает в смешении переживаний с интуицией или «иррациональной слитности со сверхрациональной конкретностью». Хотя, добавляет он, это смешение имеет своим источником ценную попытку наметить понятие интуиции именно как живого знания или как знания-жизни [там же, С.445]. Таким образом, интуиция отличается от недифференцированного потока переживаний своей осознанностью.

Проникновение и осознание есть единый процесс актуализации. Он связан с актом внимания или интенциональностью. Об этом писал Э. Гуссерль. Но между Э. Гуссерлем и С. Франком в вопросе интуиции, при выраженной корреляции взглядов, также имеются расхождения. Решая проблему онтологического статуса интенциональности, и соответственно, расширяя понятие интуиции, С. Франк расходится с основателем феноменологии, упрекая последнего в недостаточном внимании к бытийственному, онтологическому аспекту интенционального акта, к самому предмету знания, на который направлена интенция. Предлагая анализ интенционального акта, выявляя в нем момент смысла, то есть момент, в силу которого акт мышления предполагает независимый от него предмет, феноменология оставляет в стороне вопрос о реальном бытии предмета вне отношения к смыслу направленного на него акта... [там же, С.114]. С.Франка не устраивает строгая рационалистичность феноменологии в вопросе интуиции, выраженный приоритет рационального над иррациональным. Упрек в недостаточной разработанности онтологических условий возможности интуиции С. Франк адресует также Н. Лосскому.

Интуицию Франк рассматривает как фундамент отвлеченного знания. Проясняя вопрос о соотношении интуитивного и дискурсивного, русский философ считает, что, с одной стороны, мышление не может исчерпать всей полноты интуиции, но, с другой, несмотря на своеобразную «неадекватность», дискурсивное знание не является ни ложным, ни бесполезным. С. Франк,

таким образом, как и другие русские философы, производит «оправдание» дискурсивного знания, несмотря на то, что оно, по его же словам, «обедняет» предмет, как бы «испаряет аромат живой природы», присущий объекту. Более того, философ приходит к выводу, что интуиция никогда не сможет сама по себе вытеснить, сделать ненужным научное знание и заменить его собой. И все же в вопросе о «выражении» интуитивного предпочтение отдается сфере искусства, поскольку именно люди искусства, и здесь С. Франк сближается со взглядами и А. Бергсона, и Э. Гуссерля, и Н. Лосского, менее заняты материальной стороной жизни, а чистота эстетического восприятия предполагает «бескорыстие» и «отрешенность» от всякого практического интереса.

С. Франк также отмечает, что знание интуитивное фактически всегда есть частичное знание, «но не в том смысле, что оно есть знание части, чуждое знанию целого и достигаемое в отрешении от последнего, а в том смысле, что оно есть всегда *частичное знание целого*, то есть такая ориентировка в целом, при которой всеединство лишь отчасти актуализировано, отчасти же имеется в форме потенциальности» [там же, С.347].

Н. Бердяев анализирует интуицию сквозь ключевую для него проблему творчества. В творчестве философ выделяет две стороны – внешнюю и внутреннюю. Интуиция связывается им исключительно с внутренней стороной. Она – «высший акт творчества». В соответствии с традицией, Н. Бердяев рассматривает вопрос о соотношении интуитивного и дискурсивного. Последнее отождествляется им с наукой. Дискурсивное, пишет он, «есть царство середины», оно – необратимая «необходимость», «формальный автоматический аппарат» [1, С.64]. Как видим, Н. Бердяев усиливает оппозицию «интуитивное–дискурсивное» по сравнению с другими русскими философами. В критике дискурсивного мышления Бердяев сближается с А. Бергсоном, хотя в своем понимании интуиции значительно расходится с ним.

У А. Бергсона, по мнению Н. Бердяева, есть одна коренная неясность в его теории познания. Получается, что «метафизическое познание не имеет творческого характера, в нем совершается лишь пассивное приобщение к трансцендентной действительности. Для А. Бергсона творческий акт возможен лишь в условном смысле, лишь в смысле вхождения в подлинную действительность, а не в смысле творческого прироста в самой действительности [там же, С.64]. В результате научное познание оказывается более активным, чем метафизическое. Такую же ошибку, считает Н. Бердяев, допускает и Джемс, и Э. Гуссерль. Таким образом, критика Н. Бердяевым представителей современного западного интуитивизма связана с недооценкой творческого, активного характера интуиции.

Мы обратили внимание на некоторые аспекты влияния западных концепций интуиции на русскую философию конца XIX – начала XX в., а также обозначили элементы критики их со стороны последней. Помимо вопроса о природе интуиции, исторически центральной для западной философии был вопрос о соотношении интуитивного и дискурсивного, или непосредственного и опосредованного знания. Русские мыслители в данном случае следуют установленной традиции рассмотрения проблемы. Но в конкретном решении этого вопроса скорее склонны занимать умеренную позицию, в отличие, например, от А. Бергсона.

Н.Лосский дает высокую оценку дискурсивному знанию. Франк также не считает дискурсивное мышление «ни ложным, ни бесполезным». Н. Бердяев высказывается более решительно, утверждая, что дискурсивное «есть царство середины», «порочный круг».

Учение Э. Гуссерля об интенциональности сознания, вопрос о влиянии эмоциональной сферы на познавательный процесс и интуицию М. Шеллера также не остались незамеченными в русской философии. В частности, Н.Бердяев пишет о том, что «не существует чисто интеллектуальной интуиции. Интуиция всегда интеллектуально-эмоциональная. И самую эмоциональность я бы назвал трансцендентальной. Существуют трансцендентальные эмоции, эмоциональное а priori познания, и прежде всего религиозного познания» [2, С.73]. Влияние М. Шеллера на Н. Бердяева очевидно, однако, в вопросе утверждения активного характера интуиции русский мыслитель высказывается более определенно.

И хотя русская философия развивалась в иной культурной среде (и не только под влиянием западной истории идей), преемственность во взглядах на интуицию с западными коллегами, безусловно, имеется. При сравнительном анализе выявлены также проблемные зоны при обсуждении данной темы и некоторые пункты несовпадения отечественных и западных подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Смысл творчества. Paris: YMCA-PRESS, 1991.
2. Бердяев Н. Самопознание. М., 1991.
3. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1999.
4. Лосский Н.О. Интуитивная философия Бергсона. Пб, 1922.
5. Франк С.Л. Предмет знания. М., 2000.
6. Холопов И. К вопросу о природе интуиции // Статья поступила в редакцию ноября 2011 года
7. Вопросы философии и психологии. М., 1912. кн. 115 (V).
Статья поступила в редакцию 22 ноября 2011 года.

УДК 72.067

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Назарова М.П.

THE MAIN APPROACHES IN EXPLORING ARCHITECTURAL SPACE

Nazarova M. P.

В рамках данной статьи архитектурное пространство рассматривается как социокультурный феномен и используется междисциплинарный подход в его анализе. Авторам выявляются изменения пространственной среды под воздействием происходящих социальных процессов.

This article examines the architectural space as socio-cultural phenomenon. Interdisciplinary approach is used in its analysis. We can see connection between spacious model of a urbane and historical period of the development of society and architectural space of a urbane is being changed under the unfinanced social process.

Ключевые слова: архитектурное пространство, социальные процессы, визуальная коммуникация, модель мира, творчество.

Keywords: architectural space, social process, visual communications, model of the world, creativity.

В настоящее время устоявшееся выражение «современная архитектура – это архитектура пространства» является общепризнанным, но ни в теории архитектуры, ни в культурологии, ни в эстетике исследователи не ставили перед собой задачи определить, что же такое архитектурное пространство. Однако данное понятие становится все более актуальным, поскольку живя в искусственно созданной среде больших городов, архитектурная среда является частью жизненного пространства человека. И если мы, горожане, совместными усилиями с архитекторами и градостроителями сделаем его более комфортным, то наша самоидентификация от этого только улучшится.

Вплоть до конца XX века в философской литературе интерес к проблеме взаимовлияния архитектурного пространства и социальных процессов практически отсутствовал. Также как и влияние городского пространства на поведение людей. И это странно, так как архитектурные объекты являются частью жизненной среды человека и имеют высокую степень воздействия на социального субъекта, а их исключительность проявляется в сочетании эмоциональной насыщенности, свойственной произведениям искусства, и социальной значимости для субъектов их восприятия.

Исследование архитектурного пространства может быть успешным только в том случае, если мы придем к однозначному пониманию тех понятий, которые мы используем для его рассмотрения. Следует сказать, что архитектурное

пространство до последнего времени являлось предметом рассмотрения только архитектурной теории. В теории архитектуры доминирует устойчивое мнение о том, что пространство не может быть представлено ни одним из видов искусств, поскольку они могут дать лишь приближенные или ассоциативные его описания, и только архитектура владеет языком представления пространства, который можно считать специфически архитектурным.

Проблема архитектурного пространства не была сформулирована и в архитектурной теории, процессы его формирования происходили стихийно и решались на эмпирическом уровне. Что вызвало необходимость рассуждать на эту тему? В начале прошлого века появилась необходимость целенаправленного формирования пространства городской среды, поскольку процесс роста городов был настолько бурным, что возникла потребность создания новых архитектурных форм. Технические новации конца XIX – начала XX веков привели к созданию новых (в том числе и пространственных объектов), радикально преобразовавших жизненную среду человека. Появилась необходимость в комплексах по добыче сырья, производстве энергии, созданию продукции, ее транспортировке и сбыте. Все это привело к появлению крупных промышленных центров. Возникла необходимость в новых формах организации, управления и жизнеустройства больших масс людей. Принципы эффективной организации труда стали оказывать воздействие на жизнь людей во всех ее проявлениях, появилась необходимость целенаправленно формировать жизненное пространство человека.

Рост промышленного производства вовлек в свою сферу большие массы людей, что привело к перераспределению трудовых ресурсов. «Процесс урбанизации с разрушительной быстротой изменял структуру ландшафтов и расселения в обширных регионах. Неуправляемое разрастание городов разрушало их структурную упорядоченность и экологическое равновесие их среды» [1, С.191]. Миграционные потоки привели к увеличению численности людей в бурно растущих промышленных городах, что породило потребность их расселения и создания новых типов архитектурных и градостроительных объектов, отвечающих потребностям времени. В архитектурной деятельности вера в универсальность возможностей художественного творчества пошатнулась, и эстетизм в формировании пространственных форм уступил место функционализму. Социально-экономические проблемы начала века породили необходимость на теоретическом уровне осмыслить проблему структурирования городской среды и на этом основании спроектировать такие пространственные формы, которые бы отвечали потребностям общества. Нельзя сказать, что проблемы пространства и его формирования в истории и теории

архитектуры не решались, но переход из практической плоскости решения данных проблем к теоретическому осмыслению наступил только в XX веке. «Неоспоримо новым в современной архитектуре является сознательное оперирование пространством. Мы свободно говорим о пространстве эпохи барокко и эпохи готики, спорим о том, обладали ли когда-нибудь греки ощущением пространства, но сам термин «архитектурное пространство» представляет собой достижение XX века» [2, С.53].

Одним из первых ввел понятие «архитектурное пространство» в своих теоретических изысканиях Ле Корбюзье, но использовал его в инструментальном плане, решая задачи архитектурного проектирования. Он был убежден, что формирование пространственной среды может целенаправленно влиять на социальные процессы и поведение людей, и структура определенным образом организованного пространства может стать регулятором общественных настроений. Ле Корбюзье считал, что «градостроительство несет в будущее совершенно новые решения, новые конструкции, которые в то же время образуют социальные, экономические и даже политические системы. Оно должно внести в человеческое общество и новую гармонию» [3, С.10].

В современной архитектурной теории социальная составляющая архитектурного пространства отходит на второй план, и оно трактуется как «целесообразно организованное для определенной цели, вмещающее человека и воспринимаемое им зрительно» [4, С.154] или понимается как часть пространства, оформленная (организованная) путём возведения зданий и других сооружений [5, С.15].

Приоритет же в архитектурной теории отдается рассмотрению проблемы «языка пространственных отношений» как соотношения систем оппозиций различных уровней знаковости с моделью мира. Авторы, работающие в данном направлении, ориентированы на создание грамматики базового языка архитектуры, структура которого образована переплетением двух относительно самостоятельных языков – пространственного и образно-пластического. Является неоспоримым, что архитектурное пространство является базовым понятием в профессиональном мышлении архитектора, но оно выходит за пределы их творческого поиска и является социокультурным феноменом, который заслуживает рассмотрения в категориальном поле культурологического и философского знания.

По мнению, Х. Делитц, архитектура – главное средство отражения культуры и всех общественных изменений, поскольку именно она делает их наглядными. При этом она не только отражает социальные процессы, но и оказывает воздействие на них, благодаря своей особой «материальности» и

«наглядности», придавая социальному новые креативные формы [6, С.28]. Архитектура с ее четырехмерной «материальностью» способствует тому, что появляются новые действия и образцы поведения, что делает ее социально эффективной, создавая особые типы взаимодействия.

Пространственные формы предопределены представлениями определенной эпохи, и, на наш взгляд, взаимозависимость в формировании «культурного кода» эпохи и архитектурного пространства несомненны. Как замечает С. Лангер, «каждое общество встречает новую идею, располагая своими собственными понятиями, своим собственным молчаливо подразумеваемым, фундаментальным способом видения; другими словами, своими собственными вопросами» [7, С.75]. Опираясь на диалектику художественной формы А.Ф. Лосева, область архитектурной риторики можно определить как сферу функционирования мифа, а поскольку архитектурное творчество структурирует пространство через придание ему определенных значений в рамках существующей социально-мифологической картины мира, то о каждом архитектурном произведении можно сказать, что оно несет в себе некую смысловую нагрузку. Архитектурный «смыслообраз» выступает как возможность, необходимость фактического осуществления которого реализуется в конкретной архитектурно-пространственной форме.

По мнению Ю.М. Лотмана, «архитектурное пространство живет двойной семиотической жизнью. С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира, построенного и обжитого, переносится на весь мир в целом. С другой, - оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представления о глобальной структуре мира» [8, С.676]. Таким образом, архитектурное пространство является одним из важных компонентов смыслового поля культуры, помогающее человеку реализовать себя как социальное существо, поскольку человек пытается осознать свое присутствие и значимость в мире для себя самого, и происходит это, через пространственно-временные ориентиры.

В культурологических изысканиях следует выделить работы по выявлению смыслов городского пространства. Наиболее проработанная концепция, выявляющая смыслы городского пространства, представлена Ю.М.Лотманом. По его мнению, развитие той или иной культуры определяется множеством факторов, одним из которых является пространственный. Автор определил модель организации культурного пространства России до XVIII века как центристскую, в которой центром «религиозной и культурной ойкумены» являлась Москва. На этапе преобразований, совершаемых Петром Великим во всех сферах жизни России (которые историками определяются как

попытка ее европеизации) необходима была совершенно иная организация пространства, во многом понимающаяся как его частичная переорганизация, связанная с дислокацией центра страны и перенесением его на окраину, что должно было символизировать своеобразную антиномию: открытость миру при наличии крепких оборонительных позиций.

России нужна была новая столица, представляющая собой своеобразный синтез европейской и русской столиц, стать городом-символом. Архитектурный облик города должен был оказать влияние на формирование культурного пространства России. «Основание новой столицы на западном рубеже государства было не только воплощением планов и идеалов основателя, но и определило всю дальнейшую судьбу города и в историко-политической реальности России, и во всей культурно- государственной мифологии» [9, С.78].

Особый интерес в данном контексте имеет работа известного теоретика архитектуры А.В. Иконникова «Утопическое мышление и архитектура». По его мнению, любая архитектурная задача исходит от некой идеальной модели жизнеустройства и имеет в ней свое оправдание. «Объективное, рационально познаваемое и рассчитываемое в организации среды архитектурой соединяется с необъективным, ценностным, иррациональным» [10, С.3].

В периоды стабильного развития общества в формировании архитектурного пространства мы видим тяготение к традиционным архитектурным формам, но в периоды кризиса и нестабильности в общественном развитии, как правило, проявляется стремление к экспериментам в формообразовании. В таких неопределенных исторических ситуациях создаются социальные утопии–идеальные модели системного преобразования общественного устройства, в контексте которых существуют архитектурные утопии, отражающие социальные идеалы в пространственных формах.

По мнению А.С. Иконникова, внимание к архитектуре как к важному элементу социальной утопии связано с ее особенностью сочетать рациональное начало с художественно-символическим, а пространственная организация идеального общества имеет тесную взаимосвязь с характером социальных отношений. В XX веке в России были предприняты попытки осуществления таких социальных экспериментов, как строительство социализма в России, что, в свою очередь, привело к экспериментам в создании идеальной пространственной модели, которая бы соответствовала социальным изменениям.

Последние десятилетия XX века высветили особый интерес исследователей самого разного профиля - от теоретиков и философов культуры до историков-краеведов - к феномену провинциальной культуры. В этом контексте рассматривается проблема социокультурной организации провинциального

градостроительного пространства, интерес вызван угрозой исчезновения исторически обособленных городских культур и провинциального градостроительного пространства, что связано с процессами глобализации и ростом мегаполисов. В сочетании с иными (экономическими, технологическими, политическими) факторами глобализация обостряет дискуссии о социальной ценности разнообразия форм культуры, в частности, по проблеме сохранения этнокультурного разнообразия градостроительных комплексов.

Таким образом, представление об архитектурном пространстве, всегда взаимосвязано со смысловым полем культуры, в котором и происходит создание и восприятие пространственных форм, объединенных социально-значимой информацией в то, что и представляет собой архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Возникает закономерный вопрос, с чем связано то, что в последнее десятилетие исследователи всего спектра гуманитарного знания (архитекторы, теоретики искусства, культурологи, социологи, философы) пытаются описать, объяснить, прийти к терминологическому единству в понимании архитектурного пространства. Возможно, это связано с тем, что в современном мире визуальная коммуникация является доминирующей. Повседневное существование и контактирование человека с архитектурными объектами приводит к тому, что мы оказываемся вовлеченными в непрерывные акты визуальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М, Изд-во «Архитектура С», 2004.
2. Кулюткин Ю.Н. Эвристические методы в структуре решений. М. Педагогика. 1970.
3. Ле Корбюзье. К архитектуре // Архитектура XX века. М., 1970.
4. Иконников А.В. Искусство, среда, время. М. Советский художник. 1985.
5. Согоян Н.Ш. Иллюстрированный словарь архитектурных терминов и понятий. М. Архитектура С. 2006.
6. Fischer J. Delitz H. Die Architektur der Gesellschaft. Theorien fur die Architektursoziologie. Bielefeld, 2009.
7. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М. Республика. 2000.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-П. Искусство. 2000.
9. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема. // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн. 1992 . Т.1.
10. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М, Изд-во «Архитектура С», 2004.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2011 года.

УДК 87.06

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Родионова В.И.

SOCIAL PRACTICES IN CONDITIONS OF TECHNOLOGISATION: BASIC APPROACHES AND INTERPRETATIONS

Rodionova V.I.

В статье определены основные характеристики социальных практик. Авторская идея состоит в том, что социальные практики интерпретируются в соотношении с процессами технологизации общества, понимаются как включающие в себя концентрированный и организованный опыт человечества и как имеющие особые способы существования. Технологизация социальных практик в работе впервые показана как ресурс управления системой жизни общества.

In this article the Author defines the basic characteristics of social practices. The Author's idea is that the social practices are interpreted in relation to processes of technologisation of the society. Social practice is understood as encompassing concentrated and organized experience humanity and as having special means of existence. Social practices shows a technologisation as a resource management of the society.

Ключевые слова: технологизация, социальная философия, социальные практики, социальные изменения, артикуляция, реконфигурация, перенос, типичные черты социальных практик.

Keywords: technologisation, social philosophy, social experts, social transformation, articulation, reconfiguration, transport, social practices' typical features.

Социальные практики – новая социально-философская проблематика, связанная (прежде всего) с важными вопросами воспроизводства самого общества, его социальных механизмов и касающаяся общественного бытия человека. Социальная философия – есть «открытая» система развивающегося знания, она пополняется новыми знаниями о социальной реальности, особенно это актуально сегодня в эпоху тотальной технологизации процессов, происходящих как в российском социуме, так и в мировом сообществе. Социальные практики многообразны, они влияют на особенности реализации отношений между людьми, устойчивые нормы и принципы организации деятельности индивидов, образцы положительного и отрицательного поведения и многое другое, что относится к ценностям и идеалам, поэтому проблематика социальных практик актуальна в современной социальной философии. Социальных практики интерпретируются как контекстно-сложившиеся и привнесшие элементы социальной рациональности в общество, исторически определенные формы организации совместной деятельности людей, которые призваны обеспечить надежность, регулярность удовлетворения потребностей личности, различных социальных групп, общества в целом. Анализ

сущностных характеристик социальных практик в ходе их технологизации охватывает наиболее важные аспекты социальных изменений в современном мире и создает теоретический сценарий, достаточно многополюсный, охватывающий дальнейшее развитие социума. Социальные практики объединяют в себе как объективное, так и субъективное, что вызывает некоторые трудности в их понимании, поэтому современная социальная философия делает акцент на познании основ конструирования социальной реальности, которая выступает чем-то внешним по отношению к человеку.

Проблематика социальных практик по-прежнему остается неразработанной, хотя технологизация глубоко проникла в сферы общества. Социальные практики находятся в условиях технологизации, поэтому, на наш взгляд, следует рассматривать спектр научных точек зрения, касающийся и социальных практик, и процессов технологизации. Далее будут исследованы и характеристики социальных практик, и основные интерпретации процесса технологизации. Ученые, которые интересуются данной проблемой технологизации, уходят в прикладную сферу и изучают такие явления, как технологизация в системе образования, экономики, управленческой среды.

Исследователи связывают социальные практики с определенной социальной группой, например, такой, как молодежь. Как пишет Е.Л. Омельченко: «В мире глобально-локальных культурных потоков изменяются не только возрастные границы молодежных групп, но и их символические координаты. Молодость становится характеристикой особенных потребительских стилей, формирующихся вокруг культа молодости, сохранения внешней привлекательности, продленного образования, экспериментирования с разными типами занятости, переносов досуговых практик в рабочее время, развития нетрадиционного сексуального партнерства и т.д.» [10, С.6]. Исследователь С.Г. Климова отмечает, что «практики формируют определенные социокультурные модели – ценностные и нормативные образцы действий и взаимодействий между индивидами и социальными институтами. Если взаимодействия с помощью институциональных структур общества не налаживаются, социальная практика отчуждается от них, появляется «двойной стандарт» в ценностно-нормативной системе и, соответственно, теневые практики общественных взаимодействий» [7, С.93]. М.П. Бузский в работе «Субъектная основа бытия и регулирования общества» определил, что «технологизация связана с социальным проектированием и социальным конструированием, кроме этого технологизация социума в контексте национальной идеи (русской идеи) является совокупностью мер, обеспечивающих усиление субъективности, ее статуса в обществе через активизацию соответствующих сфер и институтов, повышения их статуса и ответственности» [3, С.237].

В исследованиях, посвященных анализу конкретных сфер жизни общества, технологизация рассматривается применительно к той или иной сфере

общественной жизни. В исследовании Р.М. Феденевой «Технологизация как фактор совершенствования управленческой деятельности менеджеров образования», посвященной социальному управлению и менеджменту отмечается: «Обобщение научных знаний и мирового опыта управления на уровне организации позволяет рассматривать технологизацию как фактор совершенствования управленческой деятельности менеджеров образования, технологизация является фактором совершенствования управленческой деятельности менеджера образования, если: сформирован технологический менталитет менеджеров образования. Влияние технологизации на совершенствование управленческой деятельности менеджеров в системе образования способствует целесообразному изменению всей системы деятельности, ведущей к качественно новому состоянию, адекватному как общим объективным тенденциям развития образования в мировом сообществе, так и социально-педагогическому своеобразию развития образовательной системы России» [12, С.5]. Ряд авторов подчеркивают важность технологической проблематики, так в работе, посвященной технологизации и инновационности образования как стратегическому фактору промышленного подъема в рыночных условиях, ее автор определяет актуальность изучения феномена технологизации. «Таким образом, в реальной действительности возникли противоречия между: высокими требованиями современного общества к технолого-экономической подготовке своих сограждан и низким уровнем технологической и экономической культуры населения» [11, С.10]. Указанные исследователи обозначили проблемы «необходимости исследований основ технологизации и инновационного управления подготовкой квалифицированных кадров в образовании», разработки концепции и экспериментальной проверки системы «технологизации и инновационного управления подготовкой квалифицированных кадров для промышленности в условиях нестабильной экономической среды» [11, С.10]. На наш взгляд, автор проявляет большой научный интерес к указанному явлению технологизации, но не дает четкого определения сущности технологизации и берет в качестве объекта анализа только сферу образования. В.А. Бородай отмечает, что в некоторых работах «проанализировано воздействие потребительских и торговых практик в связи с экономической стратификацией общества, что позволяет оценить с новой стороны стратификационную систему современной России» [2, С.164]. В публикации Н.А. Михеевой «Социально-культурная сфера в системе социального управления» указывается, что «радикальным средством эффективного управления в этих условиях становится технологизация. Сфера социальных технологий выполняет связующую функцию между наукой и преобразующей практикой, когда теоретические модели используются в качестве основы для разработки инструментов воздействия на социальную реальность. В социально-культурной сфере технологизация имеет отношение к ресурсному

обеспечению управлению системой, решению проблем ее организационного развития, которым ранее уделялось гораздо меньше внимания, чем проблемам создания систем управления, целеполагания и планирования, разработке стратегии деятельности» [9, С.233].

В отечественной литературе присутствует научный интерес к теме социальных практик и, в связи с этим, сложилось несколько подходов к пониманию этого явления. Авторы связали методологию социальных практик с прагматическим и лингвистическим поворотом в социальных науках, институциональностью (В.Л. Каплун), прагматизмом (В.С. Кирющенко), применением праксиологической парадигмы в социальных практиках психиатрии (С.В. Колпакова). Исследователями были рассмотрены коммерциальные практики, которые отражают присутствие в одном и том же социальном пространстве социальные практики различных сообществ. Для членов такого сообщества указанное поведение – отличительная особенность их коллективной идентичности, социальные практики в труде и их правовые инструменты регулирования, эту идею развивает участник стола Е.П. Займалин. Т.И. Заславская представила коммуникативные социальные практики на основе негативной солидарности и легитимацию неправовых социальных практик.

В.В. Волков выводит корни социальных практик из менее строгих форм познания социальной реальности – это теория литературы и культурная история, искусство, культурные традиции развития значимых для людей естественных потребностей, умение их демонстрировать. Тогда практики, конечно, были не только социальными, но и конкретно-сферными, определяемыми как нормирующие и составляющие части индивидуального опыта в конкретной сфере. Поэтому история этикета, речи, чтения, письма – это длительная эволюция с большим разнообразием практик в контексте нелинейной концепции социальных изменений социальных систем. Еще одно замечание В.В. Волкова тоже значимо для нашего исследования – это преодоление «идолов» абсолютизации своей сферы рассмотрения, вне жизненных связей в системе абстрактных схем. Это может быть действие, мышление, поведение и другое.

Более поздние социально-философские исследования отразили прагматический поворот, который произошел в социально-гуманитарных науках во второй половине прошлого века. Под влиянием этого трактовки социальных практик разделились на те, что связываются с фоновыми знаниями и умениями (они стали пониматься как неэксцентрированные, такие социальные практики стали называться рутинными или повседневно-типизированными) и социальные практики, которые присутствуют в конкретной деятельности. В уже предложенных интерпретациях социальных практик мы выявили, что содержание социальных практик можно рассматривать с двух сторон, но в единстве практической парадигмы: с одной стороны, – как фоновые, повседневные, с другой стороны, – как

«сферно-деятельные», раскрывающие социальные практики, пропущенные сквозь призму технологизации. Согласно точке зрения В.В. Волкова, социальные практики «конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории. В этом смысле они понимаются как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве («врач», «политик»)» [6, С.7].

В работах западных мыслителей также прослеживается интерес к теме социальных практик. Для П. Бурдьё социальное пространство выступает двойственным: в нем есть социальные структуры, чья функция заключается в распределении среди людей материальных благ или статусов, и как та, что существует в представлениях, схемах мышления и поведения. При этом социальные практики – это скорее неосознанное, чем осознанное, поведение, которое подчиняется правилам, воспринятым из внешней среды в процессе активного взаимодействия с нею. Для обозначения таких практик П. Бурдьё вводит понятие «габитус», которое является одновременно и продуктом предыдущих практик, усвоенных индивидом в процессе взаимодействия с обществом, и средством управления поведением индивида в обыденных ситуациях, и тем, что изменяет и вновь структурирует, упорядочивает внешнюю среду (так как при воспроизведении становится ее частью). «Habitус – это слепок объективных структур, воспринятых индивидом, глубоко укоренившихся в его сознании и «забытых», недоступных рациональному осмыслению» [4, С.264]. По мнению П. Бурдьё, объяснение социальных практик возможно при соотношении прошлых и сегодняшних условий, в которых в скрытом виде всегда присутствует габитус. Так ученый получает представление об изменении социальных условий, которое (наряду с представлением о габитусе) необходимо для объяснения действия индивида.

М. Хайдеггер считает, что социальные контексты – это пространство целесообразной деятельности, где воспроизводятся целесообразные социальные практики. Он предлагает понимать социальные практики как раскрывающие и зависящие от традиций определенной культуры, через которые он просматривает способы воспроизводства и конструирования идентичности индивидов. Он отмечает, что социальные изменения надо понимать как изменения, которые происходят в социальных практиках, с которыми он связывает появление новых видов и форм и возможностей идентичностей, социальных институтов и идеологий. В качестве примера можно привести социальные практики сервиса, в которых раскрываются социальные практики данной сферы, и сервис выступает социальным институтом, который продуцирует социальное действие индивида при принятии определенной социальной роли.

Интересной для нашего исследования представляется позиция М. Фуко по поводу происхождения социальных практик. Он анализирует проблемы политической власти, в определенной степени затрагивает фоновые аспекты поликультурных практик в политике. Социально-политические практики власти в XX веке, по его мнению, обнаружили патологичность и репрессивность по отношению к социальным агентам. Он предлагает в рассмотрении социальных практик не монолитное «социальное лекало», а дискурс всей совокупности явлений социальной реальности в конкретную эпоху (средние века, советский период истории и другие).

Идеи М. Фуко в контексте социальных практик изучаются и российскими учеными. О. Хархордин пришел к выводу о культурно-антропологических истоках социальных практик и об особых способах и путях привнесения их в социальную реальность. Он отмечает, что М. Фуко использовал понятие фоновых практик нечасто, выбирая для исследования социальные практики специфического вида. О. Хархордин использует наработки последователей идей М.Фуко и, анализируя книгу Х. Дрейфуса и П. Рабиноу, писал: «Мишель Фуко: за пределами структурализма и герменевтики» делает акцент на их понимании того, что целью поисков Фуко являются социальные практики, понимаемые им как место, где сказанное и сделанное, применяемые правила и приведенные оправдания, спланированное и принятое за данность плаваются или переплетаются. С точки зрения О. Хархордина, указанные авторы подчеркивают значение темы социальных практик в работах М. Фуко.

Актуален вопрос о способах существования социальных практик. В.В.Волков выделял три способа изменения практик: артикуляция, реконфигурация и заимствование [6, С.17]. Первым способом существования социальных практик является артикуляция. Она представляет собой формализованное обобщение того, что ранее существовало в социальных действиях, а затем было обобщено и продемонстрировано в написанных и опубликованных поучениях и правилах, которые организуют и регламентируют социальное действия. В России «артикуляцию социальных практик для подрастающего поколения описали и систематизировали как правила поведения для юношей сподвижники Петра I. По его поручению епископы Рязанский и Муромский (Бужинский), а также Я.Брюс разработали и опубликовали в Петербурге в 1717 году ученый труд в двух частях. Первая часть посвящена азбуке, таблицам, числам, содержит нравоучения из Священного Писания, а во второй – «Юности честное зеркало или показания к житейскому обхождению» - собраны произведения разных авторов (например, Э. Роттердамского «О цивилизованности детей» (в переводе И.В. Паузе) и изложены правила поведения для отроков и девушек дворянского сословия. Среди западных мыслителей артикуляцию можно отметить Н. Макиавелли, который описал

социальные практики абсолютизма в книге «Государь», ставшей «настойной книгой» для царедворцев всей Европы.

Процесс реконфигурации социальных практик понимается В.В. Волковым как воспроизведение социальных практик из периферии в центр. Данный способ существования социальных практик интересен при исследовании социальных изменений структуры общества. Социальные практики переноса или заимствования отражают возможности помещения их в другие контексты, применения для решения других задач. Оно демонстрирует присвоение социальных практик (культурного опыта, проявляющегося в действии или стиле мышления по отношению к объекту, явлению или процессу). Классический пример анализа изменения социальных практик есть в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», он пишет что, в истории капитализма можно найти все основные способы изменения социальных практик, так М. Вебер описывает нравственные правила Б. Франклина, на основе которых складывается «преставление, характерное для социальной этики капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение» [5, С.29], в них «речь идет ...не только о «практической мудрости», но о выражении некоего этоса...» [5, С.28]. На основе этого формируются социальные практики протестантизма. В эпоху позднего средневековья религиозные практики аскетизма, по мнению М. Вебера, терпели реконфигурацию и «христианская аскеза ...вышла на житейское торжище, захлопнула за собой монастырские врата и стала насыщать мирскую повседневную жизнь своей методикой, преобразуя ее в рациональную жизнь в миру, но не от мира сего и не для мира сего» [5, С.111]. Отсюда следует два вывода: первый о том, что не существует жесткой принадлежности социальных практик к одной сфере, и второй – об изменении положения и статуса социальных практик в условиях развивающейся технологизации. Модификации социальных практик могут существовать в качестве артикуляции, реконфигурации, переноса (заимствования).

Исследователи социальных практик выделяют такие характерные для них черты, как типичность, интерсубъективность, содержательность, предсказуемость, прогнозируемость, технологизацию. Раскроем их содержательные характеристики. Типичность социальных практик связывается их с привычкой или габитусом и видами типичного социального поведения, открытого М.Вебером. Интерсубъективность в современных социальных практиках выступает важной частью процесса технологизации, выявляет коммуникативный потенциал социальных практик и повышает эффективность управления. Содержательность социальных практик показывает изменения, происходящие в современных процессах социализации подрастающего поколения, например, какой социальный опыт из прошлого потерял актуальность у современной молодежи. Предсказуемость повышает потенциал управленческих действий,

это научный элемент, необходимый для формирования социальной политики и социальных технологий. Технологизация социальных практик как макропроцесс указывает направление эволюции социальных практик, в конкретных проявлениях (например, макдонализация, играизация, символизация и других).

В XXI веке идеи анализа социальных практик развиваются в контексте функционирования культурного капитала современного общества. Ряд исследователей настаивают на включении социальных практик в содержание культурного капитала. Дж. Блазиус, Дж. Фридрикс и Ф. Куланжен в сводном реферате «Социальная стратификация вкуса» определяют «практические компетенции как форму знания, которая теоретически может быть конвертируема в экономический и социальный капиталы, либо непосредственно – когда услуги оплачиваются, либо косвенно – в случае взаимного обмена услугами. Благодаря этому практические компетенции могут рассматриваться как средство повышения экономического статуса и занимаемой позиции в социальной среде» [1, С.51]. Комментируя это высказывание, можно отметить, что такие современные социальные практики сервиса, как феноменология социальных практик обладают практическими возможностями и компетенциями в условиях технологизации социальной среды. Вышеназванные ученые обращают внимание на конверсию социальных практик: «механизмы конверсии различаются в разных социальных слоях, вследствие чего для описания общества на более высоком уровне необходимо с большим вниманием подходить к изучению компонентов культурного капитала» [1, С.51]. Ф. Куланжен, чьи труды посвящены социальным и культурным практикам, их разнообразию в связи с вопросом сложного типа их распространения. Исследователь отмечает, что сложность заключается в диверсификации и сквозной стратегии стратификационного развития практик, он считает, что на сегодняшний день отличительными характеристиками социальных действий «доминирующих классов является не их одобрение легитимной культуры, а разнообразие эстетических предпочтений» [8, С.51]. Как пишет переводчик его трудов Е.В. Кочетыгова, «он продолжает ряд исследований, основанных на теории социальной стратификации П. Бурдьё. Предмет статьи «Социальная стратификация музыкальных вкусов» – художественный вкус и его дифференциация в зависимости от занимаемой агентом социальной позиции» [8, С. 51]. Это связано, на наш взгляд с сильным влиянием социальных и культурных практик массовой культуры на развитие эстетических вкусов индивидов. Также Ф. Куланжен пишет о превалировании модели вкусового эклектизма в социальных практиках современности. Процессы их технологизации направлены на формирование и воспроизводство социальных действий, больше связанных с времяпрепровождением. В этом случае идет массовое производство символических благ, и «элиты теряют монополию на производство эстетических норм и ценностей и их оценку» [58, С.53].

Среди исследователей социальных практик в современной научной литературе присутствуют как критики, так и сторонники идей П. Бурдьё. Так Б. Фрере приводит точку зрения Р. Будона, первого критика генетического структурализма П. Бурдьё. Он пишет, что, по мнению Р. Будона «Бурдьё упрощает социальные механизмы, большим недостатком, – указывает Р. Будон, – является малая степень индивидуальной свободы и жесткая детерминация жизни человека той позицией, которую он занимает в социальной структуре» [13, С.5]. Б. Фрере отмечает, что в разработке своих идей П. Бурдьё опирался на труды Л. Витгенштейна. Из них П. Бурдьё взял основу для своего теоретического словаря, по его мнению, повседневный язык содержит слова, которые ученый должен использовать при социальном анализе. После того, как в ходе исследования выявляются содержащиеся в словах предрассудки, их можно использовать в научном дискурсе. Согласно Б. Фрере, Л. Витгенштейн был любимым автором П. Бурдьё, «анализ трудов Л. Витгенштейна заставляет сомневаться в том, что факты должны соответствовать определенным образам в нашем языке. Он убежден, что эти образы должны быть иллюзорными, поскольку коренятся в мифологическом и ненаучном анализе социального мира, осуществляемом непрофессионалами. Поэтому существует эпистемологический разрыв между непрофессиональным знанием и научной интерпретацией» [13, С.7]. Б. Фрере считает, что если бы П. Бурдьё правильно истолковал мысль Витгенштейна о том, что философская рефлексия должна помогать описывать реальное употребление языка, то «должен был поддерживать диалог с такими прагматиками как Б. Латур, Д. Блур, А. Тавено, Л. Болтански, так как эти авторы считают очевидным, что дискурс социальных акторов является результатом совместных усилий повседневного языка. Они исследуют дискурс говорящих субъектов, который «вмешивается» в конструирование смысла. Они также способны конструировать и деконструировать свои практики» [13, С.8]. Таким образом, современники, коллеги и последователи идей Бурдьё в XXI веке предлагают следующее: произвести синтез и эвристику идей Бурдьё.

Итак, исследовав основные подходы и интерпретации в отношении социальных практик в условиях технологизации, отметим, что, во-первых, социальные практики включают в себя концентрированный и организованный опыт человечества, проявляющийся в культуре, выступающий основой понимания, объяснения, принятия решения, творчества, выходящий за исторически ограниченные рамки сложившейся культуры, которая проявляет себя как основа консенсуса, интеграции любого общества. Социальные практики в условиях технологизации – сложный объект анализа социально-гуманитарных наук. Науками, способствующими исследованию вопросов происхождения социальных практик, выступают антропология, культурная

история, литература и история политики. Во-вторых, социальные практики имеют различные способы существования, они подвержены артикуляции, реконфигурации и переносу. Содержание социальных практик, по мнению ученых, будет меняться от контекста их существования. В-третьих, технологизация выступает как вектор развития социальных практик и приводит к тому, что социальные практики начинают носить латентно-принудительный характер по отношению к поведению индивида. Ряд исследователей считают, что социальные практики следует рассматривать как включенные в содержание культурного капитала. Технологизация социальных практик – это еще и сфера социальных технологий, где она выполняет связующую функцию между наукой и преобразующей практикой. Продолжающееся разделение труда привело к появлению новых сфер деятельности индивида, в этом случае технологизация выступает как ресурс обеспечения управления системой жизни общества. В-четвертых, ценностно-нормативное содержание и регулятивно-контролирующая роль данных социальных практик меняется в зависимости от трансформации системы общественных отношений, сохраняясь в снятом виде в форме отдельных элементов. Принципиальной предпосылкой данного явления выступает технологизация социальных практик как процесс, присутствующий определенному обществу, культуре, исторической эпохе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блазиус Дж., Фридрикс Дж., Куланжен Ф. Социальная стратификация вкуса (коллективный реферат) // Пер. с фр. Кочетыговой Е.В. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ РАН ИНИОН, 2005. №2. С. 50-54.
2. Бородай В.А. Проблемы институциональной системы торговых организаций, изменение социальных практик / См. Аннотация к статье, С. 164 // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. №3. С.118-121.
3. Бузский М.П. Субъектная основа бытия и регулирования общества. Волгоград, 2006. 248 с.
4. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // цит. по: Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – СПб.: «Ольга», 1996. 392 с.
5. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 605 с.
6. Волков В.В. О концепции практик (и) в социальных науках. //Социологические исследования. 1997. №6. С. 9-23.
7. Климова С.Г. Критерии определения групп «Мы» и «Они» // Социс: социологические исследования. 2002. №6. С. 83-95.
8. Куланжен Ф. Социальная стратификация вкуса (коллективный реферат) // Пер. с фр. Кочетыговой Е.В. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ РАН ИНИОН. М., 2005. №2. С. 51-58.

9. Михеева Н.И. Социально-культурная сфера в системе социального управления / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №66. С. 230-235.

10. Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв.: дисс. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 366 с.

11. Симоненко В.Д. Технологизация и инновационность образования как стратегический фактор промышленного подъема в рыночных условиях: Дис. ... д-ра экон. наук: М., 2001. 291 с.

12. Феденева Р.М. Технологизация как фактор совершенствования управленческой деятельности менеджеров: дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2000. 198 с.

13. Фрере Б. Генетический структурализм, психологическая социология и прагматическая теория социального актора: предложения по сближению направлений французской социологии. пер. с фр. П.Н.Фомичев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11. Социология: РЖ / РАН ИНИОН. М., 2005. №2. С. 5-10.

14. Хархордин О.М. Фуко и исследование фоновых практик // Библиотека Гумер, раздел «Культурология», Мишель Фуко и Россия: Сборник статей URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/03.php (дата обращения 23.08.2010).

Статья поступила в редакцию 17 августа 2011 года.

УДК 1

ФАКТОР СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИКЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Шамилева Р.К.

THE ARTICLE: THE FACTOR OF JUSTICE IN THE POLICY OF REGULATION OF SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS IN RUSSIAN SOCIETY

Shamileva R.K.

Сложность применения теории справедливости к современной российской действительности заключается в многообразии ее социально-экономических и социокультурных условий. В статье показано, что все усилия и попытки общественных преобразований в России наталкиваются на необходимость решения региональных проблем. Реализация принципа социальной справедливости, по мнению автора, обязывает рассматривать население любого территориального пункта не только как источник трудовых ресурсов, а как полноправных граждан, удовлетворение потребностей которых должно быть выдвинуто в качестве цели социального развития регионов.

This article provides some practical possibilities of using the principles of justice in the regulation of domestic economy as the most urgent issues of justice manifest themselves in the economic relations of society. The Author believes that complexity of applying of the theory of justice to contemporary Russia is due to diversity of its socio-economic and socio-cultural conditions. Hence, all efforts and attempts of social transformations in Russia are sure to run against the need for solving a number of regional problems. Implementation of the principle of social justice binds to consider population of any area not just as a source of labor resources but as freemen, meeting the needs of who must be put forward as a goal of social development of regions.

Ключевые слова: принципы справедливости, рынок; рыночная модель; российское общество; регулирование экономики; социальные отношения; социальное развитие.

Keywords: principles of justice, the market; the market model; Russian society; management of the economy; social relations; social development.

Наиболее остро аспекты справедливости проявляют себя в экономических отношениях общества. При более внимательном рассмотрении социальная и экономическая сферы не имеют жестких пространственно-временных границ. Связь между ними обнаруживается при выявлении их функций. Так, функция экономической сферы общества связана с производством и потреблением материальных благ, а функция социальной сферы в основном связана с обеспечением защиты экономических интересов каждого гражданина, гарантией общественной стабильности, созданием благоприятных условий для воспроизводства трудовых ресурсов, роста и реализации их потенциала и социальных гарантий. Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1, С.3]. В процессе проведения либеральных реформ из всех возможных моделей рыночной экономики приоритет был отдан – «монетаристской», предполагающей снижение размеров государственно-го сектора до минимума и шоковую терапию «нерыночных» слоев населения.

Однако мировая практика свидетельствует: условием гармоничного динамичного развития экономики является баланс между рынком и государством. Модель социальной рыночной экономики предполагает обеспечение не только социальной защиты населения, но и его социального развития: повышение образовательного уровня, культуры, роста уровня жизни; улучшения медицинского обслуживания и демографической ситуации. По показателям уровня образования Россия уступает Великобритании, Германии, Франции и ряду других европейских государств на личное потребление в нашей стране расходуется 50% ВВП, во Франции – 60%, в Великобритании – 64%. Дифференциация в доходах 10% наименее и 10% наиболее обеспеченных граждан существенно превышает зарубежные показатели. Коэффициент Джинни, который фиксирует степень социального расслоения и может варьировать от 0 до 1, в России- 0,4, во Франции – 0,32, в Германии и Чехии – 0,25 [2, С.61]. Одним из основных факторов реализации принципов социальной справедливости в условиях многоукладной рыночной экономики является эффективное развитие государственного сектора, особенно в отраслях, обеспечивающих пополнение бюджета страны, ее обороноспособность. Зарубежный опыт в полной мере подтверждает актуальность этой задачи. По оценкам либеральных экономистов, для достижения максимальных темпов роста в среднеразвитых странах, к которым причисляется Россия, доля

госсектора в экономике должна быть достаточно низкой – 18-21% ВВП (фактически она составляет 42%). При этом они утверждают, что в бедных странах доля государства в ВВП должна быть минимальной и возрастет с ростом благосостояния страны.

Рассмотрим критерии типизации моделей рынка. Прежде всего, возникает вопрос, если мы идем к рынку, то к какому – ведь существует несколько моделей рыночной экономики? Сегодня выделяются три основных типа рыночной экономики: либеральный, социально ориентированный и социал-демократический. Свое несогласие с выделением моделей рыночного хозяйства и необходимостью их изучения некоторые ученые аргументируют тем, что в реальной жизни их характеристики размыты и происходит неуклонное сближение типов хозяйств. Несомненно, это имеет место, и выделить определенный тип рыночного хозяйства в чистом виде на примере той или иной страны практически невозможно.

Чем объясняется сближение различных типов, их смешение? Прежде всего, изменениями социально-экономических условий в той или иной стране, которые, в свою очередь, вызывают трансформацию экономической политики, пересмотр прежних представлений и переход на иные позиции. Развитие экономики предопределяет эволюцию типов рыночного хозяйства. Одна из главных трудностей, которые возникают, как только мы пытаемся применить теорию справедливости к современной российской действительности, заключается в сложности и многообразии ее социально-экономических и социокультурных условий. Россия - многоликая страна, что определяется, в первую очередь, природными, географическими, территориальными факторами. Любые усилия попытки общественных преобразований в России непременно наталкиваются на необходимость решения множества региональных проблем. Как уже отмечалось выше, макроэкономическая деятельность государства преследует две главные цели: во-первых, обеспечивать бесперебойное функционирование народного хозяйства в целом, а во-вторых, поддерживать в обществе определенный уровень социальной справедливости.

Говоря об «определенном уровне социальной справедливости, необходимо учитывать региональные аспекты. Применительно к этим аспектам можно выделить целый ряд разновидностей социальной несправедливости, обусловленных и объективными, и субъективными факторами. Во-первых, это диспропорции в развитии регионов, имеющие свои исторические корни. Но это не значит, что в одних регионах люди более талантливы и энергичны, а в других - менее, проблема состоит в том, что в отдельных краях, областях, республиках в силу сложившихся обстоятельств люди имеют больше шансов обеспечить и повысить свое благосостояние. Региональное неравенство шансов и возможностей нельзя

отнести к числу справедливых. На выравнивание этих шансов и возможностей должна быть направлена социальная политика в центре и в регионах. Но при этом выступает на первый план и другая причина сохранения и усугубления региональных несправедливостей - неумение, неспособность, а подчас нежелание региональных властей разобраться и последовательно реализовать программы социального развития, соответствующие потребностям конкретного края, области, республики. Это определяет актуализацию проблем социальной политики в регионах, ее содержания и способов претворения в жизнь.

Основными задачами региональной политики государства являются обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации; реализация единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование конституционных прав граждан, независимо от экономических возможностей регионов; максимальное использование природно-климатических и экономических особенностей регионов.

Региональная социальная политика - составная часть политики региона. Ее основными задачами являются снижение социальной напряженности в регионе; обеспечение социальной ориентированности экономики; регулирование межрайонных различий; обеспечение социально защищенности малообеспеченных групп населения. Реализация принципа социальной справедливости обязывает рассматривать население любого, даже самого отдаленного территориального пункта не только как источник трудовых ресурсов, но и как полноправных граждан, удовлетворение потребностей которых должно быть выдвинуто в качестве цели социального развития регионов. Поэтому главным результатом осуществления региональной социальной политики должно стать создание в регионе равного доступа к потреблению гарантированного минимума социально значимых услуг и благ всем членам общества независимо от мест проживания, создание таких экономических условий в регионе, которые бы способствовали повышению уровня жизни, степени социального благополучия населения.

В условиях модернизации всех сторон жизни современного российского общества особую важность приобретает вопрос выработки и построения новой стратегии социального развития, связанный в первую очередь с разработкой принципиально новой социальной политики, основывающейся на принципах социального партнерства власти и общества. Это означает органическое единство и согласованное осуществление всех основных линий в проведении социальной политики на федеральном и муниципальном уровнях. Такое взаимодействие является объективным условием решения целого комплекса проблем, накопившихся не только за последние годы, но и за предшествующие десятилетия. Сегодня налицо целый

комплекс проблем, имеющих свою форму выражения в социальных конфликтах. Волонтаристская политика, проводившаяся в течение довольно длительного периода политическим руководством бывшего Советского Союза, неоднократно приводила к изменениям административно-политического статуса отдельных территорий. Неоднократно и произвольно, без достаточных объективных оснований перекраивались границы некоторых республик, краев, областей, что не могло не отразиться как на социальной структуре российского общества, так и социальном статусе различных социальных общностей и индивидов.

Существенным аспектом разногласий является степень автономности, предоставленная республикам, входящим в состав Российского государства. Одной из причин инициации процесса подписания двусторонних договоров субъектов Федерации с центром явилось то, что республики постоянно стремились обеспечить себе более высокий статус, что, естественно, вызывало со стороны других субъектов РФ не только критику, но и аналогичные попытки получить как можно больше суверенитета. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что в современной России налицо значительное многообразие региональных условий и традиций, пестрота в этническом составе населения, резкие контрасты в уровнях экономического и социокультурного развития. Это и обуславливает трудности в унификации региональной политики. Взаимодействие субъектов Федерации с центральной властью предполагает существенное ограничение компетенции последней и предоставление широких полномочий регионам. На этой почве и возникает и постоянно возобновляется напряженность в отношениях между центром и регионами.

Формирование неких общих представлений о справедливости служит важным фактором достижения согласия и солидарности в отношениях между центром и регионами, между разнообразными, несхожими по своим возможностям субъектами Российской Федерации. В решении стратегических задач межрегионального выравнивания важное место занимает выявление «болевых точек», наиболее острых проблем, в которых как бы аккумулируются противоречия, а, порой, и ошибки политики ускоренной модернизации общества. Нельзя не учитывать, что в отдельных регионах, местных сообществах эти противоречия проявляются более наглядно и остро, а их разрушительные последствия значительно превосходят общероссийские среднестатистические показатели.

Одной из актуальных проблем, которые встают перед современным российским обществом, является проблема становления рынка труда и механизма его регулирования в условиях трансформирующейся экономики, в том числе и на региональном уровне. Обеспечение стабильности регионального развития в значительной мере зависит от выбора модели политики занятости

и механизмов регулирования социальных отношений в обществе, которые, с одной стороны, - способствовали бы трансформации народнохозяйственного комплекса, сохранению и созданию новых рабочих мест, с другой стороны, обеспечивали бы конкурентоспособность работника на рынке труда, повышали его мотивацию к производительному труду.

Формирование такой системы в нашей стране, как уже отмечалось выше, затрудняется многообразием социально-экономических условий регионов. В одних регионах наблюдается рост безработицы, в других, напротив, - нехватка рабочей силы. Различаются регионы по характеру и видам безработицы, видам дефицита трудовых ресурсов, социально-демографическим, профессиональным, образовательным и иным показателям занятого и безработного населения.

Портрет безработицы (с социальными, демографическими, социально-психологическими особенностями) необходимо иметь в каждом регионе для более четкого определения ориентиров социальной политики. Имеющиеся данные убедительно показывают то, насколько безработица и сопряженная с ней крайняя степень нищеты уродуют, души людей, превращая их в маргиналов, лишенных нормальных социальных связей.

Система регулирования на рынке труда в современных условиях должна ориентироваться на переход от преимущественно пассивных мер по поддержанию и увеличению занятости к активным формам работы в этом направлении. В частности, необходимо предусмотреть стимулирование предпринимателей, сохраняющих и создающих новые рабочие места в перспективных отраслях и сферах деятельности, путем налоговых, кредитных льгот, предоставления государственных заказов; организацию общественных работ (прежде всего для сооружения объектов инфраструктуры). В связи с этим особую значимость приобретает создание единого банка данных о наличии вакантных рабочих мест, субсидирование географической мобильности населения службы занятости (компенсация дорожных расходов, субсидий на обустройство и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Статья 7. – М.: Юридическая литература. 1993. - 64с.
2. Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях // Вопросы экономики. 2009. С. 59-65.
3. Система ценностей современного общества. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. / Под общ. Ред. С. С. Чернова.– Новосибирск, 2010. С.243-244.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 года.

УДК 1.316

СТРАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСПОДСТВА (ОБРАЩАЯСЬ К МИШЕЛЮ ФУКО)

Якуба Э.В.

FEAR AS A TOOL OF DOMINATION (REFERRING TO MICHEL FOUCAULT)

Yakuba E.V.

Статья посвящена рассмотрению анализа использования страха как стратегии власти, произведенного философом XX века М. Фуко. М.Фуко, отмечает автор, один из мыслителей, обративших внимание на тот факт, что отношение власти выстраивалось не только через традиционно понимаемую в политологии и юриспруденции систему права и формальных институтов, экономических санкций, но, в первую очередь, через эмоциональный «захват» индивида как существа телесного и душевного. В работе подчеркивается, что тенденция использовать страх как средство социального и политического подавления неотделима от становления человеческой свободы как нормы и практики социального бытия западного общества в последние два-три столетия.

The article is devoted to the analysis of using human fear as a strategy of power on the works of one of the most well-known philosophers of the twentieth century - Michel Foucault. We consider that Foucault is one who drew attention to the fundamental fact that the attitude of the authorities was exercised not only through traditionally understood political science, law system, formal institutions, economic sanctions, but first of all through emotional «grip» of the individual as a physical and mental object. The author emphasizes that the tendency to use fear as a means of social and political oppression is inseparable from the emergence of human freedom as the norm and practice of social existence in Western society over the past two or three centuries.

Ключевые слова: М. Фуко, эмоции, страх, утрашение, Новое время, человеческое тело, наказательные практики, личная безопасность.

Keywords: foucault, emotions, fear, intimidation, New Age, the human body, punitive practices, personal security.

Человеческие эмоции – мощная сила, которая всегда использовалась в стратегиях власти и управления. Страх, сильнейшая из эмоций, во все времена выступал могучим инструментом манипуляции и прямого принуждения, так как действовал быстро и безотказно. На заре Нового времени (в результате мировоззренческого Ренессанса, Лютеровской Реформации, зарождения капиталистических отношений) изменялись свойственные прежней эпохе практики социального и политического управления. Трансформировалась сама сущность власти. Но человеческий страх как сильнейшая эмоция оставался в арсенале власти, хотя средства его использования становились иными. Совершенствовались способы «игры на чувствах», они «модернизировались» в направлении большей жесткости и масштабности.

Понять суть происходивших изменений, их динамику и тенденции сумел французский мыслитель М. Фуко, который посвятил этой проблематике

специальный труд «Надзирать и наказывать», а также ряд других работ, в которых философ на богатом историко-фактологическом материале прослеживает становление современной практики наказаний и соответствующих технологий и дискурсов (юридических, политических, судебно-медицинских, тюремных и пр.) [1, С.3]. При этом самое пристальное внимание он уделяет как раз вопросу о специфике форм устрашения людей как способу закрепления отношений власти в обществе, способу ее саморепрезентации и демонстрации своей абсолютной силы.

Классической формой устрашения в Новое время становится смертная казнь. Она выступает не только простым средством наказания провинившегося, но и, в первую очередь, формой психологического подавления. Современников поражало разнообразие форм причинения смерти, способов заставить человека страдать как физически, так и морально. Различные уголовные уставы и судебные инструкции того времени словно соревновались друг с другом в степени жестокости казни и степени публичности каждого мгновения физического страдания и боли. Казнь и другие виды наказаний были именно публичными, и в этой публичности как раз и заключалась устрашительная практика. Казнь, совершенная под покровом тайны, не способна произвести тот эффект, который производит публичное бичевание человека, представляющее собой фактически спектакль власти. «В церемониях публичной казни главным персонажем является народ, чье реальное и непосредственное присутствие требуется для ее проведения. Казнь, о которой все знают, но которая вершится втайне, едва ли имеет смысл. Цель состоит в том, чтобы преподать урок, не только доводя до сознания людей, что малейшее правонарушение скорее всего будет наказано, но и внушая ужас видом власти, обрушивающей свой гнев на преступника» [2, С.71].

М.Фуко рассматривает специфику организации практики смертной казни на примере уголовного «Уложения» 1670 г., изданного во Франции. «Уложение 1670 г. определяло общие формы уголовно-правовой практики вплоть до Революции. Вот иерархия предписываемых им наказаний: “Смерть, допрос с применением пыток для вырывания доказательств, каторжные работы на определенный срок, наказание кнутом, публичное покаяние, ссылка”. Налицо заметный перевес физических наказаний. Обычаи, характер преступления, общественное положение осужденных вносили дополнительное разнообразие. “Смертная казнь включает в себя много способов лишения жизни: одних преступников приговаривают к повешению, других - к отсечению кисти руки, вырыванию или протыканию языка с последующим повешением; за более тяжкие преступления - к разламыванию и смерти на колесе (после того, как конечности оторваны); иных разрывают на части до тех пор, пока не наступит естественная смерть, кого-то приговаривают к удушению, колесованию, сожжению

живьем, сожжению с предварительным удушением, других - отрубанию или протыканию языка с последующим сожжением живьем, раздиранию четырьмя лошадьми, к отрубанию или раскалыванию головы» [2, С.51]. Как видно из этой выдержки «Уложения», практика наказаний и казни главный акцент делала не столько на простом факте наказания или лишения жизни преступника, сколько на различных страданиях и муках, демонстрации силы государственного судилища, его бесконечности и могущества. Созерцание подобных сцен колесования, четвертования или отсечения отдельных членов, которое было практически обязательным в ту эпоху, естественно оказывало самое прямое и сильное действие на человеческую психику, на эмоции, вызывало жуткие страх и трепет. «Правосудие обнаруживается в публичной казни как физическая, материальная и страшная мощь суверена. Церемония публичной казни и пытки выставляет на всеобщее обозрение отношение власти, передающей свою мощь закону» [2, С.67].

«Кроме того, пытка составляет часть ритуала, – отмечает Фуко. - Она является элементом карательной литургии и отвечает двум требованиям. Она должна помечать жертву; она предназначена для того, чтобы посредством оставляемых на теле осужденного ран либо собственным блеском клеймить его позором. Даже если функция пытки – “очищение” преступника, она не примиряет; она вычерчивает вокруг тела осужденного или, скорее, на самом его теле нестираемые знаки. *Люди обязательно сохраняют в памяти публичное зрелище, позорный столб, пытку и страдания, которые они наблюдали.* А с точки зрения правосудия, предписывающего публичную пытку, она должна быть ярким зрелищем, должна восприниматься всеми почти как торжество правосудия. *Сама чрезмерность совершаемого насилия - один из элементов величия правосудия: тот факт, что преступник стонет и кричит под ударами, - не постыдный побочный эффект, он есть сам церемониал правосудия, выражающего себя во всей своей силе.* Отсюда, несомненно, ясен смысл пыток, продолжающихся даже после смерти, таких, как сжигание трупов, развешивание пепла по ветру, волочение тел на плетенках и выставление их на обочинах дорог» [2.С.50] (выделено нами. – Э.Я.). В XVII-XVIII вв. были широко распространены литографии и гравюры, изображающие сцены казней (главным образом, казней мучительных, по типу колесования), т.е. сама эта тема не была под каким-то запретом, наоборот, она всячески культивировалась, поддерживалась властью, тиражировалась, словно напоминая народу о границах дозволенного в данном обществе, необходимости глубочайшего трепетного почитания верховной власти.

Если в эпоху средневековья принцип устрашения основывался на полумистическом ожидании конца «последних времен» (Новый Завет), возможности оказаться в плену у Сатаны, в нижних, самых жутких кругах Ада и т.д.,

то в Новое время уже явно чувствуется влияние секуляризованного миро-восприятия, сохраняющего еще первенство Бога в общей структуре универсума, но в делах сугубо земных сосредотачивающегося вокруг индивида как существа эмпирического, телесного. Меняется и содержание человеческих страхов. От страха *потустороннего* мира и сил трансцендентных происходит движение к страху страданий в *этом* мире, в этой жизни человека. Но и страх потустороннего также сохраняется. И в этом явно прочитывается социально-политический смысл – сохранить существующий строй, удержать индивида в подчинении здесь и теперь (лучше сохранять послушание в этом мире, чтобы не так сильно мучиться в аду). «...На самом деле практика публичных казней и пыток основывалась дотолем не на экономии примера, как он понимается в эпоху идеологов (мысль о наказании должна побеждать интерес, толкающий к преступлению) [читай: в эпоху Модерна], а на *политике устрашения*: через тело преступника все должны ощутить неумеренное присутствие государя. Публичная казнь не восстанавливала справедливость, она реактивировала власть. Следовательно, в XVII и даже в начале XVIII века она (с театром террора) не была пережитком ушедшей эпохи. Ее жестокость, блеск, насилие над телом, неравная игра сил, детально продуманный церемониал, словом, весь ее аппарат был вписан в политическое функционирование судебно-правовой системы. Отсюда понятны некоторые характерные черты литургии публичных казней. И прежде всего важность ритуала, развертывающегося перед публикой во всей своей пышности. Ничто не должно быть скрыто в этом торжестве закона» [2, С.64].

М. Фуко - один из тех немногих авторов, кто обратил вообще внимание на тот фундаментальный факт, что отношение власти выстраивалось не только через традиционно понимаемую в политологии и юриспруденции систему права и формальных институтов, экономических санкций, но может, в первую очередь, именно через «захват» индивида как существа телесного и душевного. Действительно, человек может бояться жизни после смерти, темных сил и т.п., однако, ничто так не возбуждает его страх как красочный вид жесточайших мучений его собственного тела (а тело у всех людей одинаковое, и наблюдение за процессом отрывания рук чужому человеку чисто психологически мгновенно экстраполируется на руки *собственные*). «Тело осужденного становится существенным элементом церемонии публичного наказания. Виновный должен вынести на всеобщее обозрение приговор и факт совершенного преступления. Выставляемое напоказ, водимое по улицам, демонстрируемое, терзаемое, тело осужденного служит зримой подставкой для процедуры, которая прежде оставалась в тени; в нем, благодаря ему акт правосудия становится очевидным для всех» [2, С.64]. Хитрость наказания подобного рода заключается в том, что оно как некая демонстрация объемлет собой не только смыслы существования в

этом мире, но также и не исключает, а даже и по-новому открывает вечное измерение человеческого бытия, его продолжение в мире потустороннем. Продолжение, разумеется, не самое сладкое. Фуко использует очень емкую и выразительную метафору для обозначения своеобразной «метафизики» устрашения в таких наказательных практиках – *театр ада*. Человек должен и будет бояться не только возможности применения к нему такого же жестокого наказания в случае нарушения монаршей воли, но и в еще большей степени тех адских мучений, облегченным (!) прообразом которых выступает наблюдаемая казнь или пытка. «...Медленность процесса казни, ее драматические повороты, крики и страдания осужденного играют роль последнего испытания в завершение судебного ритуала. Всякая агония сообщает определенную истину, но агония на эшафоте сообщает ее с большей силой, ибо она ускоряется болью; с большей строгостью, ибо она проявляется на самой грани между судом людским и судом Божьим; и с большей оглаской, ибо она происходит на публике. Страдания в процессе казни продолжают страдания предшествовавшего судебного дознания; однако в судебном дознании игра не сыграна и подозреваемый еще может спасти свою жизнь; а теперь он, несомненно, умрет, а значит, должен позаботиться о спасении души. *Вечная игра уже началась: казнь предваряет потусторонние кары; она показывает, в чем они заключаются; она - театр ада*; крики осужденного, его сопротивление и проклятия уже возвещают его неотвратимую судьбу» [2, С.59] (выделено нами. – Э.Я.). Известно, что в европейских городах места публичных казней – это, как правило, центральные городские площади с хорошим круговым обзором.

Специфика всех этих процедур казней состоит именно в том, что они требуют для полной реализации своей основной функции устрашения наличия *зрителя* – народа, подданных, - всех тех, кто должен внимания ужасу зрелища, согбенно думать о величии власти, о непоколебимости существующего строя, о недостижимости такого могущества и т.д. «Но роль народа в сцене устрашения двусмысленна. Людей созывают как зрителей: они собираются, чтобы наблюдать публичное выставление и покаяние; позорные столбы, виселицы и эшафоты воздвигаются на людных площадях или на обочинах дорог; иногда трупы казненных по нескольку дней демонстрируются близ мест совершения преступлений. Люди должны не только знать, но и видеть собственными глазами. Ведь *надо заставить их бояться*. Но они должны быть также свидетелями, гарантами и в какой-то мере участниками наказания. Они имеют право быть свидетелями и требуют соблюдения своего права» [2, С.74]. В данном случае М.Фуко проводит прямую линию связи между нововременным социальным строем и теми изменениями, которые охватили Европу уже на заре Модерна, в ситуации революционных потрясений. Толпа, ревущая на улицах революционного Парижа – это та самая толпа, которая несколькими годами ранее взирала

на публичные казни. М. Фуко не проводит четкого различия между классической европейской и современной культурой в том, что касается установления отношений власти. Их он рассматривает как процесс линейный и прогрессирующий (это относится также и к знаниевым структурам). Он показывает отличие технологий устрашения прошлого от индустриальной цивилизации, связанное с увеличением в последней доли дисциплинарных дискурсов.

Как видно из анализа М.Фуко (равно как и вообще из истории практики и мышления), несмотря на развитие в этот период научного способа отношения человека к миру, технический и правовой прогресс, на достижения эпохи Модерна, развитие отношений власти не только не избавляется, но даже в еще большей степени делает ставку на человеческий страх во всех его модификациях: ***страх как основание социально-политического, экономического и нравственного подавления.***

Тенденция эта неотделима от становления человеческой *свободы* как нормы и практики социального бытия западного общества в последние два-три столетия. Формирование свободы как институционально закрепленной практики социо-антропологического опыта в еще большей степени, чем, например, в рабовладельческом обществе времен Платона и Аристотеля, делает личность уязвимой, подверженной внутренним страхам за свое *освобожденное* существование. Не случайно Э.Фромм [1] говорит о бегстве от свободы современного индивида – она его очень сильно тяготит не только потому, что гораздо комфортнее жить тогда, когда кто-то за тебя принимает основополагающие решения, но и потому, что чем более ты свободен, тем более ты будешь опасаться за собственное существование. Если именно *Ты* – суверен социальной деятельности, то малейшие колебания окружающей действительности могут вызывать ощущение *краха* (тотального и бесповоротного) *твоего* собственного мира («тела» и «души»). Потому либерализм как суммарная ценностная стратагема западного мира Модерна и Постмодерна как некая «игра истины» (М.Фуко)– это лишь одна сторона медали, другая состоит именно в том, что человеком, права и обязанности которого записаны в Декларациях и Конституциях, можно легко управлять, влиять на его решения, делать это всякий так, что он будет считать свои решения мотивированными сугубо имманентно, *из соображений своей личной безопасности и устойчивости* («субъект складывается через практики подчинения, или – более автономным образом – через практики освобождения» [3, С 301].

Таким образом, социокультурная история в том виде, в каком она привела к формированию современной цивилизации рынка, демократии и глобальных ценностей, наглядно свидетельствует не столько об уменьшении роли эмоциональной сферы, в частности, страха, в социальной практике, сколько о резком возрастании внерациональных форм регуляции человеческого поведения и деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2011.
 2. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 71.
 3. Фуко М. Эстетика существования // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: «Праксис», 2006. Ч. 3.
- Статья поступила в редакцию 10 ноября 2011 года.

ЭКОНОМИКА

УДК 338.24.01

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА DEA ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ИННОВАЦИОННЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР

Конюхов В.Ю., Красикова Т.Ю.

DEA-METHOD APPLICATION FOR EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF INVESTMENT IN INNOVATIVE RESEARCH AND EDUCATIONAL CLUSTER

Konyukhov V.Yu., Krasikova T.Yu.

Статья посвящена непараметрическому методу измерения эффективности - методу DEA. Внимание обращается на возможность при применении данного метода детально анализировать как кластер в целом и его отдельные элементы, так и эффективность не одного образовательного кластера, а комплекса образовательных кластеров в инновационной инфраструктуре одного вуза. Авторами предлагается модернизированная модель метода DEA, позволяющая оценивать инвестиции в кластер на различных этапах его функционирования, и разработанная система показателей.

The article is devoted to nonparametric method of measuring effectiveness - the method DEA. Attention is drawn to the possibility for applying this method to analyze in detail the cluster as a whole and its separated elements; it is possible to analyze the effectiveness of education is not a cluster, but clusters in the range of educational innovation infrastructure of a University. The authors propose the improved DEA-model, which allows to evaluate investments in the cluster at different stages of its operations, and developed a system of indicators.

Ключевые слова: метод DEA в образовании, инновационный научно-образовательный кластер, инвестиции в образование, коммерциализация вузовской науки, показатели Input и Output в DEA

Keywords: DEA-method, Innovative Science-Educational Cluster, investment in education, commercialization of "University science", input and output indicators in DEA.

Вопрос определения оценки эффективности инвестиций в инновационный научно-образовательный кластер не является простой математической задачей. Этот вопрос требует тщательного и комплексного подхода.

В мировой практике подобные задачи решают при помощи применения анализа Data Envelopment Analysis (DEA) (в отечественной науке этот метод называется АСФ или метод инкапсуляции данных или анализ оболочки данных).

До сих пор в отечественной экономической науке активно не используется методический инструментарий, подход к которому активно развивался на Западе с начала 50-х годов. Этот подход носит название оценки технической эффективности, когда фактический показатель выхода продукции сравнивается с максимально возможным при данном количестве ресурсов. Объекты инвестирования либо предприятия, обеспечивающие максимум выгоды, заложенной изначально в проект инвестирования, берутся в качестве «эталоны», с которым сравниваются все остальные предприятия по степени использования ими ресурсов. Строится производственная функция на основании этих лучших результатов, т.е. эффективные предприятия или объекты инвестирования образуют «границу эффективности производства». Измерение этой границы – границы эффективности – для образовательных учреждений в западной практике производится несколькими методами. Принимая во внимания тот факт, что существует возможности сравнивать показатели частной эффективности использования ресурсов определенного объекта или предприятия с показателями других объектов или предприятий, применяется метод DEA, позволяющий построить «оболочку данных» методом линейного программирования. «Оболочка данных» позволяет задать границу производственных возможностей, т.е. максимально возможный выход продукции при любой комбинации ресурсов. Эффективность инвестиций в образовательный процесс внутри образовательного кластера, а также в функционирование образовательного кластера может характеризоваться наличием либо достижением множества или совокупности результатов, таких как “достижение академических результатов и неакадемических результатов” [3], что опять же говорит о целесообразности применения метода DEA.

DEA является методом непараметрической исследования операций и экономических действий для оценки эффективности производственных границ. Он популярен для использования в качестве эмпирической меры при определении технической эффективности определенного объекта (Decision Making Unit- DMU). Если сформулировать техническую эффективность определенного объекта (DMU)- в нашем случае объектом выступает образовательный кластер как необходимый элемент инновационной инфраструктуры - как соотношение произведенных образовательных услуг (Output) к использованным ресурсам (Input), то возникает вопрос, как можно сравнить между собой различные производственные объекты (DMU) относительно их эффективности. Особенно трудно это сравнение для тех объектов, для которых не существует рыночных цен и которые представлены в различных единицах и в различных

шкалах, что ведет (в конечном итоге) к невозможности агрегации ни инвестиций, ни конечного эффекта функционирования образовательного кластера в нашем исследовании. Применение метода DEA к вопросу оценки эффективности инвестиций в инновационный научно-образовательный кластер представляется нам оправданным.

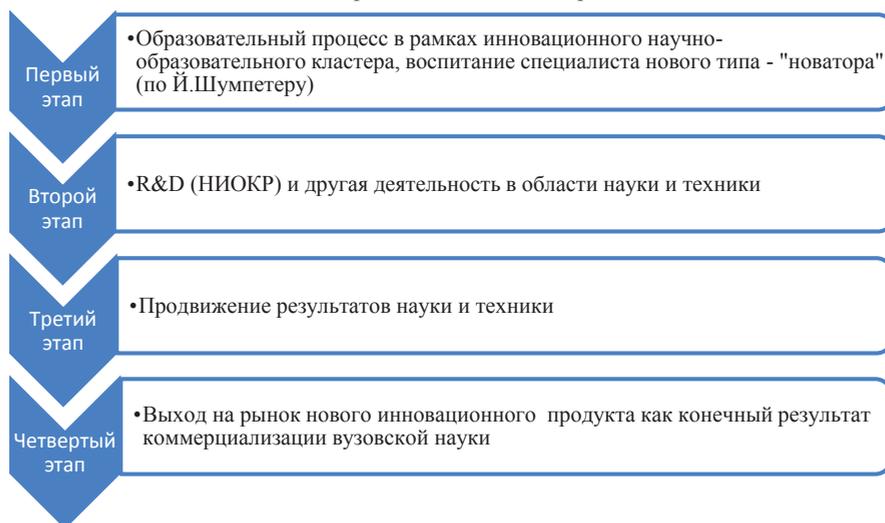
При применении метода DEA становится возможным анализировать эффективность не одного образовательного кластера, а комплекс образовательных кластеров в инновационной инфраструктуре одного вуза, применяя во внимание, что образовательные кластеры, как правило, входящие в инновационную инфраструктуру вуза, не имеют однородной структуры, каждый обладает существенными различиями, которые не позволяют их объединять в единое целое в процессе анализа.

При анализе оболочки данных основополагающим моментом является эффективность, которая определяется как частное от деления суммы всех выходных параметров на сумму всех входных факторов. Для каждой принимающей решения единицы исследования (DMU), определяется величина эффективности и проводится сравнение наблюдений. Исходным пунктом является то, что эффективность или неэффективность объекта определяется принятием собственных решений. Эта эффективность рассчитывается как соотношение суммы взвешенных результатов деятельности предприятия к сумме взвешенных использованных средств (ресурсов):

Техническая эффективность = $(\sum \text{взвешенные выходные параметры}) / (\sum \text{взвешенные входные параметры})$

Оценка соответствующих величин происходит при помощи оптимизации.

Рисунок 1. Модель DEA, применяемая при оценке эффективности инвестиций в образовательный кластер.

Предлагаем модель DEA (см. рис.1) для оценки эффективности инвестиций в инновационный научно-образовательный кластер, на основе которой нами разработали систему показателей, показанную в таблице 1.

Input	Промежуточный уровень (этап 1)-1	Промежуточный уровень (этап 2)-2	Промежуточный уровень (этап 3)-3	Output
*Количество студентов; *Количество отраслей (фирм), участвующих в образовательном кластере; *Расходы по инновационной деятельности; *Расходы на образование; *Расходы на инфраструктуру, оборудование.	*Реально трудоустроенные выпускников по полученной специальности; *Средний выпускной балл в год; *Срок адаптации молодого специалиста в компании, отрасли; *Количество поступивших аспирантов данной области из данного кластера	*Количество сотрудников кластера, в том числе аспирантов и молодых ученых), вовлеченных в процесс R&D; * Количество статей и индекс цитируемости в научной периодике.	*Патенты; *Проекты по новым инновационным продуктам; *Увеличение объема заказов вузу в рамках образовательного кластера либо совокупности образовательного кластера на НИОКР со стороны реального сектора экономики	*Итоговая выручка по продажам нового продукта; *Доля университета в региональном валовом доходе; *Инновационный индекс региона, страны

Таблица 1. Система показателей для метода DEA, применяемого для оценки эффективности инвестиций в инновационный научно-образовательный кластер.

Предлагаемая в данной статье система показателей не является исчерпывающей и окончательной. Напротив, она относится к разряду динамичных и будет развиваться, дополняться при каждом последующем исследовании. На данном этапе мы считаем, что включили в нее наиболее важные индикаторы, позволяющие оценить инновационное развитие университета, его место и роль в развитии региональной и национальной инновационных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andrea Bonaccorsi, Massimo G. Colombo, Massimiliano Guerini, Cristina Rossi Lamastra “The effect of Higher Education Institutions on the creation of new firms: A comprehensive evidence on the Italian case”
2. LI Shuangjie, SONG Hui DEA Model Application on Evaluating Technological Innovation Efficiency for Regions or Manufacturing Sectors - URL: <http://www.seiofbluemountain.com/upload/product/200910/2007glhy15a8.pdf> [Электронный ресурс]
3. Thanassolis E. “Introduction to the Theory and Application of DEA: Foundation Text with Intergrated Software” Kluwer Academic Publishers, Boston, 2001
4. Лисситса А., Бабичева Т. Анализ оболочки данных (DEA) – современная методика определения эффективности производства, Discussion Paper No. 50, 2003.

5. Конюхов В.Ю. Традиционная модель стратегического менеджмента для университетов, колледжей и факультетов (статья)/Проблемы Земной цивилизации/Сборник статей «Поиск решения проблем выживания, безопасности и развития Земной цивилизации».- Иркутск: Выпуск 18, 2007г.-283с. С.91-95/5с./3с./Щадов М.И./;

6. Красикова Т.Ю. Оценка эффективности инвестиций в образовательный кластер / Т. Ю. Красикова // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. - 2011. - № 8. - С. 215-217.

Статья поступила в редакцию 23 января 2011 года.

УДК 33.332

РОЛЬ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В РОССИИ

Магомаева Л.Р.

THE ROLE OF DIRECT INVESTMENT TO FINANCE INNOVATION MEDIUM AND SMALL BUSINESS ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Magomaeva L.R.

В статье рассматриваются вопросы об источниках и проблемах финансирования инновационной деятельности малых и средних предпринимательских структур в Российской Федерации. Автор считает, что для национальной российской экономики источником развития малого инновационного предпринимательства в значительной степени стали прямые иностранные инвестиции. В работе сделаны выводы в том, что инвесторы, занимающиеся финансированием инновационных проектов малых предприятий, должны обладать готовностью к риску, специальными отраслевыми знаниями, опытом в продвижении инновационной продукции.

The article observes the sources of financial problems and innovative activities of small and medium-sized business entities in the Russian Federation. The Author thinks that foreign direct investment is the national source of Russian economy to provide the development of small innovation entrepreneurship. The Author concludes that investors in innovative projects and small businesses must have a willingness to take risks, specific industry knowledge and experience in the promotion of innovative products.

Ключевые слова: малые и средние предпринимательские структуры, прямые инвестиции, финансовые ресурсы, кредит, бизнес - ангелы.

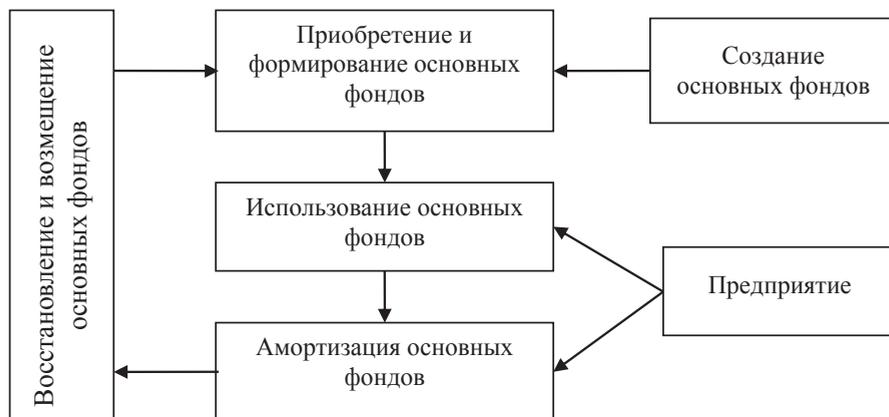
Keywords: small and medium business organizations, private equity, financial resources, credit, business - angels.

В современных условиях глобализации экономический рост и создание новых рабочих мест в развивающихся странах и странах с переходной экономикой определяются двумя основными факторами – наличием финансирования в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и развитием малого и

среднего предпринимательства (МСП). ПИИ представляют собой крупнейший источник внешнего финансирования для развивающихся стран. Прямые иностранные инвестиции могут ускорить создание основного капитала и способствовать нормализации платежного баланса. Еще Дж. Кейнс отмечал, что инвестиции являются главным фактором стимулирования совокупного спроса [1, С.156]. По мнению ЮНКТАД (United Nations Conference for Trading and Development— Конференция ООН по торговле и развитию), ПИИ могут способствовать созданию новых рабочих мест, повышению производительности труда, передаче навыков и технологий, увеличению объемов экспорта и долгосрочному экономическому росту развивающихся стран во всем мире [4, С.42]. На предприятиях воспроизводство основных фондов осуществляется за счет прямых инвестиций, путем передачи объектов основных фондов учредителями в счет взносов в уставный капитал или при безвозмездной передаче юридическими и физическими лицами. Схема воспроизводства основных фондов представлена на рис. 1.

Главным образом, при расширенном производстве используют прямые инвестиции, которые представляют собой затраты на создание новых объектов основного капитала, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих.

Рисунок 1. Схема воспроизводства основных фондов [3, С.32]

Основными источниками финансирования прямых инвестиций в настоящее время являются собственный капитал и резервы; кредитные ресурсы; средства, привлеченные с помощью эмиссии ценных бумаг, паевых и иных взносов юридических и физических лиц; средства внебюджетных фондов; денежные фонды, поступающие в порядке перераспределения из инвестиционных фондов, ассоциаций, концернов; бюджетные ассигнования, предоставляемые на безвозвратной основе; иностранные инвестиции.

В большинстве случаев сфера прямых инвестиций ограничена частными семейными компаниями и недавно созданными предприятиями, привлекающими рискованные капиталовложения и частный капитал. Многим небольшим компаниям приходится рассматривать прямые инвестиции как основной источник финансирования. Прямому инвестированию присущи определенные проблемы, с которыми могут столкнуться как поставщики капитала, так и потребители [5, С.306].

Осуществлением прямых инвестиций в малые инновационные предприятия занимаются далеко не все типы инвесторов. Как отмечает Й. Шумпетер, «для осуществления инноваций берутся кредиты у «старых» фирм и компаний» [6, С.206]. При этом инвесторы и кредиторы, занимающиеся финансированием инновационных проектов малых предприятий, должны обладать готовностью к риску, в ряде случаев – специфическими знаниями в отрасли, в которой осуществляются инвестиции, а также опытом в продвижении инновационной продукции. Основными потенциальными источниками финансирования проектов малых инновационных предприятий традиционно являются следующие институты [2, С.117]: государственные организации и фонды, оказывающие содействие инновационной деятельности; венчурные фонды; «бизнес-ангелы».

В рамках данного исследования нас интересуют венчурные инвесторы, которые реально занимаются осуществлением прямых инвестиций в малые предприятия, управлением ими, заинтересованы в развитии компании и продвижении ее продукции. Венчурные паевые инвестиционные фонды – это паевые инвестиционные фонды закрытого типа. Их главная особенность заключается в том, что они ориентированы на долгосрочное вложение капитала и имеют возможность покупать доли в обществах с ограниченной ответственностью, акции открытых и закрытых акционерных обществ. Венчурные фонды могут реализовывать различные проекты, связанные с реальной экономикой, а не с финансовым рынком. Для успешного развития венчурных фондов и венчурной индустрии в целом необходима инфраструктура и работающие инструменты как для «входа» инвесторов в бизнес, так и для «выхода» из него. Возможными вариантами выхода инвесторов могут быть продажа бизнеса стратегическим инвесторам, другому венчурному фонду или продажа через открытые торги на бирже. На сегодняшний день реально работающих инструментов по выходу венчурного инвестора из компании после завершения проекта в российских условиях практически нет.

В настоящее время в развитых странах венчурная индустрия рассматривается как один из ключевых источников финансирования инноваций, в России

же венчурный капитал мало занимается финансированием малого предпринимательства, занятого в производстве высокотехнологичной продукции. Не в полной мере заслуживают внимания венчурные инвесторы из развивающихся стран в силу объективных факторов, в первую очередь, недостатка опыта в управлении венчурными предприятиями и незначительным объемом финансовых ресурсов в управлении. Важно развивать связи с представителями рынка венчурного финансирования развитых стран. Наиболее целесообразным выглядит сотрудничество со странами Европейского Союза и США. Эти страны традиционно считаются одними из наиболее активных инвесторов в области научных исследований и разработок. Рынки данных стран характеризуются высокой покупательной способностью населения и развитой финансовой инфраструктурой, что позволяет рассчитывать, с одной стороны, на проявление спроса на инновационную продукцию со стороны населения, а с другой, - на интерес со стороны венчурных инвесторов и высокотехнологичных компаний указанных стран к сотрудничеству с российскими компаниями.

Естественно, венчурные инвесторы предпочитают осуществлять финансирование малых предприятий в тех высокотехнологичных отраслях, в которых они имеют определенный опыт оценки рисков, отбора и управления проектами. С этой точки зрения интересно изучение отраслевой структуры инвестиций в стране – потенциальном доноре инвестиций, что поможет понять наличие или отсутствие у представителей венчурного рынка страны опыта инвестирования в высокотехнологичные предприятия, занятые в данных отраслях.

В статье на основе исследования особенностей применения прямых инвестиций (особенно роли венчурных фондов) для финансирования предпринимательской деятельности в России сделаны следующие выводы: прямые инвестиции для средних и малых инновационных предпринимательских структур являются основным методом расширенного воспроизводства и многим небольшим компаниям нужно рассматривать их как основной источник финансирования; прямые инвестиции, в отличие от схемы кредитования, позволяют финансировать высокорискованные инновационные проекты, тогда как кредит, в качестве источника финансирования, более подходит для низкорискованных проектов по выпуску продукции или оказанию услуг по договорам, гарантирующих оплату, или на условиях частичного авансирования; инвесторы, осуществляющие финансирование инновационных проектов малых предприятий, должны обладать готовностью к риску, специальными отраслевыми знаниями, опытом в продвижении инновационной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993. – 518 с.
2. Литвак Е.Г. Исследование состояния зарубежных финансовых и товарных рынков: возможности и потребности малого инновационного предпринимательства Москвы. – М.: АНО «НИСИПП». – 2005. – 212 с.
3. Прохоровский В.С., Чайникова Л.Н. Финансы малых предприятий: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2003. – 96 с.
4. Руководство по лучшей практике в области формирования позитивного делового и инвестиционного климата. – ОБСЕ, 2006. – 288 с.
5. Фрост Стивен М. Настольная книга банковского аналитика: Деньги, риски и профессиональные приемы / Н.В. Рудь (науч.ред.), О.В. Теплых (пер.). – Д.: Баланс Бизнес Букс, 2006. – 672 с.
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 400 с.
7. Шарп У., Бейли Дж., Александер Г. Инвестиции. – М.: Инфра-М, 2001. – 1028 с.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2011 года.

УДК 332.133.42

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Растворцева С.Н.

DEVELOPMENT OF AGGLOMERATION PROCESS IN RUSSIAN REGIONS

Rastvortseva S.N.

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ.

Проект № МК-5012.2011.6.

Целью статьи является оценка наличия агломерационных процессов и измерение степени концентрации экономической активности в регионах России. Рассмотрены основные зарубежные подходы к оценке агломерационных процессов. Исследование проводится по трем направлениям. Для анализа концентрации населения в городах России используется динамика плотности населения городов за период 1990-2010 гг. С целью исследования процессов концентрации экономической активности в российских регионах оценивается индекс Херфиндаля-Хиршмана в сфере промышленного производства и инвестирования, индекс Джини в промышленности.

The purpose of this paper is evaluation of agglomeration processes and estimation of economic activity concentration in Russian regions. The main foreign approaches to agglomeration processes is examined. The study is carried out in three ways. To analyze the concentration of population in cities of Russia the dynamics of population density of cities over the period 1990-2010 is used. In order to study the processes of concentration of economic activity in the Russian regions Herfindahl-Hirschman index of industrial production and investment, the Gini index in the industry is estimated.

Ключевые слова: агломерационные процессы, новая экономическая география, концентрация экономической активности в регионе, региональная экономика.

Keywords: agglomeration process, new economic geography, concentration of economic activity in the region, regional economy.

Исследование процессов концентрации экономической активности, или так называемых агломерационных процессов, становится актуальным направлением в региональной науке в последнее время. В 2008 году один из основоположников новой экономической географии, Пол Кругман, был удостоен Нобелевской премии. Сегодня в Санкт-Петербургском филиале Высшей школы экономики создается лаборатория теории рынков и пространственной экономики под руководством известного бельгийского экономиста Ж-Ф. Тисса с целью научного обоснования и математического моделирования развития крупных российских мегаполисов [8]. Интерес к данному научному направлению вызван растущей конкуренцией среди регионов за ограниченные ресурсы: инвестиции, рабочую силу, технологии и т.д. Более успешные регионы притягивают и аккумулируют ресурсы, создавая благоприятную среду для развития бизнеса, формируя новый уровень деловой инфраструктуры. Агломерационный процесс продолжается до определенного момента, когда силы, способствующие рассеиванию производства, начинают превалировать над центростремительными силами. По этой причине важно не только проанализировать условия, способствующие возникновению агломерационного эффекта в регионе, но и определить степень напряжения между центростремительной (тенденция концентрации экономической активности) и центробежной (тенденция рассеивания) силами для того, чтобы предвидеть условия, при которых произойдет разрывное изменение сложившегося в регионе напряжения.

В российской и зарубежной практике можно выделить ряд методов, позволяющих оценить изменение степени концентрации экономической активности. К числу наиболее распространенных можно отнести анализ динамики плотности населения региона (города), расчет коэффициента Херфиндаля-Хиршмана, индекса Джини, индекса географической агломерации предприятий обрабатывающей промышленности. В настоящее время концентрация экономической активности определяется также при помощи методики Г. Дурантона и Х. Овермана [4], позволяющей рассмотреть экономическое пространство как непрерывное. В качестве инструментария для оценки агломерационных процессов в регионах используется также К-функция Рипли и ее

различные модификации [1-3, 5, 6]. Анализ динамики плотности населения городов использовал в своем исследовании У. Странг [7], где он рассматривал возникновение агломерационных процессов на примере Канады. Так, в шести городах с населением свыше 1 млн. человек (Census Metropolitan Areas – СМА) проживает 45 % жителей страны. К числу СМА в Канаде относятся Торонто, Монреаль, Ванкувер, Оттава, Калгари и Эдмонтон. В территориальном отношении эти города занимают всего 0,37 % канадской земли. В данном случае речь идет о внутригородской агломерации. Он приводит пример, что плотность населения Торонто составляет 3939 человек на кв. км., в то время как в среднем по городам СМА – 630 человек на кв.км. [7].

Рассмотрим проявление агломерационных процессов в российских городах с использованием показателя плотности населения. Объектом исследования в данном случае будут являться города с численностью жителей свыше 100 тыс. чел. Таких городов в России насчитывается 169. По данным на 1 января 2010 г. в этих городах проживает 70367,9 тыс. чел. или 49,6 % населения страны. Средняя плотность населения – 1876 человек на кв.км. По показателю плотности населения в российских городах наблюдается значительная дифференциация. Наиболее плотно население проживает в г. Люберцы (Московская область) – 12292,2 человек на кв. км. – и в г. Москве – 9602,7 человек на кв. км. Показатели г. Торонто превышает плотность населения еще семи городов России: шести городов Московской области и г. Иваново. Самая низкая плотность населения имеет место в двух городах Республики Коми: г. Ухта (9,6 чел. на кв. км.) и г. Воркута (4,6 чел. на кв. км.).

За период 2004-2009 гг. плотность населения увеличилась в 65 городах. Выявлено, что в 19 городах плотность населения возросла исключительно за счет естественного прироста населения, следовательно, при отрицательном миграционном приросте агломерационные процессы здесь не наблюдаются. В число оставшихся 46 городов вошли 16 городов ЦФО (из них 8 – в Московской области), 5 городов СЗФО, 3 города СКФО (все в Ставропольском крае), 5 городов ПФО, 6 городов УФО, 6 городов СФО, 2 города ДВФО.

Проведем анализ концентрации экономической активности в России в целом и по федеральный округам в частности путем определения индекса Херфиндаля-Хиршмана (НИ) по двум показателям: объем промышленного производства и объем инвестиций в основной капитал в 1990г., 2000 г. и 2010 г. Результаты проведенного анализа представим в таблице.

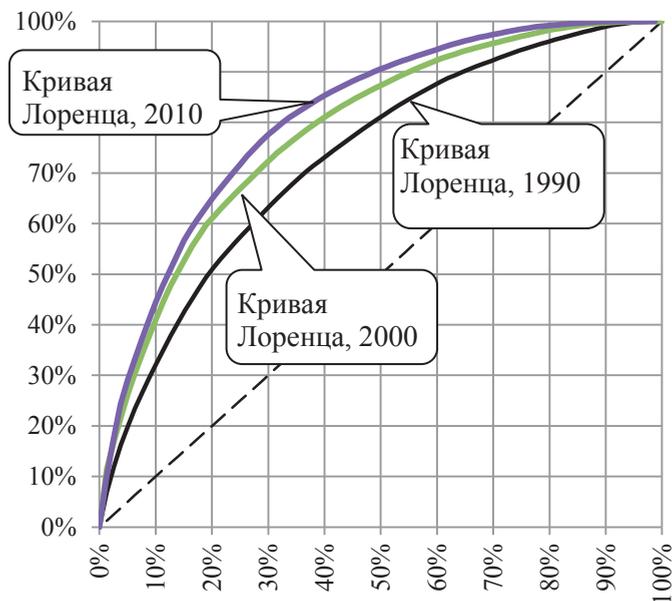
Регион	1990	2000	2010
Российская Федерация			
Промышленное производство	239,71	349,55	371,92
Инвестиции	275,56	653,47	384,35
Центральный федеральный округ			
Промышленное производство	1146,99	1273,20	1775,09
Инвестиции	1182,08	2976,55	1628,10
Северо-Западный федеральный округ			
Промышленное производство	1746,03	1510,74	2954,12
Инвестиции	1287,97	1658,26	2175,19
Южный федеральный округ			
Промышленное производство	2881,03	2690,98	3033,52
Инвестиции	2528,33	3226,99	4354,68
Северо-Кавказский федеральный округ			
Промышленное производство	2479,73	3871,15	4616,98
Инвестиции	2757,63	4014,56	2822,49
Приволжский федеральный округ			
Промышленное производство	938,87	1192,57	1245,78
Инвестиции	890,38	1247,53	1162,52
Уральский федеральный округ			
Промышленное производство	3111,04	4237,59	3259,68
Инвестиции	4888,76	6708,46	5720,09
Сибирский федеральный округ			
Промышленное производство	1318,62	2085,72	1636,68
Инвестиции	1228,98	1441,84	1458,67
Дальневосточный федеральный округ			
Промышленное производство	1652,09	1968,52	2321,76
Инвестиции	1563,41	1982,94	1827,26

Таблица 1. Индексы концентрации Херфиндаля-Хиршмана промышленного производства в Российской Федерации и по отдельным федеральным округам в 1990 г., 2000 г., 2010 г.

Выявлено, что концентрация промышленного производства значительно увеличивается за анализируемый период. В разрезе федеральных округов определено, что резкое увеличение концентрации промышленного производства за анализируемый период произошло в регионах СКФО (рост НИИ на 86,19%, особенно в 1990-2000 гг., значительная концентрация в Ставропольском крае), в СЗФО (рост НИИ в 2000-2010 гг. на 95,54%, значительная концентрация в г. Санкт-Петербурге, гораздо ниже – в Калининградской и

Ленинградской областях), в ЦФО (рост ННП на 54,76%, концентрация в г. Москве, Московской области, гораздо ниже – в Калужской области). Что касается концентрации инвестиций, но здесь ситуация выглядит менее однозначной. Так, в 2000 г. произошло резкое увеличение показателя, на наш взгляд, за счет концентраций инвестиций в г. Москве и Московской области, в Ставропольском крае, Тюменской области. Коэффициент Джини также отражает рост концентрации экономической активности в регионах РФ за период 1990-2010 гг.

Рисунок.1 Динамика концентрации промышленного производства в регионах РФ (кривая Лоренца) в 1990 г., 2000 г. и 2010 г.

Как показано на рисунке, концентрация промышленного производства в российских регионах за период 1990-2010 гг. усиливается. Индекс Джини также подтверждает выявленную тенденцию. В 1990 г. он составлял 45,95 %, в 2000 г. – 57,00 %, в 2010 г. – 62,09 %.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что агломерационные процессы в российских регионах могут рассматриваться с позиции концентрации промышленного производства, инвестиций и населения. Концентрация промышленного производства за 1990-2010 гг. в регионах РФ повышается. По показателю инвестиций в основной капитал ее максимум приходился на 2000г. Тенденция концентрации населения в большей степени наблюдается в регионах Центрального федерального округа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cressie NA (1993) Statistics for spatial data. Wiley, New York
 2. Cuzick J, Edwards R (1990) Spatial clustering for inhomogeneous populations. Journal of the Royal Statistical Society, Series B 52: 73-104
 3. Diggle PJ (1983) Statistical analysis of spatial point patterns. Academic Press, London
 4. Duranton G, Overman H (2005) Testing for localization using micro-geographic data. Review of Economic Studies 72: 1077-1106
 5. Marcon E, Puech F (2003b) Measures of the geographic concentration of industries: Improving distance-based methods. Cahiers de la MSE 18: 409-428
 6. Ripley BD (1979) Test of 'randomness' for spatial patterns. Journal of the Royal Statistical Society - Series B (Methodological) 41: 368-374
 7. Viewpoint: Agglomeration research in the age of disaggregation. William C. Strange // Canadian Journal of Economics/Revue canadienne d'économique. Volume 42, Issue 1, pages 1-27, February
 8. Еникеева А. Репутация вуза и счастье учёного стоят серьёзных денег // S&T RF. Наука и технологии РФ. 5.10.11. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=42578
 9. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2005: Стат. сб. / Росстат. - М., 2006. - 383 с.
 10. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2010: Стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - 396 с.
- Статья поступила в редакцию 16 ноября 2011 года.

УДК 330.322.21

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ФИНАНСИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Сарченко В.И.

FEATURES OF THE MECHANISM OF FINANCING OF BUILDING OF INHABITED REAL ESTATE

Sarchenko V.I.

В статье предложен механизм финансирования строительства жилой недвижимости, адекватный динамичной ситуации на рынке жилья и используемый автором в его практической и производственной деятельности. Автором раскрываются варианты соотношения сметной стоимости и цены продажи квадратного метра жилой площади на рынке на различных этапах строительства жилья. Изложены особенности данного метода позволяющего выбрать из возможных вариантов наиболее эффективный.

The article offers the mechanism of financing of building of the inhabited real estate, adequate to a dynamical situation in the market of habitation and used by the Author in its practical and industrial activity. The Author reveals the variants of a parity of budget cost and the price of sale of square meter of a floor space in the market at various stages of building of habitation. Features of the given method allowing are stated to choose the most effective variant of possible ones.

Ключевые слова: финансирование строительства, волатильность, поступления от продаж, инвестиции, сметная стоимость, застройщик, подрядчик, инвестор.

Keywords: building financing, volatility, receipts from sales, investments, budget cost, builder, contractor, investor.

Успешной деятельности предприятия застройщика в настоящее время предшествует полный анализ текущего состояния рынка, разработка стратегии действий с выбором оптимальной системы финансирования строительства. В практике, исходя из особенностей конкретной ситуации, применяются сложные финансовые схемы, включающие разные финансовые источники и условия их привлечения. При осуществлении строительства жилой недвижимости (в силу высокой материалоемкости и длительного срока создания готовой продукции) у застройщика чаще всего недостаточно собственных оборотных средств.

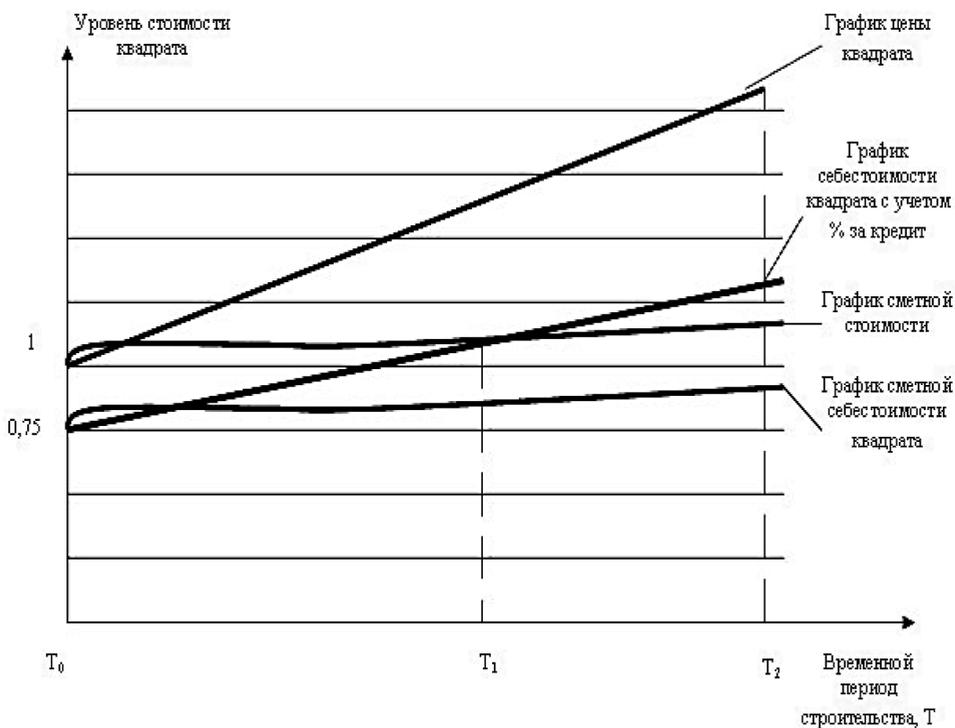
Основой финансирования строительства жилья в настоящее время являются средства дольщиков, что выгодно обеим сторонам. Дольщик начинает финансировать строительство жилого дома в объеме стоимости приобретенной квартиры после получения разрешения на строительство и опубликования проектной декларации. Застройщик при данной схеме финансирования получает возможность привлечения денежных средств от дольщиков на период строительства на беспроцентной основе. При проведении строительства за счет банковских заемных средств себестоимость квадратного метра возрастает на величину процентной ставки по кредиту. На сегодняшний день ставка кредитования в среднем равна 15%. Кроме приведенных выше механизмов финансирования строительства, возможно привлечение инвестиционного капитала. Инвесторами могут выступать крупные коммерческие или государственные структуры, приобретающие жилье для своих работников, либо инвестиционные компании, преследующие цель перепродажи. Состояние рынка предопределяет сущность выбираемой схемы финансирования, которая определяет уровень стоимости m^2 жилья и динамику ее изменения.

Ниже рассматриваются уровень цены m^2 жилья, его динамика в сравнение с уровнем сметной стоимости: цена m^2 значительно выше сметной стоимости и устойчиво растет («растущий квадрат»); цена m^2 примерно равна сметной стоимости и в динамике подобная волатильность сохраняется; цена m^2 жилья ниже сметной стоимости и в динамике на определенный период подобное соотношение сохраняется («падающий квадрат»). В варианте «растущего квадрата», в сравнение со сметной стоимостью, наибольший эффект достигается при строительстве жилья на заемные средства. Продажу квартир целесообразно проводить перед вводом объекта в эксплуатацию. В данном случае рост цены на m^2 превышает затраты на оплату процентов по кредиту. При волатильном уровне цен на квадрат относительно сметного уровня, целесообразно

минимизировать количество заемных средств, так как затраты на оплату по кредиту могут превысить ресурс заложенной сметной прибыли. Продажу квартир необходимо начинать на ранней стадии строительства.

Экономически не выгодным для застройщика случаем является «падающий квадрат», цена m^2 , в данном случае, ниже сметного уровня и продолжает снижаться. В данный период застройщику предпочтительнее сотрудничать с крупными инвесторами и участвовать в государственных программах, которые финансируются из бюджетов разного уровня.

Рисунок 1. Вариант результатов деятельности застройщиков при растущем квадрате

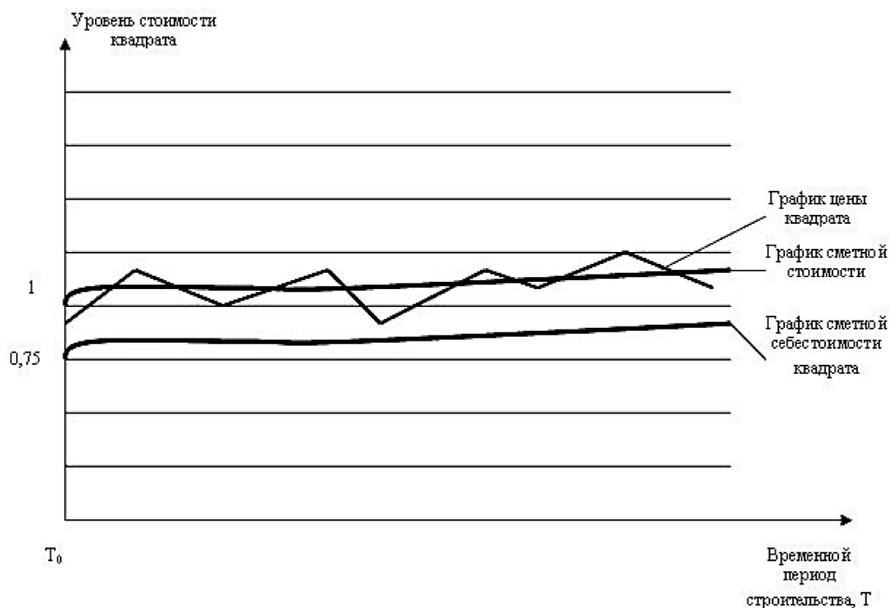
T_0 - начало периода реализации строительного проекта,

T_1 - точка превышения себестоимости m^2 с учетом ставки по кредиту над сметной стоимостью,

T_2 - завершение проекта строительства жилого дома.

На рисунке 1 изображена ситуация «растущего квадрата», где каждый из графиков, описывающих ту или иную стоимость m^2 в динамике, имеет положительную тенденцию к ее росту. С учетом ставки по кредиту, точка T_1 является началом периода превышения себестоимости m^2 над сметной стоимостью, то есть рост цен на m^2 жилья на рынке опережает затраты на оплату кредита.

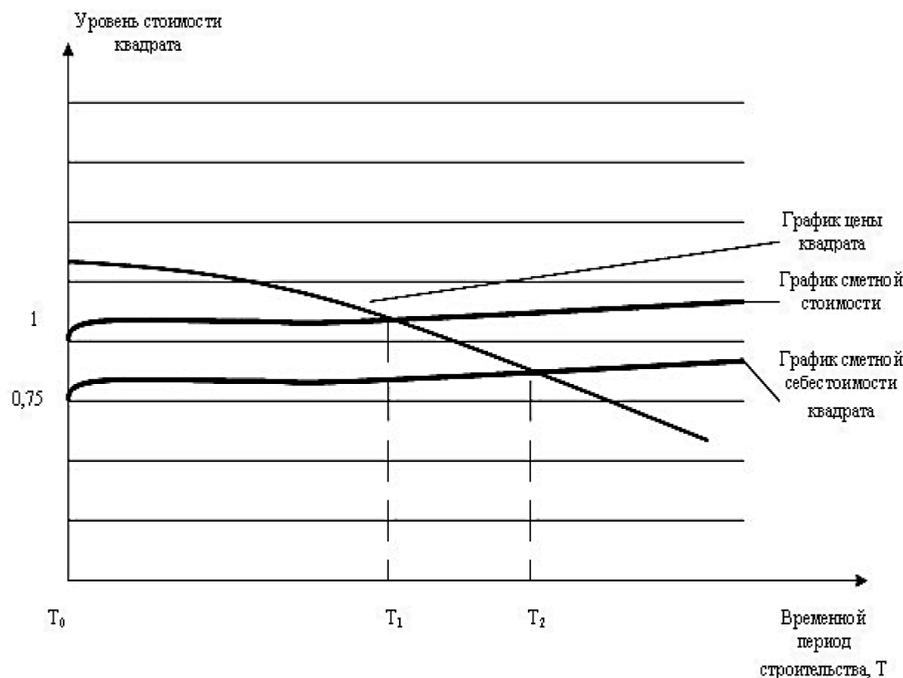
Рисунок 2. Вариант результатов деятельности застройщиков при волатильном уровне цен на квадрат

T_0 - начало периода реализации строительного проекта.

На рисунке 2 изображена ситуация волатильного поведения стоимости m^2 . Цена квадрата в динамике не стабильна и колеблется на уровне сметной стоимости.

Рисунок 3. Вариант результатов деятельности застройщиков при «падающем квадрате»

T_0 - начало периода реализации строительного проекта;

T_1 - точка равенства стоимости квадратного метра на рынке со сметной стоимостью;

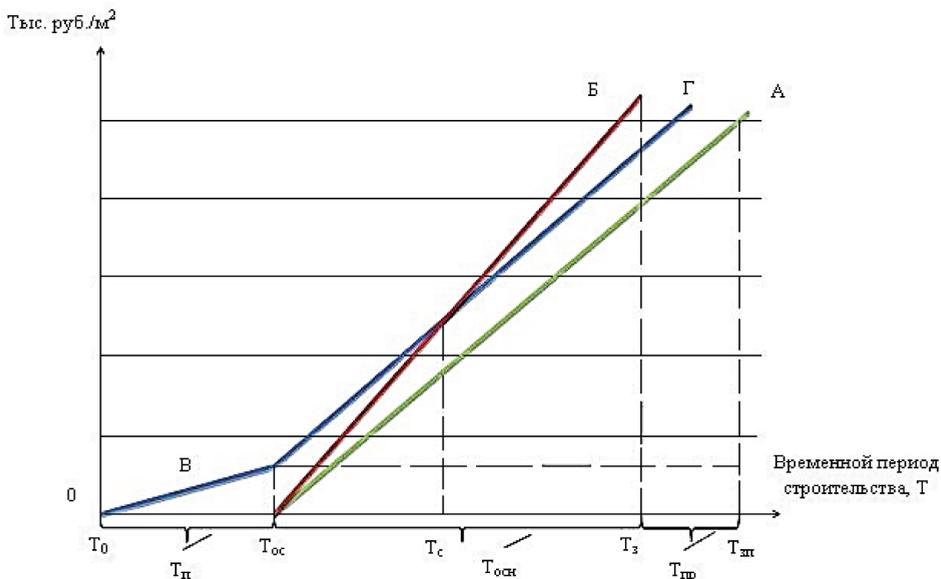
$T_1 - T_2$ - период «проедания» сметной прибыли (деятельность застройщика является безубыточной);

T_2 - конец периода безубыточной деятельности застройщика.

Рисунок 3 описывает ситуацию падающего квадрата. В начале периода $T_0 - T_1$ застройщик получает прибыль от реализации жилья, период $T_1 - T_2$ характеризуется «проеданием» сметной прибыли. Однако потери прибыли при продаже m^2 жилья на рынке компенсируются. Точка T_2 начало периода, в котором застройщик начинает нести убытки вследствие низкой рыночной стоимости m^2 жилой площади.

Рисунок 4 описывает ситуацию, когда застройщик рассчитывается с подрядчиками и поставщиками денежными средствами.

Рисунок 4. Затраты на строительство и денежные поступления от продаж

А - график продаж m^2 в случае, когда часть квартир реализуется после ввода объекта в эксплуатацию за период $T_{пр}$;

Б - график продаж m^2 в случае, когда даты продажи последней квартиры и ввода объекта в эксплуатацию совпадают;

В - график затрат на m^2 в подготовительном периоде;

Г - график затрат на m^2 в основном периоде;

T_0 - начало реализации проекта строительства жилого дома,

- T_n - период подготовительного этапа строительства;
- T_{oc} - начало основного этапа строительства,
- $T_{осн}$ - основной период строительства;
- T_c - точка начала самофинансирования строительства;
- T_3 - точка завершения строительства;
- $T_{пр}$ - период продаж после ввода в эксплуатацию.

В случае растущего или волатильного квадрата и при условии, что все квартиры продаются до сдачи объекта в эксплуатацию, всегда найдется некоторая дата T_c (рисунок 4), так называемый период самофинансирования текущего или общего, когда поступающих средств от продажи квартир достаточно, чтобы компенсировать все текущие затраты или общие, включая затраты подготовительного периода соответственно.

Возможен случай, когда часть квартир продается после ввода объекта в эксплуатацию. При этом может иметь место ситуация, когда во всем основном периоде строительства присутствует дефицит денежных средств, то есть затраты превышают поступления финансирования за счет продаж. Существует эффективный способ приближения даты самофинансирования. Речь идет о полном или частичном переходе к расчетам с подрядчиками и поставщиками в основном периоде строительства квартирами в строящемся жилом доме. При полном переходе в период основного строительства к расчетам с подрядчиками, поставщиками квадратными метрами жилой площади застройщик переводит строительство объекта на текущее самофинансирование, продав часть площадей из своей доли, он компенсирует все ранее понесенные затраты и тем самым уже окупает все вложенные средства. Продажа оставшейся части доли составляет прибыль застройщика.

Таким образом, своевременная реакция застройщика на состояние рынка, выбор наиболее эффективного способа финансирования и взаимодействия с подрядчиками и поставщиками способствуют получению максимальной прибыли от реализации проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационный портал «Банки» <http://www.banki.ru/banks>.
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 495 с. — (Б-ка словарей «ИНФРА-М»).

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2011 года.

УДК 330.142.211

ИНВЕСТИЦИОННО - ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Хижняков Д.М., Захаров П.Н.

INVESTMENT - BUILDING ENTERPRISE INNOVATION AS A FACTOR OF ITS ECONOMIC VIABILITY

Hizhnyakov D.M., Zakharov P.N.

В статье авторами было дано и раскрыто понятие экономической устойчивости строительного предприятия как составной части надежности. Задача устойчивого развития является стратегической для любого предприятия отрасли в условиях конкуренции. Решением этой задачи может служить формирование инновационной стратегии внутреннего саморазвития. Данная стратегия (совместно с накопленными научными знаниями) формирует инновационный потенциал предприятия, который является главным фактором, влияющим на его экономическую устойчивость.

The Authors of the article reveals the concept of economic sustainability of the construction company as part of reliability. The problem of sustainable development is strategic for any company in a competitive industry. The solution to this problem is the formation of internal self-innovation strategy. This strategy with the accumulated scientific knowledge generates innovative potential of the company, which is the main factor affecting the economic sustainability of the construction enterprise.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, инвестиционно - инновационная деятельность, управление, инновационная стратегия, инновационный потенциал, внутренняя среда предприятия, инновационное саморазвитие.

Keywords: economic sustainability, investment and Innovation, management, innovation Strategy, innovative potential, the internal environment of the enterprise, an innovative self-development.

Обеспечение экономической устойчивости любого предприятия неразрывно связано с формированием эффективного, способного адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям макросреды организационно - экономического механизма управления.

Устойчивое функционирование предприятия и его экономический рост во многом зависит от совершенствования управления и организации всех сторон его деятельности и является результатом принимаемых управленческих решений.

Устойчивость понимается как способность системы сохранять свою структурную целостность при воздействии внешних сил. Это понятие можно конкретизировать как обеспечение производственно-коммерческой деятельности за счет эффективного использования имеющихся производственных ресурсов и управления предприятием, устойчивого финансового

состояния, а также социального развития коллектива при самофинансировании в условиях динамично развивающейся внешней среды [1]. В исследовании Архиповой Е.А. устойчивость предприятия рассматривается в качестве составной части надежности [2]. Устойчивость определяется как способность предприятия функционировать при определенных условиях взаимодействия с внешней средой, а также достигать в планируемом периоде времени определенных экономических показателей собственной воспроизводственной деятельности с достаточным уровнем достижения целей развития.

Механизм влияния факторов внутренней среды на формирование экономической устойчивости предприятия представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Механизм влияния факторов внутренней среды на формирование экономической устойчивости предприятия.

Система управления строительного предприятия генерирует комплекс инновационно-инвестиционных мероприятий, которые организационно-экономическими методами повышают эффективность инвестиционно-инновационной деятельности. Совокупность таких мер представляет собой организационно экономическим механизм управления инновационной и инвестиционной деятельностью строительного предприятия.

Организационный характер этих мероприятий обусловлен тем, что их содержание во многом составляют разнообразные управленческие меры: прогнозирование, планирование, мотивация, организация и координация действий, взаимодействие, анализ и контроль. Реализация управленческих решений требует определенных затрат, которые нужно минимизировать. Тут же встает вопрос об экономической эффективности и целесообразности проводимых мер.

Строительные предприятия, как и любые сложные социально-экономические системы, создаются для реализации определенных целей, степень достижения которых отражает экономическую эффективность их функционирования [3]. Корпоративное целеполагание определяет вектор управленческих решений, начиная от высшего руководства и заканчивая непосредственными исполнителями. Задача повышения устойчивости строительного предприятия является многокритериальной и поддается формальному моделированию. В условиях конкуренции важнейшей стратегией строительного предприятия является обеспечение его устойчивого развития. Оценка устойчивости строительных предприятий основывается на сравнении экономических выгод и экономических затрат. Под экономическими выгодами здесь понимается увеличение настоящих и будущих денежных потоков, а под экономическими затратами - уменьшение настоящих и будущих денежных потоков.

Теоретически условие устойчивости предприятия можно выразить следующим неравенством:

$$D - Z - (\Phi + И) > 0,$$

где: D - доход от реализации продукции;

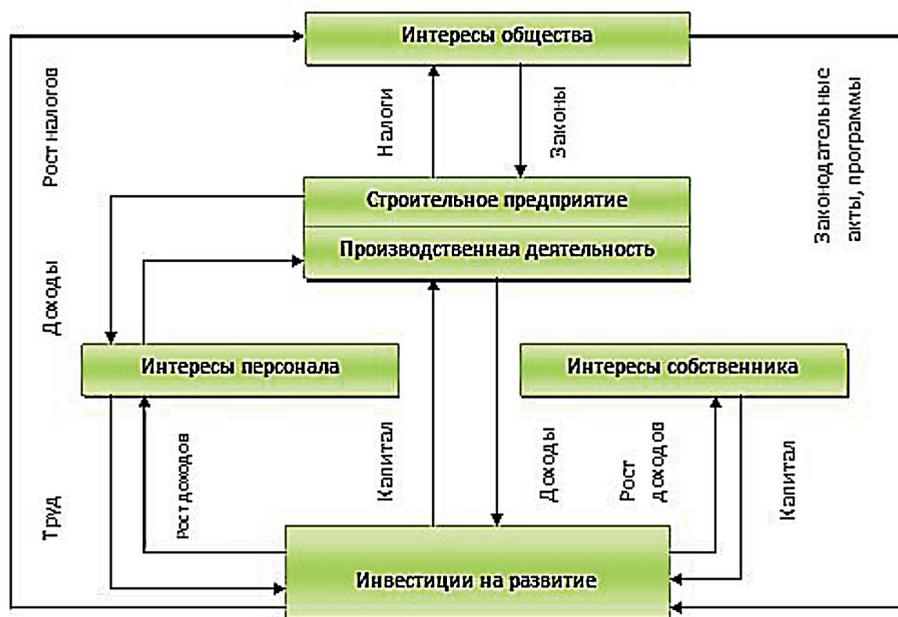
Z - затраты на производство продукции;

Φ - фискальные платежи;

$И$ - сумма инвестиций на развитие.

Модель, отражающая приведенное неравенство, приведена на рисунке 2. В ней показаны основные денежные потоки, и отражены три основных сферы деятельности, по которым принимаются решения: инвестиционная, производственная и финансовая. Инвестиционную деятельность характеризуют существующая инвестиционная база, новые инвестиции; производственную - издержки, объем реализации продукции; финансовую - прибыль, собственный капитал, дивиденды, долгосрочная задолженность и потенциал, который создается для инвестирования развития.

Рисунок 2. Модель экономической устойчивости строительного предприятия

Единство всех трех видов деятельности обеспечивает необходимые и достаточные условия экономической устойчивости строительных организаций.

Наиболее важными направлениями повышения устойчивости предприятия являются формирование оптимальной производственной программы, организация снабжения, оперативное управление производством, организация реализации продукции, управление инвестициями [4]. Перечисленные направления определяют содержание инновационной стратегии внутреннего саморазвития строительного предприятия. Разработка инновационной стратегии должна базироваться на накопленном опыте перестройки производственной системы и системы управления предприятием в условиях рыночной экономики. Этот опыт (в совокупности с инновационной системой знаний) представляет своеобразный инновационный потенциал предприятия. Цель инновационной деятельности строительного предприятия заключается в обеспечении эффективной реализации его производственно-технологического и организационно-технического потенциалов, что является основой экономической устойчивости. Рассматривая функционирование предприятия с позиции его устойчивости, можно выделить четыре ключевых аспекта деятельности: финансовая деятельность, отношения с потребителями, организация внутренних бизнес-процессов, рост и развитие [5]. Каждый из этих аспектов является, с одной стороны, сферой влияния самого предприятия, а, с другой, - сферой

влияния внешней среды. Поэтому необходимо рассматривать взаимодействие и взаимовлияние этих сфер при определении для каждой из них параметров, при которых производственно-финансовая деятельность предприятия будет иметь максимальную устойчивость.

Таким образом, под устойчивостью строительного предприятия мы понимаем как наличие инновационного потенциала устойчивого развития, так и его эффективное использование для нейтрализации внешних воздействий и факторов дестабилизации. Такое определение устойчивости предприятия позволяет оценить ее количественно, что, в свою очередь, дает возможность управлять ее уровнем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Е.А. Повышение устойчивости и надежности деятельности строительного предприятия. // Дис. на соиск. уч. ст. к.э.н. Санкт-Петербург, 169 с.
2. Сафин Ф. Сущность и факторы экономической устойчивости [Электронный ресурс]: URL: <http://www.tisbi.ru/> (Дата обращения 15.11.11)
3. Бузырев В.В., Панибратов Ю.П., Федосеев И.В. Планирование на строительном предприятии.- М.: Образовательно-издательский центр Академия, 2004- 461 с.
4. Завгородняя А.В., Ямпольская Д. О. Маркетинговое планирование.- СПб: Питер. 2002.- 352с.
5. Мелехин В.Б., Исмаилова Ш.Т. Оценка эффективности инновационного развития строительного предприятия /Экономика строительства.- №12, 2005 г. – 268с.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2011 года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРЧАКОВ РУСТАМ АБУКАРОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет».

Адрес: 107076, г. Москва, ул. Стромынка, 18.

ГАЙЛОМАЗОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – доцент кафедры социально-экономических наук, НОУ ВПО «Ростовский институт защиты предпринимателя».

Адрес: 344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Буденновский, 86.

ЗАЙЛАЛОВ ИЛЬДУС ИСЛАМОВИЧ – кандидат философских наук, доцент, филиал ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» в г. Октябрьском (ФГБОУ ВПО «УГНТУ» в г. Октябрьском).

Адрес: 452600, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Девонская, 54 А.

ЗАКОЛОДНИЙ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

ЗАХАРОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, доцент, директор Института экономики и менеджмента, ФБГОУ ВПО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых».

Адрес: 600000, РФ, г. Владимир, пр-т Строителей, 3/7.

КАДЫРОВА ФАРИДА МИХАЙЛОВНА - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий лабораторией, ФГНУ «Институт педагогики и психологии профессионального образования» РАО (г. Казань).

Адрес: 420039, Татарстан, г. Казань, ул. Исаева, 12.

КАМАЛОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент, Северо-Кавказский научный центр высшей школы ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

КОВАЛЬЧУК ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, Председатель комитета по образованию Всеволожского района Ленинградской области.

Адрес: 188641, РФ, Ленинградская область, г. Всеволожск, ул. Обороны, 18 А.

КОНЮХОВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ – кандидат технических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет».

Адрес: 664074, РФ, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

КРАСИКОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА - преподаватель, ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет».

Адрес: 664074, РФ, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

КУРЗАЕВА ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА – кандидат педагогических наук, инженер по качеству отдела образовательной политики и мониторинга качества образования, ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет».

Адрес: 455038, РФ, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 114.

МАГОМАЕВА ЛЕЙЛА РУМАНОВНА - кандидат экономических наук, ГОУ ВПО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова».

Адрес: 364051, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Авторханова, 14/53.

МАКАРОВА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА – старший преподаватель, Таганрогский Технологический институт ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 347922, РФ, г. Таганрог, пер. Некрасовский 44.

НАДИРОВ СУФЬЯН НАЖМУТДИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, филиал ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» в г. Дербенте.

Адрес: 368607, РФ, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Советская 15 А.

НАЗАРОВА МАРИНА ПЕТРОВНА – кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет».

Адрес: 400074, РФ, г. Волгоград, ул. Академическая, 1.

ОВЧИННИКОВА ИРАИДА ГРИГОРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе и менеджменту качества, ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет».

Адрес: 455038, РФ, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 114.

ПЕРЕВЕРЗЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА - начальник учебно-методического отдела, Ростовский филиал ФГБОУ ВПО «Российская таможенная академия».

Адрес: 344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Буденновский, 20.

ПИСАРЬ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ - доктор педагогических наук, профессор, исполнительный директор ОГБОУ СПО «Смоленский промышленно - экономический колледж».

Адрес: 214018, РФ, г. Смоленск, пр-т Гагарина, 56.

ПЛЕХОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат юридических наук, адвокат, Ростовская областная коллегия адвокатов Ворошиловский филиал.

Адрес: 344000, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Космонавтов, 41 А.

ПУГАЧЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА - доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора ФГНУ «Институт педагогики и психологии профессионального образования» РАО (г. Казань).

Адрес: 420039, Татарстан, г. Казань, ул. Исаева, 12.

РАСТВОРЦЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – доктор экономических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес: 308015, РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕБРИК ЭЛЕОНОРА ЮРЬЕВНА - преподаватель, ОГБУ СПО «Смоленский промышленно-экономический колледж».

Адрес: 214018, РФ, г. Смоленск, пр-т Гагарина, 56.

РОДИОНОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА - кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Южно-российский университет экономики и сервиса» г. Шахты.

Адрес: 346500, РФ, Ростовская обл, г. Шахты, ул. Шевченко, 147.

САРЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет».

Адрес: 66041, РФ, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82.

СОКОЛОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА – преподаватель, ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет».

Адрес: 180004, РФ, г. Псков, ул. Я. Фабрициуса, 16.

СУДДЕНКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебно-методической работе, ОГБУ СПО «Смоленский промышленно-экономический колледж».

Адрес: 214018, г. Смоленск, пр-т Гагарина, 56.

ТАТАРИНОВА ИРИНА ПЕТРОВНА - кандидат педагогических наук, директор ОГБУ СПО «Смоленский промышленно-экономический колледж».

Адрес: 214018, г. Смоленск, пр-т Гагарина, 56.

ХИЖНЯКОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ - аспирант, ФБГОУ ВПО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых».

Адрес: 600000, РФ, г. Владимир, Строителей пр-т, 3/7.

ШАМИЛЕВА РОЗА КАМИЛЕВНА – кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова».

Адрес: 364051, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Авторханова, 14/53.

ШИНКАРЕНКО МАРИНА СЕРГЕЕВНА - аспирант, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Адрес: 357500, РФ, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9.

ЯКУБА ЭЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА - преподаватель, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см. сайт www.cegr.ru).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта–14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и ttf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименование; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в

квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, с.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал

№ 1 2012 г.

Подписано в печать 30.01.2012. Формат 340x245

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
представленного авторами, в типографии

ЗАО «Центр Универсальной Типографии»

344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская ул., 140, оф.201